

С.З.Зилянов, К.З.Идрисов

1 2011

30543к

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ

Мухамеджана
СЕРАЛИНА

1 2011/30543 к

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

С. З. ЗИМАНОВ, К. З. ИДРИСОВ

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ
МУХАМЕДЖАНА
СЕРАЛИНА

АЛМА-АТА .

«Наука» Казахской ССР

1989

Зиманов С. З., Идрисов К. З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина.— Алма-Ата: Наука КазССР, 1989.— 165 с.

В книге рассматриваются условия формирования, творческая биография и идеалы М. Сералина, его общественно-политическая деятельность в начале XX в. и после Октябрьской социалистической революции.

Рассчитана на ученых-обществоведов и широкий круг читателей.

Ответственный редактор

доктор философских наук

М. С. БУРАБАЕВ

3 0202000000-517-5-89
407(05)-89
ISBN5-628-00249-2 881501 ©
Издательство
«Наука»
Казахской ССР,
1989

ВВЕДЕНИЕ

Одной из значительных фигур в истории общественно-политической мысли Казахстана конца XIX — начала XX в. является Мухамеджан Сералин (1872—1929). Тем не менее его жизненный путь и идеалы, становление как передового общественно-политического деятеля и этапы развития взглядов, легальная и нелегальная его работа в дореволюционный период и другие вопросы остаются весьма слабо, а частью вовсе не исследованными.

Это не означает, однако, что нет исследований о М. Сералине. О нем время от времени писали, но освещали в основном его литературно-художественную и журналистскую деятельность, а попытки рассмотреть взгляды и место М. Сералина в истории идейного движения в дореволюционном Казахстане, как правило, ограничивались рамками журнала «Айкап» (1911—1915 гг.), основателем и идейным руководителем которого он был. Таким образом, его общественно-политическая деятельность и воззрения сводились к этому журналу.

«Айкап» был в многовековой истории Казахстана первым национальным журналом и на его страницах действительно поднимались вопросы социально-экономической и хозяйственной жизни края. В этом плане его историческое значение огромно и заслуги его как издателя значительны.

В то же время рассматривать М. Сералина, разностороннего, образованного деятеля только с позиции этого журнала явно недостаточно. Если судить по материалам, известным на сегодня, то литературно-художественно-

ственная деятельность М. Сералина — не главное в его общественной биографии. М. Сералин написал небольшие поэмы («Топ жарган» (1900) и «Гулкашима» (1903) и перевел из Фирдоуси поэму «Рустем-Зораб» (1914)), а также несколько рассказов, написал три-четыре газетных очерка. Большинство этих произведений написано в ранние годы, когда он был учителем и увлекался идеями просвещения народа, как и многие другие молодые образованные местные интеллигенты того времени.

К тому же, хотя исследование литературно-художественного творчества М. Сералина, включая его деятельность как журналиста, ведется сравнительно давно, и в этой области добиться существенного успеха еще не удалось. Многочисленные стихи, басни и памфлеты, написанные им в стиле социально-политической публицистики в годы революции 1905—1907 гг. и после нее еще не найдены, а следовательно, не введены в научный оборот, ученые-филологи не вели активных поисков по их обнаружению. Другим общим недостатком изучения художественного наследия М. Сералина является то, что оно рассматривалось без должной связи с его общественно-политическими и моральными воззрениями. Этим отчасти объясняется, что Мухамеджан Сералин еще не занял достойного его места в истории казахского народа, в истории общественно-политической мысли и культуры Казахстана¹.

Мы также не ставим задачу всеобъемлющего рассмотрения общественно-политических воззрений М. Сералина, ибо ее невозможно решить в рамках одного исследования, а пытаемся лишь, опираясь на предыдущие работы и накопленный материал, частью найденный нами, воссоздать образ Мухамеджана Сералина в зрелые годы как носителя передовых и радикальных общественно-политических идей своего времени, рассматривать его практическую деятельность как воплощение этих

---

¹ Парадоксально, но факт, что в Кустанайской области, где жил и работал всю жизнь М. Сералин, и даже в Комсомольском районе, где он родился и где покоится его прах, плохо знают своего земляка. Как писала республиканская печать, «в настоящее время во многих местах Кустанайской области в районе мало кто знает М. Сералина. В особенности неизвестно это имя среди молодежи» (Социалистик Казахстан. 1984. 13 мая; Коммунизм таны, 1970. 25 февраля).

идей в условиях дореволюционного Казахстана и после Великой Октябрьской социалистической революции. При этом мы, наряду с изложением, стремились не только дать свою определенную точку зрения, но и наметить направления в изучении мировоззрения и деятельности М. Сералина.

Политические взгляды М. Сералина, которые представляют основной предмет настоящего исследования тесно связаны с другими сторонами его воззрений, и в первую очередь, с его мироощущением и мировоззрением. Исходя из этого и имея в виду более целостное познание его как деятеля, мы уделили в работе значительное внимание процессу формирования его взглядов и факторам, во многом предопределявшим направление его идейной жизни и деятельности.

К освещению общественно-политических взглядов М. Сералина можно подходить по-разному. Один из подходов заключается в том, что, поскольку издателем журнала «Айкап» был Мухамеджан Сералин, то его идейно-политическая позиция может быть охарактеризована через содержание этого издания в целом. Так поступают многие, если не большинство исследователей: позицию журнала отождествляют с позицией М. Сералина.

Другой подход состоит в том, что общественно-политические воззрения М. Сералина всецело выводятся из его статей и трудов, опубликованных в официальной подцензурной печати дореволюционного Казахстана. Этот метод более научный, но он требует тщательного сопоставительного анализа, позволяющего раскрыть внутреннюю логику и мысли, остающиеся незамеченными при поверхностном чтении.

Отсутствие такого анализа характерно для многих исследователей, занимавшихся вопросами идейно-политических течений в дореволюционном Казахстане.

Нам представляется более рациональным в дополнение к первым двум подходам рассматривать общественно-политические взгляды М. Сералина через его нелегальные и практические действия, которые не всегда, а иногда и вовсе не укладываются в рамки его официальных печатных трудов. Такой подход ведет к более верному раскрытию внутреннего мира мыслителя, не всегда проявляющегося открыто в условиях колониального режима и отсутствия условий для свободного выра-

жения мысли. Мы придерживались именно этого, последнего метода. Это не означает, однако, что мы таким образом сказали последнее слово, мы лишь стремимся преодолеть неполноту в оценке общественно-политических взглядов М. Сералина.

Некоторым работам присуще простое комментирование. Они пишутся по шаблону: берутся статьи М. Сералина, как правило, опубликованные в журнале «Айкап» и пересказывается их содержание. Анализ и оценка при этом делаются просто: если есть призыв к переходу кочевника к оседлости и земледелию, то это прогрессивно, а если есть мысли о необходимости строительства мектебов и медресе при мечетях, то это — не прогрессивно. Если же есть в трудах М. Сералина оправдание каких-то сторон местного управления, бийского суда, адатного права, то это — реакционно, а если сплошь и рядом их поносят как отжившие органы, то такое суждение объявляется «демократическим». Такая прямолинейность в оценках не имеет ничего общего с научно-историческим анализом. Поэтому не удивительно, что эти авторы, характеризуя тех или иных дореволюционных деятелей, больше оперируют определениями типа «консерватор», «клерикал», «реакционер», «панисламист» или «демократ», «просветитель», «революционер», не пытаясь серьезно разобраться в сути противоречивой эволюции их взглядов. Отчасти это можно отнести к издержкам периода культа личности и застоя.

Исследователями проделана определенная работа по выявлению и публикации новых материалов о дореволюционных казахских деятелях и изучению их общественной и политической биографии, творческой деятельности, конкретного вклада в духовную жизнь и культуру народа. Однако в основном это работы, посвященные Абаю Кунанбаеву, Чокану Валиханову и Ибраю Алтынсарину. Наследие многих других видных представителей общественной мысли дореволюционного Казахстана остается еще недостаточно, а в ряде случаев слабо исследованным. К последним относится и М. Сералин. Новые горизонты открываются теперь в связи со снятием запретов и обвинений с ряда крупных деятелей общественной мысли, таких как Шакарим Кудайбердиев, Ахмет Байтурсунов и др.

М. Сералин, как уже отмечалось, в литературе пред-

ставлен в основном как журналист, поэт и основатель первого казахского национального журнала «Айкап» (1911—1915 гг.). Составление биографии, описание его жизненного пути и истории публикации двух поэм, а также подготовки издания журнала М. Сералиным — все это было сделано в основном учеными-филологами. Они же первыми назвали М. Сералина народным просветителем, просветителем-демократом.

Ни один исследователь истории культуры Казахстана и идейного движения не может обойти журнал «Айкап» как письменный памятник и источник сведений о различных сторонах жизни казахского общества, в том числе социально-экономической и идейно-политической. Попутно затрагивались, как правило, и взгляды М. Сералина, почти всецело определяемые его статьями, опубликованными на страницах журнала. Но, во-первых, они охватывают только небольшой отрезок времени — четырехлетнюю деятельность М. Сералина. Во-вторых, даже в рамках этого периода отражают не всю его общественно-политическую и идейно-творческую деятельность. В эти же годы М. Сералин сотрудничал с русскими и татарскими изданиями, где нередко высказывал более смелые и зрелые мысли, чем в журнале «Айкап». Даже с этой точки зрения изучать взгляды М. Сералина исключительно на основании журнала «Айкап» неправомерно. В-третьих деятельность М. Сералина по изданию журнала «Айкап» и его статьи в нем выражают только одну сторону творчества просветителя, ту его часть, которая укладывалась в официальную политику царизма и не наносила ей вреда. Но куда более разносторонней, богатой, идейно глубокой и насыщенной была его неофициальная деятельность, происходившая за пределами журнала «Айкап».

В этой связи важно и нужно различать официальные выступления М. Сералина в журнале «Айкап» и его неофициальную, нелегальную и полуполигальную деятельность, а также рассматривать их в тесной взаимосвязи. Только такой подход позволяет раскрыть его идейно-политические позиции.

Одними из первых к личности М. Сералина обратились ученые-филологи К. Жумалиев и Е. Исмаилов. В книге, посвященной казахской литературе, они еще в 1946 г. указывали на то, что в Казахстане «появился ряд демократических поэтов-писателей. Одним из них был

М. Сералин»². По их мнению, М. Сералин, наряду с С. Торайгыровым, С. Кубеевым, С. Донентаевым, А. Галимовым, Б. Отетлеуовым и М. Копеевым является видным представителем дореволюционной демократической казахской литературы³. В «Очерках истории казахской дореволюционной литературы» Б. Шалабаева, изданных в 1958 г., М. Сералин характеризуется как «известный казахский журналист, публицист и поэт»⁴.

С середины 50-х гг. в работах литераторов и историков, посвященных истории культуры, литературы и печатного дела в дореволюционном Казахстане, все больше стало уделяться внимания общественно-политическим взглядам М. Сералина. «Существенное место в казахской литературе после революции 1905—1907 гг.,— говорится в одной из них,— занимали гражданские мотивы. Писатели призывали к ломке устоев старого, обветшалого патриархально-родового быта, ратовали за развитие всего нового, прогрессивного, за обновление жизни кочевого народа. Поэты, писатели, журналисты демократического направления считали своей основной задачей отображение реальной действительности. К таким демократическим писателям и поэтам относится и М. Сералин. В их творчестве получили отражение новые общественные идеи, народные мечты о светлом будущем⁵. Такой крупный исследователь истории дореволюционной казахской литературы, как И. Дуйсенбаев на основе изучения художественного творчества М. Сералина пришел к выводу, что «он в своих поэмах стремился показать жизнь казахского народа того периода с реалистических позиций»⁶.

Сбор и публикация воспоминаний ряда членов революционной социал-демократической ячейки, а затем — большевистской группы в г. Кустанае, в особенности С. С. Ужгина, в которых приводились данные о связях М. Сералина и других казахских передовых учителей с местными революционными организациями и их деяте-

---

² Жумалиев Х., Ысмайылов Е. Қазақ әдебиеті. Алматы, 1946. 94—95-б.

³ Там же. С. 96.

⁴ Шалабаев Б. Очерки истории казахской дореволюционной литературы. Алма-Ата, 1958. С. 51.

⁵ Тойганбаев А., Жиреншин А. Книга, графика, плакат Казахстана. Алма-Ата, 1958. С. 28.

⁶ Үш ғасыр жырлайды. Алматы, 1965. 43-б.

лями, подняли изучение общественно-политических воззрений М. Сералина на новый уровень. Историк А. Ф. Якунин в одной из статей, написанных в середине 50-х гг. отмечал, что М. Сералин в период революции 1905—1907 гг., как и некоторые другие передовые казахские интеллигенты, сочувствовал большевикам и относился к группе революционно-демократической казахской интеллигенции. «Сералин,— писал он,— являясь представителем революционно-демократической интеллигенции Казахстана, был горячим сторонником совместной борьбы казахских и русских трудящихся против самодержавия. Он пропагандировал в своих выступлениях идею дружбы между русским и казахским народами, звал казахов учиться у русских революционной борьбе, овладевать русской культурой, переходить к оседлости, заниматься земледелием»⁷. С позиции участия в освободительном движении характеризовался М. Сералин и в первых изданиях очерков истории Компартии Казахстана. В них отмечалось, что в результате усиления революционной пропаганды в Казахстане после революции 1905 г. происходило «дальнейшее революционизирование казахской демократической интеллигенции. Ее передовые представители С. Кубеев, С. Мендешев, М. Сералин и многие другие активно участвовали в освободительной борьбе. В своих произведениях этого периода М. Сералин обличал царизм, баев, буржуазных националистов, призывал к дружбе с русским народом»⁸.

Указанные выше авторы не задавались целью изучения и освоения наследия М. Сералина, не ставили задачу специального рассмотрения его взглядов. Они высказывали свои мысли попутно, мимоходом в связи с освещением других вопросов. Среди филологов, изучавших Сералина, особенно много сделал Б. Кенжебаев. В середине 50-х гг. вышла в свет его брошюра на казахском языке о М. Сералине⁹, посвященная его журналистской и литературной деятельности. В ней дан краткий биографический очерк М. Сералина. Автор хорошо знал места, где родился и жил М. Сералин, встречался

⁷ Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. М., 1955. С. 685.

⁸ Очерки истории Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1963. С. 38.

⁹ Кенжебаев Б. Журналист Мухамеджан Сералин. Алматы, 1957.

с его родственниками и современниками, использовал их рассказы и письменные воспоминания. В частности, в очерке говорилось о том, что в период пребывания в г. Троицке с 1900 г. М. Сералин вел систематическое изучение социально-политической ситуации в стране и активно включился в общественную деятельность. «Он выписывал русские и татарские газеты и журналы, в свободное от работы время посещал библиотеки, читал разные книги, умножал свое знание и поднимал культурный уровень и одновременно готовил себя к литературно-творческой и социально-политической деятельности: с особым интересом знакомится с русской литературной классикой, увлеченно изучает историю казахов и казахскую литературу»¹⁰.

Б. Кенжебаев первым обратился к воспоминаниям старого большевика С. Ужгина. Он, в частности, приводит его высказывание о том, что в 1905—1907 гг. М. Сералин и С. Кубеев были связаны с местной социал-демократической организацией, по ее заданию переводили на казахский язык и распространяли среди казахов революционные листовки и обращения. По словам исследователя, падение царя в феврале 1917 г. было встречено М. Сералиным как нечто неминуемое и с большим энтузиазмом. Анализируя журналистскую деятельность М. Сералина в период редактирования им журнала «Айкап», автор приходит к выводу о том, что он придерживался демократическо-просветительского направления, являлся «видным общественным деятелем, журналистом и поэтом казахского народа начала XX века»¹¹.

В монографическом исследовании, посвященном казахским писателям-демократам начала XX в., одну из глав Б. Кенжебаев посвятил Мухамеджану Сералину¹². В ней впервые дан обзор взглядов на деятельность и идейную позицию М. Сералина. Автор справедливо критикует бытовавшее в литературе 20-х гг. мнение о том, что М. Сералин и его журнал «Айкап» придерживались «колонизаторской и русификаторской» политики в Казахстане, и обвинения его в националистических и религиозных устремлениях. Причем и те и другие про-

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1958.

живопоставляли журналу «Айкап» газету «Казах», объявляя последнюю подлинно народным органом¹³.

Эти несправедливые оценки, ошибочные взгляды, пишет Б. Кенжебаев, оказывают еще заметное влияние на некоторых исследователей, участвующих в дискуссиях 50-х гг. по вопросу журнала «Айкап»¹⁴. Одни из них продолжают оценивать дореволюционную деятельность М. Сералина как реакционную и буржуазно-националистическую, а другие, наоборот, считают его прогрессивным деятелем, демократом, просветителем. Сам автор занимал в то время осторожную позицию. «Оба эти взгляда,— пишет Б. Кенжебаев,— страдают односторонностью, построены на преувеличенной оценке фактов. Поэтому нельзя сказать, что полностью правы первые и неправы вторые»¹⁵. Если сопоставить слабость, недостатки и ошибки во взглядах М. Сералина с его положительной, полезной деятельностью, то, по мнению автора книги, «более весомым представляется прогрессивное, демократическое просветительство в его действиях и взглядах»¹⁶.

В последующих работах Б. Кенжебаев уже твердо называл М. Сералина «демократом-просветителем» в журналистской и литературной деятельности¹⁷.

Начиная с 60-х гг. стали появляться работы философов, историков и юристов, посвященные общественно-политической и философской мысли Казахстана XIX — начала XX в. Одним из основных был вопрос о месте и роли журнала «Айкап» в идейном движении дореволюционного Казахстана. При этом авторы не могли не говорить о М. Сералине — основателе и редакторе этого журнала, многие статьи которого, можно сказать, определяли основное его направление.

Несколько работ по истории общественной мысли дореволюционного Казахстана написал К. Б. Бейсембиев. К сожалению, в них в наибольшей степени отразились особенности периода догматизма и необъективности, приклеивания ярлыков и отнесения того или

¹³ Там же. С. 84—85.

¹⁴ Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары. Алматы, 1958. 85-б.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кенжебаев Б. XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті. Алматы, 1976. 108-б.

инного деятеля к двум противоположным лагерям вместо критического осмысления их жизненных путей, нередко противоречивых. В монографии, посвященной идейно-политическим течениям в Казахстане конца XIX — начала XX в., около 100 страниц автор отвел освещению позиций газеты «Казах» и журнала «Айкап», издававшихся на казахском языке почти одновременно. Однако и оценка социальной и идейно-политической направленности этих журналов подменяется пересказом их содержания с акцентами на мелких и второстепенных вопросах. Собственно идейно-политические вопросы, поднимавшиеся в этих органах печати, по которым и определялась суть их ориентации, затрагиваются в работе только вскользь.

Лишь однажды Бейсембиев упоминает имя М. Сералина в числе лидеров «казахского национализма, получивших из рук Временного правительства высокие должности» и как участника съезда казахского населения Тургайской и Уральской областей, состоявшегося в апреле 1917 г.¹⁸ В другой его книге, увидевшей свет через четыре года после указанной, рассматривались те же вопросы, что и в первой, но только в несколько иной постановке. Один из трех разделов целиком был посвящен журналу «Айкап». В нем М. Сералину как основателю и редактору этого журнала и автору ряда статей уделено определенное внимание. В этой книге К. Б. Бейсембиев пересматривает свои прежние оценки деятельности М. Сералина. «Буржуазные националисты полагали, — отмечает он, — что за ними пойдут М. Сералин, Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, которых они, надеясь на это, пригласили на съезд»¹⁹. Разбирая только поэмы «Гулькашима» и «Топ жарган», написанные М. Сералиным в начале века, К. Бейсембиев приходит к выводу, что М. Сералин «еще до издания «Айкапа» пропагандировал прогрессивные идеи, критиковал патриархально-феодалные предрассудки, выступал за свободу личности, против феодального деспотизма»²⁰. Однако для таких ответственных и больших обобщений указанные

---

¹⁸ *Бейсембиев К. Б.* Идейно-политические течения в Казахстане конца XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1961. С. 335.

¹⁹ *Бейсембиев К. Б.* Прогрессивно-демократическая и марксистская мысль в Казахстане начала XX века. Алма-Ата, 1965. С. 14.

²⁰ Там же. С. 17.

поэмы, посвященные узкой семейно-бытовой, полуска-
зочной тематике, не давали решительно никакого осно-
вания. Характеризовать М. Сералина как поборника «за
свободу личности» и борца «против феодального деспоти-
зма» в тот период, когда он после окончания русско-
казахского училища лишь начинал жизнь, по меньшей
мере, поспешно. Основной заслугой М. Сералина в
период его работы в «Айкапе», по мнению К. Бейсем-
биева, было то, что он стоял за решительный отказ от
отживших форм хозяйства, стремился доказать, что при
создавшемся положении необходимо оседание казах-
ского населения. И тут автор слишком категоричен. Не
может быть, чтобы М. Сералин и айкаповцы стояли за
переход всех кочевников к оседлости.

Выражая свое отрицательное отношение к Ч. Вали-
ханову и М. Сералину за то, что первый в свое время
выставлял однажды свою кандидатуру на должность
волостного правителя, а второй считал «выборное
начало в степи положительным явлением», К. Б. Бей-
сембиев утверждал, что они не понимали классовой
сущности административно-выборной системы в Казах-
стане, идеализировали вообще выборное начало, рас-
сматривали его абстрактно, вне связи с господствующи-
ми социально-экономическими отношениями²¹. Такая
же прямолинейность рассмотрения вопроса вне связи с
конкретно-историческими условиями казахского общест-
ва того времени характерна и для его оценки бийской
судебной системы²². Исходя из своей абстрактной фор-
мулы о том, что суд биев вообще являлся в дооктябрь-
ский период «сильнейшим тормозом на пути прогресса
общества» и якобы была доказана «гнилость этого юри-
дического учреждения», ставил в упрек М. Сералину то,
что он стоял за реформу и совершенствование местной
судебной системы вместо ее разрушения.

Серьезные методологические и фактические ошибки,
допущенные К. Б. Бейсембиевым при освещении исто-
рии общественной мысли и идейного движения в доре-
волюционном Казахстане, не остались не замеченными.
Утверждение К. Бейсембиевым того, что в дореволю-
ционном Казахстане существовало несколько оформив-

---

²¹ Бейсембиев К. Б. Очерки истории общественно-политической
и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 66—67.

²² Там же. С. 74.

шихся идейных течений, а именно: религиозно-мистическое, буржуазно-консервативное, прогрессивно-буржуазное, народно-демократическое не отражает реальности. «Представить дореволюционное казахское общество высоко развитым в идейном отношении, нечего сказать, намерение благое. Однако нельзя отрывать от исторической действительности. Отдельные аморфные идейные образования, слабые веяния различного толка и оттенка, случайные суждения отдельных лиц нельзя выдавать за законченные общественные, отличные друг от друга идейные течения»²³.

По мнению М. С. Бурабаева, в своих работах К. Бейсембиев больше занят комментированием, изложением содержания статей различных газет, оставляя без выяснения вопроса, каким партиям, классам, группам эти издания принадлежали. Одним из основных недостатков работ К. Бейсембиева он считает определение «воззрения этого важнейшего представителя народно-демократической интеллигенции (М. Сералина. — Авт.), исходя только из содержания редактировавшегося им журнала»²⁴.

Следует заметить, что сам М. Бурабаев нередко преувеличивает революционность М. Сералина. Полагаясь на воспоминание С. Ужгина, хранящееся в партийном архиве республики, он делает вывод, что М. Сералин, как и С. Кубеев и Н. Иралин «несли в казахские аулы смелое устное и печатное слово о необходимости революционной борьбы с царским самодержавием. Проводимая им агитация и пропаганда в аулах и селах способствовала объединению русских и казахских трудящихся в борьбе с царизмом, помещиками и капиталистами, и, что в своих произведениях он бичевал царизм, баев, буржуазных националистов, призывал к дружбе с русским народом»²⁵.

В книгах М. С. Бурабаева даны в основном правильные оценки идейной ориентации М. Сералина в годы издания им журнала «Айкап» и установления связи с местными русскими революционными социал-демокра-

---

²³ Зиманов С. З. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 38.

²⁴ Бурабаев М. С. Становление социалистического создания в Казахстане. Алма-Ата, 1981. С. 284.

²⁵ Там же. С. 284.

тами, под влиянием которых он поднимается на новый уровень в своей идейной зрелости.

Другую трактовку позиции М. Сералина в период издания им журнала «Айкап» дает Д. К. Кабдиев. По его мнению, в постановке хозяйственных и экономических вопросов журнал придерживался «крестьянско-демократической» позиции, а его издатель и основной автор М. Сералин по своим экономическим взглядам был «крестьянско-демократическим деятелем»²⁶. Такая оценка нам представляется субъективной, не подтвержденной историческими фактами.

В 1968—1970 гг. вышли книги С. Б. Бейсембаева «Ленин и Казахстан» и С. З. Зиманова «В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане». Первая работа носила историко-партийный характер, вторая больше охватывала политическую историю Казахстана с конца XIX в. до образования казахской советской государственности в 1920 г. включительно. В книге С. Б. Бейсембаева, написанной на базе большого числа документов партийных архивов, сказано, что М. Сералин в годы революции 1905—1907 гг. и некоторое время после нее был связан с кустанайской группой РСДРП, а позже стал одним из руководителей национально-освободительного движения в крае, слившегося с социалистическим движением в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции²⁷. В монографии С. Зиманова журналу «Айкап» и самому М. Сералину отведено значительное место. Исходя из того, что просветительство и идеи просвещения народа как условие идейного пробуждения и национально-освободительного движения отсталого в своем развитии казахского народа имели общенациональное значение в конце XIX — начале XX в. было показано, что М. Сералин и основанный им журнал «Айкап» занимали в идейной жизни общества передовые позиции. «Общенациональные идеи просветительства, — говорилось в ней, — одолевали и М. Сералина, представлявшего более трезво мыслящую группу национальной интеллигенции»²⁸.

²⁶ См.: Кабдиев Д. К. Развитие экономической мысли в Казахстане (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата, 1978. С. 31—67.

²⁷ См.: Бейсембаев С. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968. С. 55, 62.

²⁸ Зиманов С. З. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 41.

Оценка идейно-политической и общественной деятельности и воззрений М. Сералина дана в различных изданиях «Истории Казахской ССР». «История Казахской ССР» 1943 г. отличается от других изданий качеством методологии и глубиной содержания, тщательностью анализа и глубиной оценки исторических событий, широкими обобщениями фактов. Во многом это связано с тем, что в ее составлении принимал непосредственное участие ряд крупных советских историков, эвакуированных в годы войны в столицу Казахстана — академики Б. Д. Греков, А. Панкратова, И. И. Мещанинов, доктора наук М. П. Вяткин, С. В. Юшков, А. Н. Бернштам, С. Е. Малов и др. Этот труд, несмотря на ряд последующих изданий истории Казахской ССР, в том числе и многотомного, не потерял научного значения и по сей день. В нем, можно сказать, впервые была дана реалистическая оценка идейных позиций журнала «Айкап» и его издателя Мухамеджана Сералина. «Наиболее широко демократические писатели и журналисты использовали для своих выступлений страницы журнала «Айкап», — говорится в «Истории Казахской ССР» издания 1943 г. Привлеченные к участию в журнале передовые казахские поэты, писатели, сельские учителя, «поднимая самые актуальные для казахского народа общественно-политические вопросы... способствовали росту национального самосознания казахского народа»²⁹.

В «Истории Казахской ССР» издания 1957 г. М. Сералин отнесен к группе дореволюционных казахских писателей и поэтов демократического направления. Его деятельность в журнале «Айкап» и газете «Степь», являющаяся наиболее зрелым этапом в жизни М. Сералина, характеризовалась следующим образом: «Несмотря на существенные мелкобуржуазные, иногда даже националистические ошибки, в основном носила просветительский, демократический характер»³⁰. Весьма скромно и приглушенно говорилось о журнале «Айкап», основателем и издателем которого был М. Сералин. Правда, отмечалось, что он «оказал определенное влияние на

²⁹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943. С. 369.

³⁰ История Казахской ССР: В 2-х т. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 549.

развитие казахской общественной и просветительской мысли», ставил вопросы об отрицательной роли в обществе некоторых старых пережитков, поднимал на страницах журнала и экономические вопросы. «Однако эти вопросы,— сказано в ней,— как и многие другие, освещались противоречиво и с мелкобуржуазных позиций. На страницах журнала публиковались и статьи буржуазно-националистического, панисламистского характера»³¹. К основным заслугам журнала отнесено то, что он, «как и другие периодические издания, а также творчество писателей-демократов, сыграл важную роль в деле формирования и дальнейшего развития казахского национального литературного языка»³².

В последнем многотомном издании «Истории Казахской ССР», нет обвинения М. Сералина в «мелкобуржуазности» и «буржуазном национализме», но и нет сколько-нибудь ясной оценки его общественно-политической деятельности. Признается, что он был одним из основоположников казахской журналистики, и, что «его деятельность на посту редактора журнала «Айкап», многочисленные публицистические статьи оставили заметный след в истории казахской литературы»³³. Сам журнал «Айкап», отмечается в «Истории», имел «большое значение для формирования казахской культуры и вокруг него собиралось большинство выдающихся писателей начала XX века»³⁴.

Ценным источником в исторических исследованиях являются воспоминания современников М. Сералина. Многогранность и сложность жизни, как правило, ускользают от истории, не находят отражения в официальных исторических документах, не отражены в них психология, переживания и настроения, отношения людей, что очень важно при воссоздании духовного портрета исторических деятелей. И бесценным источником таких сведений являются обычно воспоминания современников, осваиваемые исследователем методами постижения истины.

Материалов о М. Сералине крайне мало. Нет даже более или менее выверенной и относительно полной его

³¹ Там же. С. 557.

³² Там же.

³³ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 493.

³⁴ Там же. С. 488, 489.

биографии, хотя прошло всего 60 лет после его смерти. Что касается области нелегальной, «неписьменной» деятельности М. Сералина, то о ней кое-что мы узнаем только из отдельных воспоминаний современников и близких к нему людей. Но и воспоминаний о М. Сералине мало. Их сбором никто не занимался, а теперь время упущено. Отдельные воспоминания о М. Сералине обнаружены нами в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР, в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана, в Научной библиотеке Академии наук Казахской ССР, в Кустанайском областном музее, частью напечатаны в журналах и газетах. Все они написаны по личной инициативе авторов воспоминаний, в подавляющем большинстве без плана, с привлечением лишь некоторых биографических данных, с ознакомительной целью. Однако, и эти сведения важны для исследователя и представляют определенную ценность для воссоздания исторической фигуры Мухамеджана Сералина.

Среди воспоминаний о М. Сералине особую ценность представляют записи С. С. Ужгина, лично знавшего и находившегося в тесной дружбе с ним с начала XX в. С. С. Ужгин работал с М. Сералиным в партийных и советских органах Кустанайской губернии в первые годы Советской власти.

Сохранилось несколько вариантов его воспоминаний, написанных в разное время. Каждое из них дополняет другое, уточняет, детализирует отдельные моменты деятельности М. Сералина. Очень важно, что в записях С. С. Ужгина описываются связи М. Сералина с местными русскими революционерами в 1905—1907 гг. и после, их встречи, диалоги, переход М. Сералина на революционную деятельность и периоды некоторого отхода от этой деятельности, сомнения и разочарования в годы реакции. Только у С. С. Ужгина сохранились в его переводе на русский язык политические стихи М. Сералина, полные революционной страсти, написанные в предреволюционные годы и распространенные на двух языках среди казахского и русского населения региона. Они являются бесценными документами, воссоздающими образ М. Сералина как крупного общественно-политического деятеля дореволюционного Казахстана. С. С. Ужгин приоткрыл завесу жизни, полной энергии и движения, страстного борца за светлое будущее казахского

народа. Он, можно сказать, второй раз открыл М. Сералина для истории.

Кем был С. С. Ужгин? Как много он знал о М. Сералине? Насколько можно доверять его воспоминаниям?

Семен Семенович Ужгин (1883—1957 гг.) рано включился в революционную деятельность. Еще в студенческие годы, в период обучения в Кустанайском русско-киргизском училище, установил связь с рабочими-станочниками Троицкой железнодорожной станции, участвовал в их борьбе. Эту связь с ними он сохранил и в годы революционной деятельности. С. С. Ужгин был инициатором объединения местных молодых учителей в нелегальную группу с противоположительственной ориентацией, а затем становится одним из руководителей первого кружка революционной социал-демократии, организованного на кустанайской земле в 1905 г. Он считался среди своих единомышленников наиболее образованным и подготовленным революционером-марксистом кустанайской группы РСДРП. После разгрома царской охранкой кустанайской группы РСДРП (1907 г.) С. Ужгин был сослан в Тобольскую губернию. В 1911 г., вернувшись из Сибири в родные места, он снова возглавил подпольную группу большевистской организации в Троицке. Однако вскоре его снова выслали из пределов уезда. С. С. Ужгин был активным участником февральской и Октябрьской революций 1917 г., входил в состав первого Кустанайского уездного Совета, образованного в январе 1918 г. и занимал пост уездного комиссара юстиции. После оккупации уезда белогвардейцами в июне того же года С. Ужгин бежал на Алтай и воевал там в рядах партизанских частей с войсками Колчака. После освобождения г. Кустаная от белогвардейцев он вернулся в родные места и до 1923 г. работал в партийных и советских органах Кустанайской губернии.

До Октябрьской социалистической революции С. С. Ужгин был профессиональным журналистом. Он работал в редакции дореволюционных газет левой ориентации «Степь», «Юг Тобола», «Пришимье», выступал со статьями, освещающими революционную борьбу рабочего класса в центре и на местах, и направленными на пропаганду революционных идей. В марте—августе 1917 г. работал в газете «Новая жизнь», руководимой М. Горьким и выходившей в Петрограде, в

1923—1934 гг.— в московских газетах «Беднота», «Крестьянская газета».

С. Ужгин был страстным сторонником укрепления дружбы русского и казахского народов, его лучших и передовых представителей. С детства он общался с казахами, дружил с местными казахскими студентами и с молодыми учителями, хорошо знал аульную жизнь. Как и М. Сералин, он окончил русско-киргизское училище в г. Кустанае, только на два года позже, был одним из самых близких его друзей юности. С особым тактом и симпатией относился он к быту казахского народа, его трудовой части, любил казахский фольклор, собирал его и знакомил с ним русскую общественность. Ужгин в совершенстве владел казахским языком, что давало ему возможность переводить на русский язык произведения казахского фольклора. Переводил он и стихи М. Сералина, написанные им на казахском языке. После Великой Октябрьской социалистической революции, наряду со статьями на социально-политические темы, в газете «Степная заря», издававшейся в Кустанае, Ужгин опубликовал ряд материалов о культуре и устном творчестве казахов. Второй годовщине образования Казахской Советской автономной республики он посвятил специальную статью, в которой писал: «На скрижалях истории десятиmillionной нации огненными буквами высечены этапы молчаливой, но упорной борьбы киргизского (казахского. — Авт.) народа за свою независимость»³⁵. Об С. С. Ужгине можно говорить как о славном сыне двух народов — русского и казахского. Материалы С. С. Ужгина можно разделить на воспоминания, специально посвященные М. Сералину, на воспоминания о кустанайской группе социал-демократов, в которых содержались сведения о нем.

Им опубликована статья, рассказывающая об истории организации первых революционных кружков на кустанайщине и об их деятельности по пропаганде революционных, большевистских идей среди русского и казахского населения региона, о совместных революционных выступлениях против самодержавия³⁶.

Рукописные воспоминания С. С. Ужгина о М. Сералине имеют следующие варианты:

---

³⁵ Ужгин С. Шире дорогу // Степная заря. 1922. 3 октября.

³⁶ Большевик Казахстана. 1946. № 1.

1. Странички о былом в Казахстане: о легальной и нелегальной деятельности М. Сералина (заметки бывшего подпольщика). Оригинал хранится в Кустанайском областном музее (Объем 11 машинописных страниц). Они написаны в 40-х гг. по поводу выхода в свет в 1943 г. «Истории Казахской ССР». У автора заметок вызвало возражение положение о том, что «политическую позицию журнала «Айкап» нельзя считать последовательно демократической». Как говорилось в «Истории», «„Айкап“ опирался на некоторую часть молодой казахской буржуазии, в основном держал курс на народное просвещение и демократию. Но больших проблем классовой и политической борьбы он не ставил»³⁷. Эта, в общем, верная оценка была неправильно понята Ужгиным, который увидел стремление авторов книги приблизить Сералина к буржуазным националистам и панисламистам. Исходя из такого толкования, он доказывал ошибочность подобного взгляда, ставшего возможным, по его мнению, вследствие односторонности подхода к деятельности и наследию М. Сералина. С. С. Ужгин стоял на том, что нельзя сводить деятельность и взгляды М. Сералина к «комплектam журнала «Айкап», ибо это было легальным и подцензурным изданием. «Практика показала,— писал он,— что из этого источника черпаются разноречивые, противоречивые друг другу мнения о литературно-политических взглядах М. Сералина, а между тем есть данные не только о легальной политической деятельности». Далее автор приводит факты, когда М. Сералин в 1905—1907 гг. и после занимался революционной пропагандой в казахских аулах, писал стихи, призывавшие трудящихся казахов к борьбе с самодержавием и баями в союзе с русским народом. На одном из собраний казахских учителей и молодой интеллигенции, состоявшемся в г. Кустанае в 1906 г., на котором среди них произошел раскол, М. Сералин твердо встал на сторону местной ячейки — русской революционной социал-демократии. В годы столыпинской реакции, рассказывал Ужгин, после 1907 г., в рядах казахской демократической интеллигенции и в части русских социал-демократов начались идейные шатания. Не избежал их и М. Сералин. Настроение этого периода он

---

³⁷ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943. С. 369.

выразил в одном из писем, адресованных С. Ужгину, бывшему в ссылке в Сибири:

Где-нибудь бы блеснул огонек,
Лишь один бы удался на радость денек...
Я пошел бы тогда к огоньку,
Поклонился бы земно деньку.
Каждодневно ищу я огни
в эти вьюжно-печальные дни...

Интересны страницы воспоминания С. С. Ужгина, где дается портрет М. Сералина и излагается эволюция его взглядов на политические события в России и в Казахстане. В частности приводятся слова М. Сералина: «Потеряв связь и общение с революционерами, лишился я твердой опоры своему уму,— признавался он в беседе с руководителем нелегальной большевистской группы в г. Троицке Самуилом Цвиллингом в 1916 г., — ... Теперь сознаю свою ошибку. Много наделал я таких ошибок, удаляясь от участия в революционной пропаганде, — настала пора кончить с блужданием. Помогите мне выйти из этого состояния».

2. Странички былого. «„Айкап“ — первый демократический журнал на казахском языке». Изложение носит спокойный тон, поскольку, как указано в документе, в новом издании «Истории Казахской ССР» 1949 г., в отличие от прежнего ее издания, М. Сералин, С. Кубеев и Н. Иралин характеризуются уже «сочувствующими большевикам». Воспоминание написано для альманаха «Казахстан» в 1951 г., но опубликовано не было. Объем 27 машинописных страниц. Эта запись С. Ужгина намного отличается от приведенного выше воспоминания. Здесь подробно, с указанием имен и годов, описаны подготовка и начало издания журнала «Айкап», инициатором и руководителем которого был М. Сералин. Показаны помощь и поддержка со стороны русских политических ссыльных и местных русских социал-демократов, оказанные ими М. Сералину в его политическом взрослении и в реализации плана издания национального журнала. С. Ужгин, как очевидец, приводит содержание ряда бесед и диалогов между М. Сералиным и его русскими товарищами из местной ячейки РСДРП относительно форм и перспектив борьбы за насущные интересы русского и казахского народов, о необходимости укрепления дружбы между ними как условия успеха социаль-

ного и национального их освобождения. По словам автора, политическая фигура М. Сералина не однозначна. Это было связано с тем, что, с одной стороны, М. Сералин был типичным представителем казахского народа, а с другой — он находился под влиянием русских революционеров, придерживавшихся высоких идеалов освободительной борьбы. «При всем этом, — писал С. Ужгин, — М. Сералин видел дальше своих (казахских) современников. В его нелегальных баснях и памфлетах, частью по сей день не найденных, в его личном, неизвестно где затерявшемся архиве... исследователи-историки литературы найдут ключ к пониманию всесторонней общественно-литературной деятельности Сералина по линиям использования легальных и нелегальных методов по пропаганде революционных идей».

3. Общественно-политическая деятельность М. Сералина. Оригинал хранится в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана. Это воспоминание, наряду с некоторыми материалами и сведениями, вошедшими в приведенные выше варианты его записи, содержит немало новых подробностей, дополняющих представления о творчестве и мировоззрении М. Сералина в периоды их знакомства. В самом начале рассказа автор сговаривает, что он близко знал М. Сералина более 20 лет, часто видел и общался с ним в 1905—1907 гг. и в период его ссылки в Тобольскую губернию переписывался. Личные встречи возобновились в 1911 г., когда он снова возглавил подпольную группу большевиков в г. Троицке. По утверждению С. Ужгина, М. Сералин один, а иногда вместе с С. Кубеевым и Н. Иралиным переводил на казахский язык прокламации и листовки, специально составленные для казахского населения ячейкой РСДРП. По мнению С. Ужгина, М. Сералин хотел этим продемонстрировать поддержку казахским населением борьбы русских революционеров и вместе с тем внести элементы революционности в сознание казахов, их трудовой части. Включено несколько стихов в переводе С. Ужгина, часть из которых не приводилась в предыдущих его записях. Сообщает он и подробности о прекращении издания журнала «Айкап» в 1915 г. По свидетельству С. Ужгина, это произошло не в результате недостатка средств, а в результате запрета царскими властями.

При всей ценности воспоминаний С. С. Ужгина о М. Сералине, нельзя воспринимать все, что им написано без критического осмысления и проверки. В воспоминаниях нередко проступает стремление «осовременить» свои суждения, относящиеся к событиям начала века. Нельзя согласиться, в частности, с его положением о возможности «революционировать» отсталое казахское аульное общество методами, приемлемыми для русского фабрично-заводского населения. Не всегда приемлем с исторической точки зрения упрек М. Сералину в том, что он «отступил» от распространения в казахском обществе призывов и лозунгов русской революционной социал-демократии и избрал другой путь, по мнению М. Сералина, более соответствующий образу жизни и мышлению степного населения.

Сведения о Мухамеджане Сералине имеются в книге воспоминаний башкирского писателя Сайфи Кудаша³⁸. С. Кудаш свидетельствует о том, что М. Сералин был одержим идеей распространения знания среди казахской молодежи. Встреча писателя с Сералиным состоялась в период издания им журнала «Айкап». «В ходе разговора,— писал С. Кудаш,— он пожаловался на большие затруднения, связанные с выпуском журнала и на слабое его распространение в народе. Из-за чего он и вынужден выезжать теперь в деревни для привлечения новых подписчиков». В ходе беседы М. Сералин советовал башкирскому писателю: «Не ограничивайтесь одним лишь обучением детей грамоте, сейте в их сердцах семена любви к родному языку и литературе»,— и на прощание произнес слова Акрама Галимова, рано ушедшего из жизни поэта, сотрудничавшего с ним в «Айкапе»:

Не свернем с прямого пути,
Если надо, с честью умрем:
В этот мир добро принесем,
И в могилу с пользой сойдем —
Оправдаем хлеб, что едим,
Оправдаем воду, что пьем³⁸.

В рукописном фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР отложились воспоминания Асыл-

---

³⁸ Кудаш С. По следам юности (роясь в пыли годов). М., 1974 С. 457—459.

бека Ташбаева³⁹ под названием «Краткая биография М. Сералина». В ней, наряду с подробными биографическими данными приводятся некоторые детали налаживания издания журнала «Айкап», имена казахов, помогавших М. Сералину в распространении журнала среди аульного населения. Ценной является та часть воспоминаний, в которой говорится о дружбе М. Сералина с русским революционером Ашмариним, работавшим до революции землемером, а в первые годы Советской власти — в казахском революционном комитете в г. Оренбурге. Из этих воспоминаний можно сделать вывод, что их автор близко знал М. Сералина.

В рукописном фонде Центральной научной библиотеки АН Казахской ССР хранятся воспоминания Жумаша Еленова «Биография М. Сералина», написанная им в 1947 г.⁴⁰ Они интересны тем, что в определенной степени освещают просветительскую деятельность М. Сералина. Например, приводятся факты строительства им на собственные средства и собранные жителями аула школы для казахских детей, организации им у себя дома библиотеки для учащихся.

Определенную ценность для изучения общественной и семейной биографии М. Сералина представляют воспоминания его бывших учеников, коллег по работе в послеоктябрьские годы и родственников.

1. В поисках людей, знавших и близко общавшихся с М. Сералиным, один из авторов данной книги К. Идрисов встретился с **Мырзагулом Ескожиновым** и записал его воспоминания. М. Ескожинов приходился родственником М. Сералину, несколько раз встречался и беседовал с ним в 20-е г., в течение многих лет занимался составлением генеалогии М. Сералина. При этом он пользовался, по его словам, старыми рукописями и рассказами стариков, живших в 40—60-х гг. XX в.

2. Воспоминание **Альжана Мырзабекова**, 1900 г.

---

³⁹ А. Ташбаев (1896—1979 гг.) учился вместе с крупным казахским писателем Бенмбетом Майлиным и вместе с ним в первые годы Советской власти основал сельскую школу «Онеге мектеп». А. Ташбаев был ее первым директором.

⁴⁰ Ж. Еленов, по данным Б. Кенжебаева, родился и вырос в ауле М. Сералина. Учился вместе с его сыном Закиром в г. Уфе, в годы Советской власти постоянно общался с М. Сералиным; последний раз беседовал с ним в 1929 г. (*Кенжебаев Б. Қазақ халқының XX ғасыр басындағы демократ жазушылары*. Алматы, 1958. 70 б.).

рождения. А. Мырзабеков окончил до революции 4-классную русскую школу под г. Троицком, в 1919 г. вступил в конный красногвардейский отряд А. Джангильдина. Был женат на старшей дочери М. Сералина, близко знал его. Оно ценно в биографическом плане: содержит более подробные и дополнительные сведения об отце и матери М. Сералина, а также о периоде работы М. Сералина у купца Яушева. В его рассказе имеются наброски о личности и привычках М. Сералина, что небезынтересно. «Мукан (т. е. М. Сералин) был простым и сдержанным в общении и его внешний вид и манера держаться в обществе гармонировали его внутреннему миру,— сказано в воспоминании.— Одевался в русский костюм, мало кушал мяса, любил пить кумыс, приправленный сахаром, говорил негромко, но складно».

3. Воспоминание Ахметгалия Сафаргалиевича Рахматуллина (1886 г. рождения). При нашей встрече ему было 95 лет. В 1908—1918 гг. служил приказчиком у известного татарского купца Яушева, в торговой конторе которого работал и М. Сералин. На протяжении многих лет они находились рядом. Его рассказы интересны во многих отношениях. Яушев был либералом и в его доме нередко собирались молодые татарские демократически настроенные деятели, а также казахская передовая молодежь, в том числе Мухамеджан Сералин. Кроме того, он приходился М. Сералину родственником по линии матери и оказывал материальную поддержку в издании журнала «Айкап». Как свидетельствует автор воспоминания, М. Сералин находился в близких отношениях с такими известными татарскими левыми деятелями, как Ф. Ганиев, Иркасов, Даулетшин и др. Это воспоминание заканчивается словами: «Мухамеджангай очень любил искусство и знание, был весьма учтивым и воспитанным человеком».

4. Воспоминание Галиакбара Сейдалина (1905 г. рождения), сына Жансултана Сейдалина, одного из сподвижников М. Сералина по журналу «Айкап». Он помнил, как после февральской революции 1917 г. в доме сто отца в г. Троицке собралась группа казахской интеллигенции и среди них М. Сералин. Ж. Сейдалин рассказывал своему сыну, как страстно приветствовал М. Сералин свержение царя. Вслед за ним, считал М. Сералин, последует свобода для угнетенных народов, в том числе и казахского. Одним из вопросов, который обсуждался

на этом собрании, был вопрос об искоренении вредных и диких обычаев, распространенных в казахском обществе, унижающих достоинство женщин и позорящих общество в глазах цивилизованных обществ и их представителей.

5. **Воспоминание Канаша Казангапова**, 1900 г. рождения, члена КПСС с 1926 г. Оно направлено в виде приложения к письмам в редакцию газеты «Казахстанская правда» и на имя министра культуры Союза ССР в 1978 г. Копия находится в Кустанайском областном музее. В 1914—1916 гг. он учился в двухклассной русско-казахской школе в г. Троицке,— в той самой, в которой бывал часто М. Сералин и учился один из его сыновей. К. Казангапов помнит, как вместе с сыном М. Сералина часто провожал его в сторону железнодорожной станции Золотая сопка. В 1918—1919 гг. М. Сералин часто брал К. Казангапова с собой в разъезды. Из рассказа М. Сералина в 1919 г. он узнал, что в 1915—1916 гг. тот бывал на митингах, революционных сборах, проводившихся за станцией Золотая сопка, где выступали большевики-подпольщики Сыромолотов, Петров, Бородин и три брата Хейфецы (последние во время гражданской войны были убиты белогвардейцами).

Эти и некоторые другие данные связаны с жизнью и деятельностью М. Сералина в канун Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы после нее, дополняют, детализируют имеющиеся источники.

6. **Воспоминание Моисея Львовича Страховенко**, 1885 г. рождения, члена КПСС с 1920 г.⁴¹ С 1912 г. он был членом Варшавского социал-демократического союза рабочей молодежи. Оказавшись в 1915—1916 гг. в г. Троицке, вошел в группу газеты «Степь», вокруг которой собирались С. М. Цвиллинг, С. Ужгин, братья Сосновские и другие члены местной большевистской организации. Здесь он познакомился с М. Сералиным и встречал его позже. С 1921 г. был заместителем наркомтруда Казахской автономной республики и одновременно заместителем редактора газеты «Степная правда» (ныне «Казахстанская правда»). Воспоминание охватывает его знакомство и тесные связи с А. Джангильдиным, А. В. Затаевичем, С. Мендешевым, С. Сейфулли-

---

⁴¹ К. Идрисов дважды посетил его в 70-х гг., записал отдельные воспоминания.

ным и другими известными государственными и общественными деятелями первых лет Советского Казахстана.

Наши встречи не ограничивались только с указанными выше лицами, было немало и других встреч с интересными людьми, знавшими М. Сералина, рассказы которых в той или иной мере использованы и учтены в данной книге. Так, Ахметжан Биркиндин, 1901 г. рождения (Кустанайская область, Комсомольский район, совхоз «Урнек», 4-е отделение), родственник М. Сералина показал его зимовку и рассказал, что в свое время около старой мельницы в железном сундуке были закопаны рукописи, книги и другие предметы, принадлежавшие М. Сералину. Место это было отмечено нами, но тщательные поиски результата не дали. Мы пользовались рассказами и сведениями дочери М. Сералина — Гайни Сералиной. Были полезные встречи и беседы с С. Толепбергеновым, С. Шаменовым, Д. Айбосыновым, А. Рахметовым и др.

Всем, кто помогал нам собрать материалы и сведения о М. Сералине, аксакалам, которые поделились своими воспоминаниями о нем, приносим нашу благодарность.

Мы сознаем, что воспоминания, тем более те, в которых описываются события далекого прошлого, не свободны от субъективности. Но их критическое освоение может дать нужные результаты.

Поиски новых материалов и наследия М. Сералина продолжаются. Не известна судьба рукописей его сочинений и стихов, написанных до Великой Октябрьской социалистической революции, которые он готовил в свое время к печати. По некоторым данным, часть этих рукописей закопана в годы гражданской войны, а другая часть — при переезде семьи М. Сералина в годы Великой Отечественной войны из поселка Париж в поселок Фершампенуаз, что находится на территории Челябинской области, утеряна. Не исключено, что в будущем удастся их найти, хотя бы частично.

Глава 1

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ М. СЕРАЛИНА

Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в.

Эпоха, среда и воспитание — факторы, формирующие мироощущение и миропонимание человека, общественного деятеля. Он воспроизводит в своей деятельности и идеях внутреннюю связь многих сторон жизни общества, данную в зрелой форме или в его тенденциях развития.

Мухамеджан Сералин тоже был сыном своей эпохи. Успехи и недостатки его общественно-политической деятельности несут на себе в первую очередь особенности состояния и развития казахского общества и той социальной среды — малой и большой, — в которой он формировался как мыслитель, личность.

Казахское общество начала XX в. по характеру и содержанию господствующих в нем общественных отношений было патриархально-феодальным. Изменения и сдвиги, которые произошли во многих сферах общественной жизни казахов в XIX в., и в особенности в начале XX в., в целом умещались в рамки отсталого средневековья. Если они и изменили патриархально-феодальные отношения, то не нарушая господствующего положения этих отношений. Поэтому в целом казахское общество рассматриваемого периода по уровню развития было отсталым, и это всегда накладывало существенный отпечаток на взгляды всех его деятелей.

Отсталость общества всегда имеет конкретные формы. В казахском обществе она заключалась в следующем:

— основная масса населения (80—90 %) занималась кочевым и полукочевым скотоводством, связанным с освоением значительных кочевых путей и пастбищных пространств;

— экономические и культурные центры, которых было немного, находились в большом удалении от мест кочевания основной массы населения. Они находились в основном на пограничной полосе с соседними странами и народами. Более того, за отдельными исключениями, эти города возникли как военно-опорные базы царского правительства и развивались как центры колониальной администрации и экономической эксплуатации окраинной территории. На этой основе накопились противоречия между городами и сельской местностью, между горожанами и кочевниками;

— внутренняя жизнь казахского общества во многом была однообразна и архаична, в то же время социально контрастна и противоречива. По данным одного из советских исследователей, в начале XX в. в структуре казахского населения батраки и бедняки составляли до 60, середняки — до 30, баи — около 10 %¹. Общественные связи внутри кочевого коллектива и аулов, а также внутрисемейные отношения были опутаны общинно-родовыми пережитками:

— население было сплошь неграмотным. Только небольшая часть зажиточных слоев общества имела начальное домашнее мусульманское образование. Европейское образование получали единицы представителей верхушки казахского общества;

— царское правительство всемерно усиливало свое влияние на внутреннюю жизнь казахского общества, с тем чтобы превратить его в сырьевой придаток империи и колониальную провинцию. Возрастание контрольной и карательной функций государственных органов в какой-то степени поколебало традиционную структуру местного управления. В то же время в противовес объективным процессам, правительство стремилось сохранить отсталость казахского общества;

— строительство железнодорожных линий, создание горно-заводских предприятий и предприятий первичной обработки животноводческого сырья с наемными рабочими привели к росту отрядов рабочего класса в Казахстане, в том числе национальных кадров рабочих, пришедших из степи и сохранивших во многом психологию отсталого, кочевого скотоводства.

Положение Казахстана и казахского народа заметно

---

¹ Кучкин А. П. Советизация казахского аула. М., 1962. С. 45.

стало изменяться с начала XX в. Возникали новые явления, а часть старых, традиционных явлений в жизни казахского общества получили новую окраску. В целом же положение казахского общества оставалось неизменным.

К началу XX в. усилилась реальная власть России в Казахстане, ставшем внутренней колонией империи. Это сказывалось на всех сферах жизни края, в особенности на его экономическом и политическом развитии. Царское правительство к решению вопроса о хозяйственном и политическом развитии края подходило исключительно с позиций колониальной политики и игнорировало внутренние тенденции казахского общества и интересы казахского народа.

Все более усиливавшееся проникновение российского капитала в сферы экономики и во внутренние рынки края в начале XX в. ускорило процессы разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений. «Все большая часть киргизского бюджета, — писал один из дореволюционных русских экономистов, — становится денежной. Денежный доход делается одной из целей, а подчас, главной целью хозяйства. Стремление же к этой цели не знает границ»². Это было внешним проявлением тех существенных сдвигов и изменений, которые происходили в общественной жизни Казахстана вообще, в хозяйственных отношениях и в психологии местного населения в особенности. И все же эти сдвиги были не настолько глубокими, чтобы могли окончательно ликвидировать значительные остатки натурального хозяйства, базировавшиеся на господстве патриархально-феодалных отношений в казахском обществе.

Одно из основных противоречий в сфере развития казахского общества этого периода состояло в том, что новые хозяйственные отношения, в большей степени связанные с внутренним рынком и рынком всероссийским и через них — с российским капитализмом, уживались с патриархально-феодалными отношениями и даже в определенной мере консервировали последние. Такое положение свидетельствовало, с одной стороны, о малой преобразовательной силе колониального капитала в сфере старых, средневековых порядков, каковые господ-

² Румянцев П. П. Материалы по землепользованию Семиреченской области. Спб., 1911. Т. I. С. 376.

ствовали в Казахстане, а, с другой — о том, что в цели русского капитализма не входило обеспечение прогресса в этом регионе.

С начала XX в. особенно обострился в Казахстане земельный вопрос. Он и раньше был центральным внутри страны и во взаимоотношениях с Россией. Столкновение интересов различных социальных групп, хозяйственных объединений, а также обострение отношений между органами государственной власти и населением во многом происходили из-за земельного вопроса. Для кочевого скотоводческого хозяйства проблема пастбища была не менее актуальной и острой, чем земельные участки и отрезки в земледельческих, оседлых обществах. Только наличие огромного пространства в условиях Казахстана смягчало эти отношения, но не снимало их. Особенно осложнились они с начала XX в.

Само социально-экономическое развитие казахского общества превращало земельный вопрос в центральный. Обостряла его и аграрная политика царского правительства в Казахстане. В земельном вопросе образовался клубок противоречий, который стал центром общественного напряжения.

Переселение крестьян из Центральной России в Казахстан и в районы Сибири, начавшееся в конце XIX в., в начале XX в. приобрело массовый характер. В 1904 г. было образовано новое правительственное учреждение — переселенческое управление, ведавшее всеми делами переселения крестьян. Законом «О добровольном переселении сельских обывателей, мещан, землевладельцев» (1904 г.) предусматривались некоторые льготы переселявшимся в Казахстан крестьянам по месту нового расселения. Указом от 9 ноября 1906 г. крестьянам разрешалось выходить из общины на отруб в хутор. Это было выгодно крестьянам, имевшим крепкое хозяйство. Разоренные мелкие хозяйственники, бедняки были вынуждены искать «счастья» в восточной части страны.

Переселившиеся в период с 1893 г. по 1912 г. крестьяне составляли: в Акмолинской области — 292 400, в Тургайской — 292 300, Семипалатинской — 50 700, Семиреченской области — 43 300 душ мужского пола³.

³ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратова. Алма-Ата, 1943, С. 340.

Кустанайский уезд, входивший в состав Тургайской области, был одним из районов массового переселения крестьян. В 1899 г. в нем было 10 русских поселков, а к 1900 г. их стало уже 50, которым было отведено 356 296 десятин земли. Переселение росло и в последующие годы. В 1903 г. было образовано 14 русских волостей и уездов⁴.

Правительство этой мерой надеялось разрешить несколько задач. Во-первых, ослабить антиправительственные выступления крестьян и создать в лице кулаков надежную опору царизма как в центральных районах, так и на окраинах; во-вторых, направить развитие России по «прусскому пути» и, в-третьих, использовать переселение крестьян для прочной и окончательной колонизации Казахстана. Переселение происходило волнообразно. Только в северные районы края с 1906 по 1912 гг. переселились 438 000 крестьян. Однако царскому правительству не удалось достичь поставленных целей. Аграрный вопрос в стране не только не был разрешен, но еще более обострился. Немало крестьянских семей погибло на пути к местам переселения. Эксплуатация в кулацких и помещичьих хозяйствах еще больше усилилась. На общую аграрную обстановку в стране влияло и положение Казахстана как основного, наряду с Сибирью, региона крестьянского переселения.

Переселенческий фонд в Казахстане создавался ценой разорения казахского населения. Да и сами переселенцы испытывали острую нужду, а часть из них была вынуждена возвратиться обратно. Говоря о положении казахского шаруа, Беротов писал: «Так как переселение прежде всего потребовало земель лучших, то есть таких, природные условия которых допускали бы оседлый образ жизни, и так как таких мест в степи немного, и они издавна уже используются киргизами как места зимних стоянок, то вполне понятно, что отнятие их, хотя и под видом «изъятия «излишка», чрезвычайно сильно отразилось на киргизском хозяйстве»⁵. Всего за 14 лет существования временных партий по образованию переселенческих участков в степных областях у казахов

---

⁴ Там же.

⁵ *Беротов. Страна свободных земель.* Спб., 1908. С. 56.

крестьян из центральной России, Украины, а также бегства уйгуров и дунган из Китая. В 30-е г. XIX в. казахи в целом по Российской империи составляли 2,2, по Казахстану — 96,4, а в 1897 г. — соответственно 2,4 и 79,81 %⁸.

Многонациональная структура Казахстана со значительным удельным весом русских имела далеко идущие прогрессивные последствия. Усилились контакты и связи между русскими и казахами, хозяйственные и товарно-обменные отношения между ними. Более высокая культура русских в сферах материального производства в духовной жизни и в быту оказала ощутимое влияние на многие стороны жизнедеятельности местного населения. Чувства неприязни и отчуждения, которыми характеризовались межнациональные отношения в начальный период переселения крестьян из России и Китая постепенно сменялись отношениями соседства, доброжелательности и дружбы. В этом непростом процессе немало важную роль играли отношения трудовых слоев разных народов, составлявших большинство переселенцев. Как отмечали современники, «рядовые киргизы» охотно вступают во всевозможные отношения с переселенцами, меняют под их влиянием всю обстановку..., допускают широкий обмен услугами и вообще не чуждаются близкого соседского сожительства с пришельцами, а напротив и ищут их»⁹.

В исторической перспективе непосредственные контакты с русскими, растущие хозяйственные и культурные связи с ними имели решающее значение для социально-экономического и идейно-политического прогресса казахского общества, становления и утверждения дружбы между двумя народами. Это происходило вопреки намерениям, планам и действиям царского правительства, выступавшего в союзе с верхушкой казахского общества. Царизм культивировал разделение общества на русские поселения и казахские аулы, разжигал межнациональные трения и поддерживал их. С этой целью, например, царская администрация эпизодически организовывала воинские рейды против мирных

⁸ Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980. С. 201.

⁹ Хворостанский П. Вопросы колонизации. Спб., 1907. № 1. С. 83—84.

казахских аулов, чтобы держать последних в страхе и повиновении, а также поддерживать определенную дистанцию между русскими и казахами. Все это делалось для того, чтобы Казахстан оставался навсегда отсталой колониальной территорией, оторванной от других частей империи.

Вместе с тем интенсивное вовлечение Казахстана в орбиту отношений Российской империи, усиление влияния русской культуры и цивилизаторских идей на казахское общество, а также потребности внутреннего развития казахского общества, для которого рамки патриархально-феодальных отношений стали уже тесными, обусловили зарождение и формирование казахского просветительства. Оно берет свое начало с середины XIX в., заметным общественным явлением становится с конца XIX в. Развитие казахского просветительства совпало с формированием национальной интеллигенции, большинство представителей которой получали русское или смешанное русско-казахское образование. «Формирование интеллигенции в основном шло через русско-казахские начальные школы, гимназии, реальные училища, специализированные школы в русских деревнях, поселках, станциях и городах. Немногие из ее числа получили образование в университетах и других высших учебных заведениях России»¹⁰.

Освободительное движение народов России, революционные события 1905—1907 гг. в центре России отозвались и в казахском крае. Под влиянием этих событий в идейно-политической жизни края происходили ощутимые изменения, которые можно было назвать пробуждением народного самосознания.

Революция 1905 г. в России придала значительный импульс национальной жизни казахов. Она пробудила почти все силы местного населения. Начался новый этап в интеллектуальной истории казахского общества.

Социальная неоднородность участников освободительного движения Казахстана обусловила чрезвычайную пестроту идейной жизни казахского общества. Представители имущих слоев казахского общества, мусульманского духовенства и правого крыла национальной буржуазии выдвинули ряд требований перед

---

¹⁰ *Зиманов С. З. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане* Алма-Ата, 1970. С. 34.

царским правительством: подчинить казахское население Оренбургскому магометанскому духовному управлению, предоставить свободу строительства и организации мечетей и медресе с преподаванием в них арабского, персидского и турецкого языков, изъять из ведения биев—судей дела брачные и наследственные и передать их всецело в ведение мулл для решения их по шариату, обеспечить полную свободу ходжата и паломничества в мусульманские центры Востока; запретить деятельность православных миссионеров; разрешить казахам открывать заводы, рудники и приобретать земли; уменьшить подати; упразднить институт крестьянских начальников в уездах края и др.¹¹

В период оживления национальной жизни не осталось в стороне и местное мусульманское духовенство, тем более, что потрясенный революцией самодержец поощрял деятелей местного духовенства в их попытках укрепить пошатнувшиеся позиции религии.

Прогрессивно настроенная часть национальной интеллигенции, более трезво рассматривала особенности и перспективы развития казахского общества. Она считала, что без активности и освоения нового, передового у других народов казахи не смогут преодолеть отсталость, патриархальный взгляд на окружающее, свою изолированность и чувство неприязни к другим обществам. Они предлагали пути решения из создавшегося положения. Первое и основное условие преодоления косности, забитости народа они видели в просвещении. Эта часть национальной интеллигенции выступала также за постепенный переход кочевников, полукочевников к оседлости, за возведение центров культуры городского типа в степи, а также за модернизацию местной системы управления, особенно судебной. Словом, разные социальные группы и их представители в казахском обществе, преследовавшие разные цели, считали удобным воспользоваться благоприятной обстановкой для удовлетворения своих требований, для обсуждения идей и планов на будущее, для укрепления своих позиций и расширения влияния в массах. Как и следовало ожидать, во главе процесса национального пробуждения стремилась

---

¹¹ См.: Атишев А. А. Политическая мысль Казахстана второй половины XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1979. С. 132.

встать, и не без успеха, различинная по составу национальная интеллигенция¹².

Революция 1905—1907 гг. открыла новый этап в социальном и национальном пробуждении казахов. В крае стали выходить массовым тиражом книги на социальные темы. Вдохновленная первыми успехами и некоторыми уступками царской администрации казахская передовая интеллигенция стремилась использовать благоприятный момент для усиления агитационно-разъяснительной и литературно-издательской деятельности.

Казахская интеллигенция по своему социальному составу была неоднородной. Наряду с представителями низших и средних слоев в ее составе были и выходцы из зажиточных, обеспеченных семей и даже из нарождающейся крупной национальной буржуазии. На первых порах в рамках общенациональных лозунгов они выступали как общая сила. Их объединяла ненависть к самодержавию.

Царское самодержавие, в течение нескольких веков накопившее опыт ведения борьбы против собственного народа и против выступления ряда угнетенных народов, грозящих в составе Российской империи, проводило политику подавления всяких признаков вольнодумства и среди казахов. Царизм стремился искоренить всякое суждение и поступки, противоречившие его интересам, задушить в самом зародыше любое проявление критического отношения к политике самодержавного управления и не допустить проникновения в казахскую степь идей прогрессивных мыслителей России. Стремясь оградить казахскую степь от проникновения освободительных идей, идущих из России, царизм в союзе с казахской эксплуататорской верхушкой и реакционным духовенством, удерживая основную массу населения края в невежестве, бесправии и закабалении, надеялся продлить свое господство в Казахстане на неопределенно долгое время.

Все это тормозило, но не смогло свести на нет демократическое, буржуазно-демократическое движение, являющееся закономерным этапом освободительного движения для остальных средневековых обществ, на начальном этапе их перехода на рельсы новобуржуазных

---

¹² Зиманов С. З. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 34.

отношений. В. И. Ленин, давая оценку положению, сложившемуся после революции 1905 г. на Востоке, писал, что «в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений»¹³.

Напуганное событиями 1905—1907 гг. самодержавие стало искать поддержку у национальной буржуазии, в том числе окраин, стремясь расколоть и ослабить антимонархическое движение в национальных окраинах. Ценой огромных усилий царизм выдержал первый натиск рабочих и внес раскол в антимонархическое движение. Но это был временный успех.

Социальное и национальное пробуждение казахского народа, начало которому проложили революционные события в России 1905—1907 гг., сопровождалось ослаблением веры в царя и местной «туземной» администрации, в возможности добиться разрешения национального вопроса местными средствами и действиями в одиночку. Начало XX в. вошло в историю казахского народа как начало союза казахского и русского народов в освободительном движении. Слова В. И. Ленина о том, что «у европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»¹⁴, относились и к Казахстану.

Юность Мухамеджана Сералина

Предки М. Сералина происходили из г. Туркестана. Дед по отцу — Турсунбай-Кожа был среднезажиточным кочевником¹⁵. Его аул занимал пастбища в низовьях Сырдарьи. По семейным преданиям, он любил музыку и поэзию, сочинял песни и стихи, пользовался уважением у одноаульцев и в округе.

Отец Мухамеджана Сералы рано остался без отца. В отличие от своего отца скотоводством не занимался. В молодости увлекался сочинением стихов и музыки, обладал хорошим голосом, пел. Без него, как говорят, не проходили вечера в окрестных аулах. Одно время он входил в свиту молодого султана-правителя части младшего жуза Ахмета Джантюрина, сопровождал его в

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

¹⁴ Там же. Т. 17. С. 179.

¹⁵ В некоторых книгах ошибочно Сералы называют сыном Еруалы.

поездках по степи. Ценили Сералы также за находчивость и талант импровизатора. По некоторым данным, он получил хорошее для того времени домашнее образование, учился в медресе, владел некоторыми навыками врачевания, которые передали ему родители. Со временем он пришел к убеждению о необходимости распространения просвещения среди казахской молодежи. Переехав в Кустанайскую степь, Сералы занялся обучением детей. Но в народе был известен не столько как учитель, сколько как одаренный певец и сочинитель стихов.

В рукописном фонде научной библиотеки Академии наук Казахской ССР отложилось несколько стихов Сералы-ходжи. Они посвящены моральным темам: «Друг, каким он должен быть», «Памятное дерево», «Слава перед смертью». Судя по ним, он обладал тонким поэтическим даром и проницательным умом. Вот несколько строк из его стихов.

Дос, емес — дос сыртынан жамандаса
Несі дос, бір қатесін жаба алмаса
Дұшпан шіркін не демейді,
Қауып етіп бір адамнан ұялмаса.
Дос емес достың сөзін көтермесе,
Салған жерден — түбіңе жетем десе.
Неғылып дос атына косылады,
Көтермей бір сөзінді бүйтем десе.
Жақынның әрбір сөзін қайырмаңыз,
Жасыған жердей қылып майырмаңыз.
Сыр алмаған біреумен дос болдым деп,
Сыр алған досыңыздан айрылмаңыз¹⁶.

В этом стихотворении воспевается истинная дружба, ее моральные и ценностные черты, какими являются

---

¹⁶ Подстрочный перевод здесь и далее С. Зиманова.

Не друг тот, кто наговорит на друга,
Какой же он друг, если не может стать на защиту друга.
Враги готовы многословить о тебе,
Если не будут остерегаться твоего друга.
Не друг тот, кто обидится на твои слова
И скажет мгновенно: «Я отомщу тебе».
Как же он может именоваться другом,
Если не переносит твои дружеские упреки.
Не старайтесь ответить на каждое слово друга,
Тем более не старайтесь его унижить
Из-за того, что вы завели нового друга, которого не знаете,
Не расставайтесь с другом, которого знаете. (ЦНБ АН
КазССР. Рук. ф. 114. С. 131—134).

честность и душевность, открытость и преданность, немелочность и способность прийти на защиту друга, если он попал в беду.

В другом стихотворении, названном «Прощальное слово Сералы», сказанное им перед своей смертью, имеются следующие строки:

Дуние қырда ойнаған лақтайсың,
Мекен ғып қандай жанға тұрақтайсың,
Еріксіз көнбегенді көндіресің,
Жол білмес асау кердей бұлақтайсың.

Азғана көңіл ашар қызығың бар,
Кетеріне келгенде сыландайсың,
Тығыны жоқ шыныға құйғандай-ақ,
Қашарына келгенде сынаптайсың¹⁷.

За поэтическую одаренность прозванный в народе Сералы-акыном, он, видимо, настолько стоял в своем искусстве высоко, что участвовал в поэтических состязаниях (айтысах) с наиболее крупными импровизаторами-поэтами. Известный советский казахский писатель Шахмет Хусайнов в 1943 г. записал и сдал в фонд научной библиотеки Академии наук Казахской ССР текст такого айтыса между Сералы и Орынбаем. Поэтическое состязание произошло при следующих обстоятельствах: когда Сералы уехал в Бухару, поэт Орынбай посетил Ахмета-торе, сына Кенесары, и получил от него в подарок хорошего коня за хвалебные стихи. По возвращении, Сералы, узнав об этом случае, проговорил: «Жаль, что не было тогда меня, я бы победил его (в состязаниях), вынудил бы Орынбая оставить мне своего коня». Такие слова могли исходить только из уст крупного, известного поэта. Этот случай народ сохранил в своей памяти. Поэты впоследствии встретились в том же доме Ахмета-торе. Поэт Орынбай на приветственное слово Сералы и готовность его состязаться в стихах с ним ответил:

---

¹⁷ О жизнь, ты как лань, игриво пронсящаяся по степи,
Не находишь постоянного пристанища ни в одном из живых.
Как дикарь ты, не признающий правил,
Покидаешь тех, кто не хочет расставаться с тобой.
О жизни, ты даруешь радость мгновенную,
Становишься еще краше перед тем, как оставляешь душу.
Будто ты ртуть в склянке без пробки,
Ускользаешь вмиг, когда заблагорассудится покинуть нас.

Ассалаумағалайкум Сералы інім,
Дәулет бітіп жабылсын бойда мінің,
Жақсы леп, жарым ырыс деген сөз бар
Баласы асылзада дана герім.

Нәсілің төрт тараптан діндәр қожам,
Қисық жүрме, түзу жүр, жол бар қожам,
Қолына ұстап кітап дәріс айтпай,
Өленде молда болсан, нең бар қожам¹⁸.

Этими словами поэт Орынбай, с одной стороны, воздаёт должное поэтическому таланту Сералы, а с другой, как это положено в айтысе (песенное состязание), находит в нем, в его генеалогии «слабые» места, указывая на которые можно уязвить самолюбие оппонента¹⁹.

Замечательный композитор А. В. Затаевич, собравший богатейшие образцы казахской фольклорной музыкальной культуры в начале 20-х гг. писал: «Песню Сералы я лично склонен считать одним из перлов настоящего сборника. По своей форме она необыкновенно светла и оригинальна»²⁰. В дальнейшем А. В. Затаевич несколько раз пытался записывать песни и мелодии Сералы-акына. К сожалению, его поиски не увенчались успехом и он с досадой сетует: «Серали-акын, певец Кустанайской губернии, умерший в 1876 году, 40 лет от роду, был поэтом и автором напевов. По приведенному здесь образчику можно судить о том, что это был музыкальный самородок великолепного дарования, и тем более жаль, что его песни, своевременно никем не записанные, в настоящее время почти совершенно порастерялись..., все мои старания найти и записать еще какие-либо песни прекрасного кустанайского мастера остались безрезультатными»²¹.

Во время встречи с А. В. Затаевичем М. Сералин

---

¹⁸ Здравствуй, достойный младший брат Сералы,
Пусть наступит желанная обеспеченность и прикроет твою
нужду,
Теплый прием — начало добродетели,
Благодарю тебя за это, потомок святых.
Предки твои происходят от четырех святых мест, мой Кожа.
Не лучше ли тебе, мой Кожа, идти их дорогой, быть муллой,
Читать назидания, согласно святым книгам, вместо того, чтобы
Увлекаться поэзией. (ЦНБ. АН КазССР. Рук. Ф. П. 5. Л. 2, 3).

¹⁹ Имеется в виду происхождение Сералы из ходжей.

²⁰ *Левицкая И.* Живые драгоценности. Алма-Ата, 1976. С. 79.

²¹ Затаевич А. В. Исследования, воспоминания, письма, документы. Алма-Ата, 1958. С. 113.

рассказывал ему, что его отец — Сералы-акын вместе с тем был «горе-коммерсантом», непрактичным и добрым. Быстро прогорел, но не унывая, к радости окружающих, брался за домбру и пел. Текст и музыку, как правило, слагал он сам.

Семья М. Сералина была религиозной. Традиционно в семье ходжей в отличие от кочевников-скотоводов более строго соблюдались религиозные правила и обряды и к этому приучали детей с ранних лет. Детские религиозные впечатления в определенной степени влияли на его дальнейшую жизнь и деятельность, формирование мировоззрения.

Семья Сералы скорее относилась к категории слабообеспеченных, хотя не была и бедной. Ему не удалось успешно сочетать искусство певца и поэта с деятельностью торговца, каковым пытался стать он по совету родственников. В последние годы жизни Сералы-акын обеднел и умер в долгах²².

М. Сералин гордился своим отцом, уважительным отношением казахского народа к его памяти. Об этом он писал во вводной части поэмы «Топ жарган».

М. Сералин родился в 1872 г. Когда ему было три года, умер отец. Для семьи наступили тяжелые времена. Воспитание детей²³ легло на плечи матери. В этом ей оказывали помощь и поддержку одноаульцы, с почтением относившиеся к дому Сералы-акына, а также ближайшие родственники. Об этих годах М. Сералин писал:

Қудайым сәби шақта жетім етті.
Жетімдік жарлық пен қатты дертті,
Атаны жақсы көрген арқасында,
Көрген жан баршасы да құрметтеді²⁴.

²² По свидетельству родственников, он при жизни не смог возвратить долг в размере 1000 руб., взятый у казаха-ростовщика Жаппасбая. Во время похорон этот бай, считая, что наследники Сералы не смогут вернуть ему деньги, при всех схватил край табыта и громогласно сказал: «Ходжа, как с долгами? Отдай мои деньги!». Присутствующие были подавлены. На похоронах не нашлось материально обеспеченных близких. И только родственник по линии жены Сералы, крупный татарский купец Яушев, обещал уплатить долг Сералы-акына и тем самым «очистить его душу».

²³ У Сералы от двух жен было шестеро сыновей и три дочери.

²⁴ Ребенком остался сиротой по воле всевышнего, необеспеченность и нужда грузом легли на нас, но везде к нам относились с уважением из почтения к нашему отцу. («Мұхаметжанның Жаппасқа берген жауабы». Рук. ф. Института философии и права АН КазССР).

В 1880—1887 гг. М. Сералин учился в медресе в г. Троицке, считавшемся в ту пору лучшим в Центральном Казахстане. После завершения учебы мать отправила Мухамеджана в г. Кустанай к родственнику Арыстану Мыржакуп-улы для продолжения учебы и обучения ремеслу. Там он поступил в Кустанайское двухклассное русско-киргизское (казахское) училище. Прилежание и способности М. Сералина обратили на него внимание учителей. Один из них — Ильиных становится весьма близким М. Сералину, снабжает его литературой, помогает его интеллектуальному росту. По совету и рекомендации Ильиных, после окончания училища Мухамеджан едет в г. Оренбург, где, успешно сдав вступительные экзамены, зачисляется в учительскую семинарию, закончить которую ему не пришлось. По семейным и материальным обстоятельствам он вынужден был работать.

М. Сералин родился, вырос и начал свою трудовую деятельность в Кустанайском уезде, с ним была связана его дальнейшая судьба.

Кустанайский уезд (бывший Николаевский) с территорией 69 183 км² до 1917 г. входил в состав Тургайской области. Его административным центром вначале был г. Троицк, а с конца XIX в. — г. Кустанай, основанный русскими переселенцами. Кустанай, возведенный в степень города в 1893 г., быстро рос. Его население за период с 1885 по 1900 гг. выросло с 7325 чел. до 16 175, т. е. более чем в два раза²⁵. Вскоре он стал значительным торговым, экономическим и культурным центром уезда и Тургайской области. Этому способствовало удобное географическое положение, возведение железнодорожной ветки Кустанай — Троицк в 1913 г.

Только перечень учебных заведений, имевшихся в то время в г. Кустанае, характеризует его как значительный культурный центр на Северо-Западе Казахстана. Так, в 1884 г., по настоянию инспектора учебных заведений Тургайской области Ибрая Алтынсарина, в г. Кустанай из г. Троицка была переведена классная школа, ставшая первым учебным заведением города. Уже через год, в 1885 г. в ней обучались 55 учеников, из них 30 казахских мальчиков и 25 русских детей. Из стен этой школы вышел ряд видных деятелей казахского общест-

²⁵ Кустанай. Вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 15.

ва: Алиби Джангильдин, Спандияр Кубеев и др. К 1911 г. в городе действовали реальное училище, Александровская русско-киргизская (казахская) гимназия, женское русско-киргизское (казахское) училище, двухклассное русско-киргизское (казахское) училище, городское четырехклассное училище, педагогические курсы и др. — всего 27 учебных заведений, в которых обучались 2370 учащихся. При русско-казахских училищах были организованы интернаты для мальчиков и девочек из казахских аулов.

Население уезда было многонациональным, причем более половины его составляли русские.

Кустанайский уезд имел самую большую плотность населения. Здесь проживала основная масса русских, намного больше, чем во всех остальных уездах Тургайской области вместе взятых. Одних русских поселков в уезде насчитывалось 299, что составляло 66 % всех поселков в области. Большинство казахского населения занималось кочевым и полукочевым скотоводством. Многие из них в начале XX в. уже имели небольшие посевные участки вблизи зимовок, по берегам небольших рек и на богаре. Однако основным источником благосостояния и хозяйственных доходов казахских семей оставалось пастбищное скотоводство. В 1911 г. на одну семью русского крестьянина приходилось около 8 голов скота, а на одну кибитку казахов — более 30 голов.

Административно уезд делился по территориально-национальному принципу. Для русского населения создавались отдельные волости. Первые управлялись на основе крестьянского Положения, как и в центральных областях России, а казахи — по Положению об управлении в степных областях от 25 марта 1891 г. Русские, проживавшие на территории казахских волостей, управлялись и подлежали юрисдикции только русских властей. Такой порядок распространялся и на казахов.

Вопреки политике царской администрации и ее наместников, направленной на разъединение и противопоставление народов, трудовые массы русского и казахского населения завязывали тесные хозяйственные, деловые и семейные связи. В их отношениях закладывались основы дружбы и взаимной солидарности в борьбе за жизненные интересы, против царского режима.

В Кустанайском уезде, территориально расположенном на границе с Россией, влияние на местное население передовой экономики и культуры, а также освободительных идей и движения русского народа было более активным, чем во внутренних районах Казахстана.

М. Сералин как мыслитель и общественный деятель формировался в общении с русскими, крестьянами, людьми передовых взглядов. Вместе с тем с молоком матери он впитал психологию, быт, интересы и нужды казахского народа. Социальная среда, в гуще которой находился М. Сералин, была разнообразной, насыщенной событиями. Она давала молодому Сералину богатую пищу для размышлений, подводила к критической оценке политики царизма, проводимой в Казахстане, к осознанию необходимости преодоления отсталости казахского народа, приобщения к цивилизации.

М. Сералин ставит перед собой задачу идти «в народ», глубже знать его состояние, настроение и нужды, способствовать распространению образования и русской грамоты. В открытии мектебов и училищ для казахских детей он видит долг казахской интеллигенции. Руководимый этой идеей, он едет в Приаралье, в пустынные и полупустынные районы казахских кочевий. Там, в гуще казахских аулов, сохранивших во многом традиционный быт кочевников-скотоводов, он решил учить детей.

Район, куда направился М. Сералин вместе с караваном, был песчаной пустыней. Инспектор школ Тургайской области А. А. Алекторов на страницах столичной газеты так описывал эту поездку М. Сералина к берегам Аральского моря: «Странный караван двигался в начале сентября к берегам Аральского моря. Никто не мог определить, что за караван идет и чем нагружены верблюды. Одна тропа пересекала другую, образуя бесчисленное множество верблюжьих дорог и неопытному человеку никогда не найти бы своей дороги, а караван шел уверенным шагом. Всегда любопытные, встречные киргизы напрасно всматривались в тюки — все им было непонятно. Верблюды нагружены были ученическими столами, классными досками и разными школьными принадлежностями. Караван остановился в урочище Талыспе. Здесь, в доме казаха Жасаганбергена Пирманова, в ауле № 4 Тулагайской волости Иргизского уезда Тургайской области предположено было

открыть первую на Аральском море аульную школу. Собравшиеся киргизы ошупывали руками мебель, раз-
вертывали невиданные книги и покачивали головами. Школа открыта при одиннадцати учениках и семь посту-
пили на другой день. Учителем назначены окончивший курс Кустанайского педагогического класса киргиз Сералин». Далее школьный инспектор отмечает: «Мог ли тогда, 12 лет тому назад, я предполагать, что и сюда заглянет просвещение, что эти пустынные берега огла-
сятся веселыми голосами школьников, что с книжками в руках побегут киргизские дети в русские училища, сядут за русскую азбуку»²⁶.

Это были первые шаги его самостоятельной деятельности и начинал он их на ниве просвещения казахского народа.

В Приаралье М. Сералин пробыл несколько лет. Известно, что в эти годы он задумывает планы будущих поэм и заканчивает одну из них. В 1900 г. в г. Троицке выходит первая поэма «Топ жарган», написанная в 1888 г. В ней он воспеваает удаливость и храбрость молодых и славит степного скакуна, способного спасти жизнь джигита в час трудных испытаний.

В поэме «Гулкашима», написанной в 1901 г., М. Сералин выступает против старых и вредных обычаев, широко распространенных в казахской степи, узаконивших положение, при котором девушек выдавали замуж против их воли, продавали, наследовали, как вещь.

Против несправедливости и насилия протестует М. Сералин и в ранних стихах. Для этого он часто выби-
рал иносказательную форму. В поэме «Слезы Сайгака» он описывает случай, когда жестоко нравный охотник расставлял свои капканы (ловушки) в степи, в одну из которых попала самка Сайгака. В предсмертных муках, прощаясь с жизнью, она вдруг увидела человека в обра-
зе Мухаммед-пророка и обратилась к нему с просьбой.

Пришелец услышал ее страдания и искренне желая ей помочь, обратился к охотнику с просьбой дать ее ему на поруки с обязательством, что она, накормив своих детей, вернется, и человек волен будет поступать с ней, как захочет.

Сайгачиха сдержала обещание: возвратилась с двумя своими козлятами раньше срока и, обняв детей в послед-

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 302.

ний раз, отдала себя в распоряжение охотника. Он был изумлен, а затем заплакал: «Не достоин я называться человеком, намного лучше меня дикие обитатели степи». И дал ей свободу. В этой небольшой по объему поэме-легенде М. Сералин, с одной стороны, наделяет добро силой, способной одолеть зло, а с другой — восстает против угнетения слабых, против жестокости человека по отношению к беззащитным диким обитателям земли.

От бытовых и нравственных проблем, которые преобладали в ранних произведениях М. Сералина и имели социальное звучание, постепенно он переходит к идее служения народу, поискам практических путей ее реализации.

В те годы М. Сералин еще четко не представлял, каким образом он будет служить своему народу, но одно было для него ясно, что необходимо всемерно способствовать пробуждению народа и преодолению старых взглядов, консервирующих отсталость казахского общества.

В 1900 г. М. Сералин переехал в г. Троицк и устроился на работу приказчиком у купца Яушева. Выполняя поручения Яушева, он часто выезжал в степь, в г. Оренбург и Кустанай. Постоянные поездки давали ему возможность лучше узнать жизнь населения различных его слоев, познакомиться с прогрессивно мыслящими людьми.

В жизни М. Сералина и его идейно-политическом становлении г. Троицк сыграл первостепенную роль. Здесь он по-настоящему приобщился к русской культуре, увлекся передовыми идеями русских и татарских просветителей, стал постоянным читателем городской библиотеки, установил контакты с патриотически настроенной частью образованной казахской молодежи и стал одним из ее лидеров, с русской местной интеллигенцией и рабочими.

М. Сералин был разносторонне развитым человеком. С малых лет он много читал, имел личную библиотеку. Многие книги, изданные в Казани, Уфе и Оренбурге на турко-казахском и татарском языках, он брал с собой в Приаралье. Позже М. Сералин описывал чувства, охватившие его, когда ему привозили новые книги татарских просветителей: «Я, как голодный, набросился на них и прочитал на одном дыхании. По прочтении их

мои мысли озарились как солнце, вышедшее над горизонтом... Никогда не изгладятся из моей памяти те времена, когда я на берегу Сырдарьи читал эти книги, как будто я встретился с лучшим другом.»²⁷ Пристрастие к книгам сохранилось у него на всю жизнь. Повзрослев, он обогатил свою библиотеку книгами на русском языке, среди которых были и запрещенные.

Страстно увлекался М. Сералин фольклором: собирал, изучал и записывал его. Его занимала приключенческая жизнь Марала Курманова, которого можно назвать «возмутителем спокойствия» в степи, выдавшего себя за посланца «неба» для установления нового порядка на земле. Собрав о нем сведения, Сералин сообщил их русскому ученому И. И. Крафту, который опубликовал статью о М. Курманове. К его сородичам принадлежал акын Шортанбай, многие стихотворения которого направлены против невежества, косности и социальной несправедливости²⁸. М. Сералин с почтением относился и к личности, и к творчеству Шортанбая, называя его «печальником казахской бедноты». Одна из статей, напечатанная в первые годы Советской власти и обращенная к трудовому казахскому населению, начиналась следующими словами: «Лет 50 тому назад киргизский поэт Шортанбай пел следующие песни: „Как может хорошо жить киргизский кедей (бедняк), коли он все лето косит сено, всю осень жнет хлеб, а добытую таким образом трудовую копейку от него «на расходы» отнимает толмач? Зимой кедей режет последнюю корову на мясо, а теленка от коровы забирает себе богач. Сколько бы ни эксплуатировал бедняка, утроба бая не насыщается и он готов отнять у кедея последнее достояние. За отказ бедняка от бесплатной работы, хотя бы на один день, бай отказывает бедняку в чашке жирного супа”». Так пел печальный поэт киргизской бедноты Шортанбай»²⁹.

²⁷ Айкап. 1914. № 17.

²⁸ См. кн.: Муканов С. Народное наследие. Алма-Ата, 1974. С. 17; Талжанов С. Өткен кундер сөйлөйдү. Алматы. 1979. 116—134 б.

²⁹ Сералин М. Что должны помнить трудовые киргизы во время выборов // Степная Заря. 1922. 3 августа.

На стыке трех культур

Одной из особенностей условий формирования Мухамеджана Сералина как деятеля было то, что он жил, воспитывался и рос в среде трех народов — казахского, русского и татарского. Эта его связь была не столько кровно-родственной, сколько духовной: с юных лет, со школьной скамьи он тесно общался и дружил с передовыми представителями этих народов. Тесное общение с ними, совместное участие в делах обогащали, расширяли кругозор и способствовали становлению М. Сералина как зрелого общественно-политического деятеля.

М. Сералин был истинным сыном казахского народа, хорошо знал быт и психологию и кочевника-скотовода, и полуседлого и оседлого земледельца, еще не успевшего оторваться полностью от жизни скотовода.

Вместе с тем он родился на русско-казахской границе, воспитывался и вырос под непосредственным влиянием общества, социального и идейного климата городов Троицка и Кустаная, основанных русскими, где абсолютное большинство населения составляли русские. Учился он в русско-казахском училище, многие из друзей его также были русские.

Он хорошо знал быт, уклад жизни и психологию русского переселенца-крестьянина, ибо аул М. Сералина находился в непосредственном соседстве с русской переселенческой деревней, обмен, общение и связи между которыми были интенсивными и постоянными. Юношей Мухамеджан часто гостил в русской деревне, в зрелые годы среди его наставников, единомышленников и близких немало было русских передовых рабочих, интеллигентов и революционеров: Ужгин, Ильинский, Ашмарин, Сосновский, Зиссер и многие другие. М. Сералин хорошо знал русский язык, свои стихи с казахского переводил сам, а иногда и сочинял на русском языке.

Русская культура и освободительное движение в России были основными родниками, из которых М. Сералин черпал вдохновение для служения своему народу, ориентирами, по которым он сверял свои идеи и планы, свой путь и деятельность.

Не меньшее значение в его становлении имела татарская культура и ее передовые деятели, жившие и работавшие в Оренбурге, Уральске, Кустанае и Троицке. Не только М. Сералин, но и другие казахские деятели в той

или иной мере испытывали благотворное влияние передовой татарской общественной мысли и ее представителей. М. Сералин, пожалуй, в наибольшей степени был связан с татарской культурой и ее прогрессивными традициями.

Говоря о влиянии татарской культуры на казахское общество в широком смысле слова, следует иметь в виду, что, во-первых, Татария раньше всех других регионов мусульманского Востока России приобщилась к русской культуре и к европейской цивилизации; во-вторых, в ней раньше, чем в Средней Азии и Казахстане зародились просветительское, либеральное, мелкобуржуазное и революционное движение; в-третьих, татары, будучи одной из самых многочисленных и образованных народностей среди мусульман России и в силу того, что они в значительном числе проживали в городах, кишлаках и аулах Туркестана и Казахстана, нередко были наставниками молодежи в этих регионах.

В распространении просветительских идей и просвещения в Туркестане, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и Казахстане заслуга татарских просветителей, учителей и деятелей общественной мысли значительна.

Не последнюю роль в идейном становлении и формировании М. Сералина как деятеля дореволюционной казахской общественной мысли играли общение, тесные контакты с передовой татарской интеллигенцией. Надо сказать, что это было влияние не только передовых людей Татарии, той их части, которая была связана с Казахстаном, но и татарской культуры в целом, взятой в ее социально-экономическом, хозяйственном и идейном аспектах.

Мать Мухамеджана Сералина была дочерью ногайского ремесленника Бекчентаева, который приходился родственником Яушеву, известному татарскому купцу, жившему в г. Троицке. Яушевы обладали крупным капиталом, имели свою торговую фирму и несколько контор. Их торговые связи простирались на многие губернии центральной и западной России. После смерти отца М. Сералина Яушевы как родственники стали оказывать ему покровительство: помогали устроиться учиться в медресе, приобрести навыки работы в торговой конторе.

В доме Моллахмета Яушева, у которого работал Сералин, время от времени собирались известные в те

годы местные татарские деятели, а также приезжавшие из Оренбурга и других городов: учителя, издатели газет, владельцы типографий, образованная молодежь. Среди них было немало лиц, связанных с просветительским, народно-демократическим и даже социал-демократическим движением в Татарии, Поволжье, в центральных губерниях России. Общаясь с ними, участвуя в спорах на политические темы, М. Сералин расширял свой общественный и политический кругозор.

М. Яушев, будучи крупным торговцем, придерживался либеральных взглядов на политические события в России. Это подтверждает и С. С. Ужгин, называвший его «либеральным купцом»³⁰. Яушев сочувственно относился к татарской молодой интеллигенции, зараженной мелкобуржуазными и демократическими идеями обновления общества, оказывал ей материальную помощь. Он не раз значился в жандармских донесениях и материалах в числе «опасных» людей за покровительство ссыльным, а также местным радикальным татарским деятелям. Один из таких случаев был связан с его сближением с Абдуллой Буби (Бабинским), учителем Вятской губернии, сосланным в ноябре 1913 г. в г. Троицк за свободомыслие. М. Яушеву ставилось в вину его сочувственное отношение к фельдшеру Мухамедшину, издателю журнала «Акмолла» Х. Ганееву и другим, за которыми был установлен надзор царской охранки. За это Яушевы подвергались репрессивным мерам³¹.

Первое учебное заведение, двери которого открылись перед М. Сералиным, было медресе в г. Троицке, основанное в свое время волжскими татарами-миссионерами. В числе его преподавателей немало было хорошо образованных людей, пропагандистов народного просвещения и лиц, связанных с передовыми для того времени идейными течениями в России и Татарии, а также в Северном Казахстане. На впечатлительного юношу из казахской степи идейная обстановка в медресе оказала заметное влияние.

Какое-то время М. Сералин увлекался идеями Ша-

---

³⁰ Ужгин С. С. Странички былого. Воспоминания. С. 1. Кустанай. Обл. историко-краеведч. музей.

³¹ См.: Тагиров И. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1977. С. 67.

габуддина Марджани (1815—1889 гг.) — известного татарского ученого, историка и этнографа, критически относившегося к мусульманским фанатикам. В 1849 г. Марджани открыл медресе, в котором в учебную программу были включены и светские дисциплины: история, литература, астрономия и др. Это вызвало сопротивление ортодоксальных мулл и богатых священнослужителей. Позднее Ш. Марджани с болью говорил: «Они, предлагая подражать медресе из деревни Кышкар и из деревни Буби, а также казанским медресе, мое медресе погубили. Все мои предложения о новых методах преподавания, с которыми я приехал из Бухары, пошли насмарку. Напрасно тратят время, занимаясь пустяками. Нужные предметы не преподают. Ах, это проклятое время, что же делать?»³².

Ш. Марджани был горячим сторонником изучения русского языка и содействовал тем, кто желал отдать своих детей в русские школы. Свои идеи он изложил в работах «Кончина предков и воздаяние потомков», «История Булгарии» и др. Историческое значение трудов Ш. Марджани определяется критикой догматизма и схоластики, имевших широкое распространение среди мусульманского духовенства того времени. Выступления в защиту свободы мысли, признание преимуществ знания и необходимости изучения наук и русского языка ставят Ш. Марджани в ряд прогрессивных деятелей.

Просветительские и гуманистические взгляды и идеи Ш. Марджани оказали определенное влияние на творчество многих казахских и башкирских общественных деятелей: И. А. Алтынсарина, А. Кунанбаева, Ахангеры³³. Известный поэт Акмулла считал себя учеником Ш. Марджани. М. Сералин высоко ценил труды Ш. Марджани и настойчиво предлагал молодежи изучать его идеалы и следовать им, в особенности в деле распространения образования среди казахского народа.

В связи со 100-летним юбилеем Ш. Марджани в 1915 г. М. Сералин опубликовал статью, в которой особо отметил его заслуги перед народами востока и в их сближении с Россией, ее культурой³⁴. «В тот день,—

³² Приводится по кн.: Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975. С. 42.

³³ Ысқақов Б. Қазақ-татар әдеби байланысы. Алматы, 1976. 55-б.

³⁴ Айқап. 1915. № 2.

говорилось в статье, — много людей собралось на его могиле и поклонились его памяти и духу. Среди них были татары, казахи и кавказцы, приезжие из Туркестана, а также молодежь, жаждавшая знаний. От юношей до белобородых старцев, от мулл с огромными белыми чалмами на голове до студентов, одетых в формы, можно было встретить здесь». М. Сералин призывал казахских интеллигентов брать пример с Ш. Марджани и направить свои усилия на просвещение народа, бережно относиться к идейно-просветительскому наследию передовых казахских мыслителей прошлых эпох, в том числе и к наследию Ибрая Алтынсарина.

Не только идеи Ш. Марджани, но и ряда других деятелей прогрессивной татарской культуры, оказали заметное влияние на М. Сералина, особенно в годы его увлечения народным просвещением.

Нам представляется справедливым утверждение С. Асфендиярова, что на начальном этапе творчества М. Сералин испытывал влияние татарских джадидов. Это течение общественной мысли возникло в противовес схоластическому методу обучения в мусульманских медресе, основанному на заучивании догм корана и других религиозных учений, оторванных от жизни, от потребностей общественного развития.

Джадидизм возник в пореформенный период в среде татар. Этому способствовало то обстоятельство, что Татария раньше других регионов мусульманского Востока России втянулась в сферу буржуазных отношений, находилась ближе к центральной России, имела тесные связи с ней. Передовые татарские общественные деятели видели отсталость Татарии в области науки и просвещения по сравнению с Россией и европейскими народами. Татарские школы, где было сильно засилие мусульманского духовенства, не соответствовали возросшим требованиям эпохи. Критикуя фанатичных мулл, прогрессивная интеллигенция выступала с требованием проведения реформы в мектебах и медресе. Они боролись за введение в школах европейского звукового метода обучения, который по-арабски назывался «усул и джадид», т. е. «новый метод». Странников этого метода стали называть джадидами.

Основное внимание джадида уделяли реформации учебных заведений, не вторгаясь в область практического изменения системы политической власти и формы

государственного управления метрополии и колониальных окраин. Соблюдая идейно-политическую сдержанность, джадиды ставили задачу обучения детей и подготовку молодых кадров в русле требований эпохи просвещения и развернули достаточно активную деятельность в этом направлении.

Таким образом, джадидизм, возникший в конце XIX в., носил буржуазно-реформаторский характер. По мнению многих советских исследователей, главными задачами джадидов были ограничение влияния ортодоксальной мусульманской религии на светскую жизнь, реформа школьного образования, внедрение европейского звукового метода обучения в мектебах, широкая пропаганда и стремление приобщить мусульманские народы к европейской, в первую очередь к русской культуре. Под этими лозунгами выступали люди различных убеждений и социальных слоев. Но объединяли их широкие интересы просвещения и недовольство закосмелой образовательной политикой мусульманского духовенства. Желание джадидов ознакомить молодежь с достижениями русских и других европейских народов в области науки, техники и образования и их первые практические шаги нашли широкий отклик у молодежи. Сторонники джадидизма — шакирды отличались критическим, вдумчивым подходом к общественным явлениям и к действительности. Даже в своем поведении они были более свободны и раскованны.

Таким образом, джадидизм подрывал вековые устои и предписания шариата и адата, вызывал вначале обеспокоенность и недовольство, а в дальнейшем — яростный гнев реакционного мусульманского духовенства, так называемых «кадимистов».

Царское правительство отнеслось недоверчиво и к джадидам, и к кадимистам, но, как отмечает Р. И. Нафигов, «среди мер, намеченных для реализации на местах, нет ни одной, направленной против мулл кадимистов. Главный удар наносился не по нему, а по только что родившейся национальной литературе, по школам, обучающим своих учеников, по европейскому звуковому методу обучения»³⁵. Несомненно, новый рациональный метод обучения значительно ускорил овладение грамо-

³⁵ Нафигов Р. И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1965. С. 34.

той, а введение новых методов обучения явилось прогрессивным фактором.

В истории джадидизма прослеживаются два этапа: просветительский, объединительный и политико-реформаторский. Под влиянием революции 1905—1907 гг. произошло размежевание среди его сторонников. Стали выделяться прогрессивные представители национальной интеллигенции. Свою просветительскую деятельность они связывали с отношением к политической системе.

Прогрессивно-реформаторские идеи джадидизма в области просвещения увлекли и молодого М. Сералина. О них он слышал в русско-казахском училище в г. Кустанае. Новые методы обучения детей М. Сералин применил в своей работе, будучи учителем аульной школы в Приаралье, где ввел преподавание русского языка и предметов общеобразовательного значения. В Казахстане конца XIX — начала XX в. внедрение новых методов обучения детей в мектебах и медресе не было сопряжено с такой ожесточенной борьбой и острыми конфликтами между джадидистами и кадмистами, как в Туркестане, Бухаре, Хиве.

Татарские общественные деятели, с которыми был связан М. Сералин, оказывали ему поддержку в разные годы жизни. По воспоминаниям старого большевика С. С. Ужгина, Сералину нередко оказывал поддержку Ганиев, приказчик купца М. Яушева, возглавляющий татарскую демократическую интеллигенцию г. Троицка. В 1904 г. он делал предложение М. Сералину о совместном издании русско-казахской газеты. «Сначала, — вспоминает С. С. Ужгин, — предполагалось издавать большую еженедельную газету на русском и казахском языках с тем, чтобы в ней ставились и обсуждались вопросы, связанные с жизнью казахского общества и русских переселенцев. Редактором русского текста намечался журналист Ильинский»³⁶. Когда встал вопрос о средствах, необходимых для издания такой газеты, Ганиев убедил либерального купца М. Яушева выдать субсидию в размере 500 рублей. Однако, М. Сералин, не желая быть зависимым от него, от денег отказался.

---

³⁶ Ужгин С. С. Странички былого. Воспоминания. Кустанай. Обл. истор.-краев. музей. С. 2.

Ахметгали Рахматуллин, работавший в 1908—1918 гг. приказчиком к М. Яушева, знавший М. Сералина, вспоминал: «Мухамеджан-агай общался с Ганиевым и Иркасовым. Все мы находились в тесном общении и большой дружбе».

Как видно из сказанного выше, М. Сералин в своих воззрениях и идейной ориентации многое воспринял из культур трех народов — казахского, русского и татарского, а его личная жизнь и творчество тесно были связаны с духовной жизнью этих народов.

Глава 2

М. СЕРАЛИН И ЖУРНАЛ «АЙКАП»

Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане

Пробуждение национального самосознания в казахском обществе приходится на начало XX в. Во многом оно связано с революционными событиями в России 1905—1907 гг. Это, однако, не означает, что одни только внешние факторы породили его. При такой трактовке оживление национальной жизни в Казахстане выглядело бы навязанным извне, искусственным, а, значит, непрочным.

Уже накануне первой российской революции в отдельных сферах жизни казахского общества начали формироваться новые явления, свидетельствующие о более глубоких внутренних изменениях, происходивших в его структуре. Особенностью этих изменений было то, что при сохранении господства патриархально-феодальных отношений в сфере духовной жизни казахского общества складывались условия, намного опередившие развитие экономических отношений. Такое положение создалось в результате неравномерности распространения влияния России и ее официальной политики на различные сферы общественной жизни казахов. Наибольшее влияние оказывала передовая Россия на общественную и духовную сферу казахского общества, особенно на его молодежь, в той или иной мере связанную с городской культурой и культурой русского населения. Более медленным и и затыжным было влияние России на экономическую жизнь степного региона.

Усиление в первую очередь политического влияния царского правительства на казахское общество, а также растущие контакты и связи казахского населения с русским сделали необходимой ускоренную подготовку

грамотных людей из среды местного населения, владеющих русским языком. В этом были заинтересованы и местная знать, и царские наместники, но и те и другие исходили из своих узких, нередко противоположных, интересов. Так, царская администрация надеялась создать касту чиновников из казахов, способных проводить их политику в крае, а местная знать больше пеклась о защите своих прав и привилегий с помощью тех же образованных казахов.

В 80-х гг. XIX в. казахской степи появились первые по-европейски образованные казахи, а в начале 10-х гг. XX в. их было уже несколько десятков. В степи стали встречаться студенты-казахи, обучавшиеся в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, Варшавы, Юрьевска, Томска.

Значительно увеличилось число окончивших гимназии, русско-казахские училища, учительские курсы, волостные и аульные казахские школы с преподаванием русского языка и естественных дисциплин. При всем этом удельный вес грамотных, в особенности грамотных по-русски, в среде местного населения был незначителен.

Расширение европейского образования в конце XIX в., в особенности в начале XX в., было заметным явлением в жизни казахского общества и внесло определенные изменения в его интеллектуальную структуру.

Получившие уроки цивилизации и познавшие ее благотворное влияние на народное состояние, и впитавшие немало ценного из русской культуры, и зараженные просветительскими идеями, молодые казахи возвращались в свои аулы одни после окончания учебных заведений России, другие — после более или менее длительных контактов с русской, татарской и башкирской интеллигенцией и более передовым образом их жизни. Перед ними стояла дилемма: либо приспособиться к степной, патриархальной и отсталой аульной жизни, раствориться в ней, занимая должности переводчиков, письмоводителя, канцеляристов, либо идти в народ, посвятить себя его интересам, попытаться вывести его из патриархальщины и косности, пробудить в нем стремление к преодолению своей отсталости. Многие из казахских молодых интеллигентов выбрали второй путь.

На формирование национальной казахский интеллигенции влиял ряд социальных и общественно-политических факторов:

1. Оно совпало с революционными событиями в России 1905—1907 гг., под мощным натиском которых царский трон и царский авторитет сильно пошатнулись.

2. Основной ее образовательной базой были русские учебные заведения в метрополии и приграничных городах, при ставках гражданских и военных губернаторов, правивших делами казахского края.

3. Формирование младонациональной казахской интеллигенции происходило на таком историческом этапе развития, когда казахское общество по своему политическому и социально-экономическому положению уже превратилось в полностью контролируемую колониальную окраину Русской империи.

4. Основной общественной средой, из которой вышли казахские интеллигенты и с которой они были органически связаны, являлось отсталое кочевое и полукочевое скотоводческое общество с господством патриархально-феодалных отношений. По социальному составу интеллигенция была разночинной: наряду с выходцами из зажиточной и средней части населения были и дети рядовых шаруа. В большинстве этих семей существовали прежде культ покорности царю и его политике, борьбы за новые чины в системе местного управления под властью царских наместников. Все эти факторы и обстоятельства наложили отпечаток на воззрения и общественно-политическую деятельность основной части казахской интеллигенции.

Особенно сильное влияние на идейную жизнь казахского общества оказала революция 1905-1907 гг. Она открыла глаза на Россию крайним отсталым народам, которые увидели в России — Россию царскую и Россию рабочих и крестьян, безжалостно эксплуатируемых и подавляемых царизмом. Именно после революции 1905—1907 гг. в России в патриотически настроенных кругах казахской интеллигенции заговорили о союзе и совместной борьбе русских и казахов против политики царского правительства в крае.

Революция 1905—1907 гг. имела решающее влияние на казахское общество и в другом плане. По своему характеру она была буржуазно-демократической и проходила под лозунгами борьбы за социальную справедливость, свободу, равенство, за лучшую жизнь, против феодально-монархической системы. Эти политические требования русских рабочих, разносившиеся по всей

России, были источником и стимулом для формирования местных программ общественного обновления в национальных окраинах, в том числе и в Казахстане. Именно с русской революцией 1905—1907 гг. связано пробуждение национальной жизни в Казахстане, заметное оживление политической активности среди населения.

На этом фоне создание печатного органа, способного донести до широкого круга населения мысли и взгляды младоказахской интеллигенции, а также служащего средствами мобилизации сил для решения назревших вопросов национальной жизни и ее развития, стало закономерной необходимостью, обусловленной с таким развитием казахского общества начала XX в.

Царское правительство и его наместники в Казахстане противодействовали намерениям казахской интеллигенции наладить издание национальных газет и журналов. Это противодействие особенно усилилось, когда царская администрация увидела ее связь с русской общественной жизнью, с ее передовыми деятелями. В этом правительство видело опасность для интересов дальнейшей колонизации края. Оживление национальной жизни в казахском обществе было для царизма нежелательным. С одной стороны, оно могло нарушить то «спокойствие и послушание», которое, по мнению царских чиновников, было характерно для основной массы местного населения, а с другой — могло усилить контакты между казахским и русским обществами и тем самым создать дополнительные трудности в борьбе с оппозицией официальной политики. Однако сознавая, что совсем избежать решения этого вопроса нельзя, то следует идти по линии издания приложений к некоторым губернским и областным ведомостям, издающимся в крае как официальные органы. В крайнем случае допускалось издание газет на казахском языке по примеру прошлых лет. И в первом и во втором случаях правительство осуществляло полный контроль над изданиями как государственными органами печати.

В конце XIX в. — начале XX в. на казахском языке издавались две газеты «Туркестан уалаятынын газет!» (1870—1881) и «Дала уалаятынын газет!» (1888—1902). Первая выходила в Ташкенте и была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства, а вторая издавалась в Омске степным генерал-губернаторст-

вом. В них в основном печатались распоряжения правительственных органов и материалы о проведении политики царизма в крае, в неофициальном отделе иногда давались материалы по истории, этнографии и литературе Казахстана. Но и эти газеты, вопреки намерениям царского правительства, сыграли в целом положительную роль в общественной жизни края.

После 1905 г. оживление идейной жизни казахского общества выразилось в попытках организовать ограниченные по составу совещания с приглашением влиятельных лиц из степной знати, а также основать неправительственный печатный орган. Одно из таких совещаний состоялось 28 мая 1906 г. в Актюбинске, во время выборов депутатов в I государственную думу, на котором был поставлен вопрос об издании на казахском языке журнала. Было вынесено решение о сборе средств на эти цели и назначен казначей С. Иманшалов. Однако издание журнала откладывалось из-за отсутствия базы и разногласий о месте пребывания редакции. В 1908 г. в Оренбурге, под руководством Смагула Иманшалова и Сералы Лапина, состоялось новое совещание с участием некоторых аксакалов, на котором было принято решение об издании казахской газеты на средства, пожертвованные населением. Подобно предыдущим попыткам и это начинание осталось нереализованным¹.

Такие совещания устраивались и в Петербурге группой казахских членов Государственной думы и казахской интеллигенции в 1905—1907 гг. В них принимали участие и студенты-казахи, обучавшиеся в столице и Москве. В 1907 г. депутат Государственной думы Ш. Кошегулов договорился с татарским издательством в Петербурге о выпуске казахского журнала «Серке». Однако первый же его номер показался цензуре неблагонадежным и его издание было запрещено. В том же году в г. Троицке вышел первый номер «Киргизской газеты» (на казахском и русском языке), инициаторами которой были Ж. Андреев, Е. Исмаилов, Х. Сосновский, Есмухамедов и Иманбаев. Имеются некоторые сведения, что в числе инициаторов ее издания был и Мухамеджан Сералин. Эту газету постигла та же участь: первый ее номер был и последним.

---

¹ См.: Зманов С. З. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 44—45.

Группа казахской молодежи пыталась наладить издание газеты «Дала» (Степь) в г. Томске, но и она вскоре была закрыта. Студенты-казахи медресе, обучавшиеся в г. Уфе, выпустили несколько номеров рукописного журнала «Садак». Такие попытки стали повсеместным явлением в Казахстане.

Создание национального печатного органа превратилось в начале XX в. в национальную проблему. Решать ее настойчиво взялась младонациональная интеллигенция, пытавшаяся перенести буржуазно-демократические лозунги в условия отсталого, патриархально-феодального казахского общества. Это движение, нашедшее широкую поддержку в демократических кругах и в кругах оппозиционных правительству партий и деятелей России, набрало силу, со временем стало влиятельным движением в обществе.

Правительство, позиции которого серьезно пошатнулись в результате революционных выступлений русского рабочего класса и крестьянства в метрополии, вынуждено было пойти на «уступки» и дать официальное согласие на издание казахского печатного органа, но с усиленным цензорским надзором.

В конце 1910 г. правительство удовлетворило ходатайство М. Сералина и дало разрешение на издание журнала. В нем было сказано: «Киргизу Кустанайского уезда Чубарской волости № 5 М. Сералину выдано разрешение на издание в г. Троицке под его ответственность ежемесячного журнала «Эй-Кафь» по следующей программе: передовые статьи, заграничные вести, вопросы мусульманской жизни, хроника, фельетоны и стихотворения, библиография и научные статьи, смесь и письма в редакцию².

10 января 1911 года в г. Троицке вышел первый в истории казахский национальный журнал «Айкап», 16 марта того же года увидел свет первый номер газеты «Казахстан», печатавшийся на казахском и русском языках. Со 2 февраля 1913 года в г. Оренбурге начала выходить газета «Казах». Накануне февральской революции в г. Ташкенте стала издаваться газета «Алаш». Все эти издания имели различные идейные направления, в зависимости от позиции и взглядов их издателей.

---

² Ленинградский исторический архив. Ф. 776. Оп. 21—П. Д. 1. Л. 386.

В этих изданиях в полной мере отразились все противоречия времени и общества, жизнь которого они отражали, революционный подъем событий 1905—1907 гг. сменился наступлением реакции, которая в свою очередь подготавливала условия для нового этапа социальных потрясений. Царский манифест о новой демократии, борьба вокруг Государственной думы подвели к началу первой мировой войны лозунги: «Война до победного конца!», «Храни царя и Отечество!» переменялись с лозунгами «Долой царя!», «Хлеб и свободу народам!». Назревала революционная ситуация, направленная против священных устоев многовекового царского режима и социальной несправедливости, угнетения человека человеком. Вместе с тем на этих изданиях отразилось и то особенное, что было характерно для самого казахского общества. Колониальное положение края, политика жестокого подавления инакомыслия в крае в полной мере отражались на печатных органах. К тому же следует иметь в виду, что эти казахские периодические издания были основаны не политическими партиями, которых еще не было в казахском обществе, и не профессиональными организациями, малочисленной младонациональной интеллигенцией, формировавшейся в большинстве своем на стыке двух культур — русской и казахской.

Журнал «Айкап» был основан казахским учителем Мухамеджаном Сералиным, который был не только его организатором и издателем, но и его ведущим составителем — автором и идейным руководителем, редактором. Его историческая заслуга состоит в том, что он был первым, наладившим издание национального журнала демократического направления в Казахстане. Журнал «Айкап» стал окном в просвещенный мир.

Изданию журнала предшествовала значительная подготовительная работа: накопление средств, хлопоты о получении специального разрешения от официальных властей на это, подбор будущих авторов и переговоров с типографскими учреждениями и лицами, способными участвовать в издании журнала и поддерживать его материально.

История издания журнала «Айкап» в литературе почти не освещена, не изучен и путь, по которому шел М. Сералин к его созданию, а вместе с тем этот этап его деятельности важен не только в познавательном, но

и в научном плане, ибо мотивы и цели создания журнала не могли не отразиться на его содержании. Отсутствие данных и материалов явилось в прошлом основным препятствием в воссоздании истории журнала. Этот пробел в изучении деятельности и взглядов М. Сералина в периоды подготовки и издания журнала в определенной степени может быть теперь восполнен. В нашем распоряжении сегодня имеется ряд записей С. С. Ужгина, посвященных общественно-политической биографии М. Сералина, охватывающей 1905—1917 гг., написанные в разные годы и с разной целью, но дополняющие друг друга. В них есть упоминание о том, что первоначально речь шла об издании русско-казахской газеты демократического направления. Причем М. Сералин взялся редактировать казахскую часть, а журналист Ильинский — русскую часть газеты. Ильинский, по поручению своих коллег, повел успешные переговоры с казахскими баями С. Иманшаловым, К. Алдияровым и Қлышбаевым, проявившими определенный интерес к решению национальных проблем, относительно материальной поддержки новой газеты. Узнав об этом, М. Сералин запротестовал и заявил, что он не будет работать в газете, финансируемой этими баями, а, следовательно, выполнять их заказы. Выход М. Сералина из редакции будущей газеты предопределил неудачу плана ее издания.

Отказ М. Сералина сотрудничать с указанными представителями казахской крупной знати имел основания. В принципе он считал, что пожертвования со стороны казахской знати на издание национального печатного органа необходимы, такой возможностью обладали только они. Но пользоваться такой поддержкой со стороны указанных баев М. Сералин не мог. Против бая С. Иманшалова М. Сералин писал памфлеты и стихи об его бессердечии и произволе по отношению к беднякам, высмеивал его притязания на образованность. Эти материалы в рукописях распространялись по аулам. Позже получил огласку случай утаивания С. Иманшаловым средств, собранных им с населения для издания национальной газеты.

Одиозной фигурой был и Кара Алдияров. По воспоминаниям Толепбергена Сейткалиева, как только было получено известие в г. Троицке о февральской революции 1917 г. и о низложении царя, в доме Жанши Сейдалина состоялось большое собрание местных казахских

и в научном плане, ибо мотивы и цели создания журнала не могли не отразиться на его содержании. Отсутствие данных и материалов явилось в прошлом основным препятствием в воссоздании истории журнала. Этот пробел в изучении деятельности и взглядов М. Сералина в периоды подготовки и издания журнала в определенной степени может быть теперь восполнен. В нашем распоряжении сегодня имеется ряд записей С. С. Ужгина, посвященных общественно-политической биографии М. Сералина, охватывающей 1905—1917 гг., написанные в разные годы и с разной целью, но дополняющие друг друга. В них есть упоминание о том, что первоначально речь шла об издании русско-казахской газеты демократического направления. Причем М. Сералин взялся редактировать казахскую часть, а журналист Ильинский — русскую часть газеты. Ильинский, по поручению своих коллег, повел успешные переговоры с казахскими баями С. Иманшаловым, К. Алдияровым и Қлышбаевым, проявившими определенный интерес к решению национальных проблем, относительно материальной поддержки новой газеты. Узнав об этом, М. Сералин запротестовал и заявил, что он не будет работать в газете, финансируемой этими баями, а, следовательно, выполнять их заказы. Выход М. Сералина из редакции будущей газеты предопределил неудачу плана ее издания.

Отказ М. Сералина сотрудничать с указанными представителями казахской крупной знати имел основания. В принципе он считал, что пожертвования со стороны казахской знати на издание национального печатного органа необходимы, такой возможностью обладали только они. Но пользоваться такой поддержкой со стороны указанных баев М. Сералин не мог. Против бая С. Иманшалова М. Сералин писал памфлеты и стихи об его бессердечии и произволе по отношению к беднякам, высмеивал его притязания на образованность. Эти материалы в рукописях распространялись по аулам. Позже получил огласку случай утаивания С. Иманшаловым средств, собранных им с населения для издания национальной газеты.

Одиозной фигурой был и Кара Алдияров. По воспоминаниям Толепбергена Сейткалиева, как только было получено известие в г. Троицке о февральской революции 1917 г. и о низложении царя, в доме Жанши Сейдалина состоялось большое собрание местных казахских

интеллигентов с участием М. Сералина. В нем участвовал и известный казахский революционер Омар Досщанов, только что освобожденный из тюрьмы. Увидев К. Алдиярова среди присутствовавших, он набросился на него. Алдияров был одним из доносчиков на О. Досщанова при царе. М. Сералин, присутствовавший при этом инциденте, постарался не допустить дальнейшего осложнения ситуации. Неблаговидные дела Алдиярову были хорошо известны.

Сам факт, что М. Сералин с самого начала издания газеты или журнала не хотел связывать с крупными баями, преследующими узкокорыстные классовые цели в национальном движении, говорит о его демократических взглядах, сориентированных на интересы народных масс, а не верхушек казахского патриархально-феодалного общества.

Воспоминания С. Ужгина об истории подготовки издания журнала «Айкап» имеют достаточно достоверную основу. Но, как всякие мемуарные материалы, воспоминания С. Ужгина не свободны от субъективных привнесений. Однако в воспоминаниях всегда ценны факты и детали исторических событий, наиболее емкими источниками которых они являются. По рассказам С. Ужгина, «мысль об издании печатного органа с демократической направленностью возникла в г. Троицке бывшей Оренбургской губернии, среди татарской буржуазно-демократической интеллигенции, во главе которой стоял Ганиев, приказчик либерального купца Яушева... Татарская буржуазно-демократическая интеллигенция нуждалась в рупоре, через который она могла бы влиять на трудовые массы, и, прежде всего, на казахские массы, находившиеся под влиянием ислама и предрассудков отсталого кочевого быта. Таким рупором по мысли Ганиева, могла служить газета с демократическим направлением»³. В конце 1904 г. создалась благоприятная ситуация для реализации этого плана. Поражение России в русско-японской войне еще больше усилило недовольство народных масс, в том числе и в окраинах империи. Ганиев в это время вел переговоры с казахским учителем Мухамеджаном Сералиным

---

³ Ужгин С. Страницки былого. «Айкап» — первый демократический журнал на казахском языке. Воспоминания. Рукопись. Кустанай. Обл. истор.-краев. музей.

редактировании газеты. Предполагалось издавать газету на двух языках — русском и казахском. М. Сералин должен был редактировать казахскую часть. Было также установлено, по словам С. Ужгина, что газета будет освещать жизнь и нужды «рядовой казахской массы и русских переселенцев». Хотя договоренность в принципе была достигнута, однако финансовые, производственные и другие вопросы, связанные с изданием газеты и определением ее направления, задержали ее выпуск.

В 1906 г. М. Сералин вел переговоры с П. А. Зиссером, редактором газеты «Зауралье», начавшей выходить с мая в г. Троицке. Она издавалась на средства либеральной местной русской интеллигенции и считалась «крайне левого направления». П. А. Зиссер, связанный с местной социал-демократической организацией и знавший М. Сералина раньше, изъявил готовность освещать на страницах редактируемой газеты положение и интересы трудовых масс казахов и опубликовать обращение М. Сералина к патристически и демократически настроенной части казахского населения о материальной поддержке начинания, связанного с изданием национальной газеты. П. А. Зиссер не только поддержал идею М. Сералина об издании газеты, но и выступил ходатаем перед владельцем типографии, где печаталось «Зауралье», о приобретении арабского шрифта для целей нового издания. Но уже после достижения договоренности оренбургский губернатор распорядился закрыть газету «Зауралье» «за вредное направление» и наложил запрет на приобретение типографией арабского шрифта. Почти в то же время был арестован и осужден на каторгу Юдин, редактор социал-демократической газеты «Степь», издававшейся в г. Оренбурге, с которой также вел переписку М. Сералин по поводу своего плана об издании газеты.

«Отбывая второй год ссылки в Тюмени, бывшей Тобольской губернии,— пишет С. Ужгин,— летом 1909 г. я получил от редактора газеты «Троицкий вестник» предложение написать несколько статей по национальному и земельному вопросам в Казахстане, причем редактор закончил письмо припиской: „Мы снова затеваем издание печатного органа на киргизском языке — на этот раз популярного ежемесячника“». По словам С. Ужгина, тогда он не понял, кого имел редактор ввиду

под словом «мы». Несколько позже он узнал, что инициаторами этого дела были М. Сералин и Ганиев. Об этом М. Сералин сам написал в письме С. Ужгину, присланном ему через общего знакомого Селянкина «В письме М. Сералин делится своими мечтами об издании ежемесячного журнала и обстоятельно описывает разброд среди казахской интеллигенции, зажатой тисками столыпинского режима».

Действия М. Сералина не остались незамеченными местной властью, охранявшей интересы царского режима в Казахстане, тем более, что его памфлеты и басни частью в переложении на русский язык С. Ужгина имели «неудобное правительству содержание», вызвали подозрения у властей относительно «благонадежности» М. Сералина, Кустанайская администрация указывает С. Ужгин, с одинаковым усердием охотился за русскими и казахскими литераторами, в числе которых видной фигурой был и Сералин. Однако прямых доказательств для его обвинения власти не имели.

Особый интерес представляет рассказ М. Л. Страженко, записанный нами в Москве в 1978 г. Он длительное время работал репортером газеты социал-демократической организации «Степь» и лично знал многих революционеров-подпольщиков кустанайщины, оказавших помощь и поддержку М. Сералину во многих его начинаниях и делах. М. Сералину к 1911 г. удалось собрать вокруг себя несколько казахских интеллигентов с энтузиазмом воспринявших идею об издании казахского журнала. С их помощью, а также с помощью татарских друзей и собственными усилиями, им были собраны необходимые средства для начала издания. Солидный взнос внес либерально настроенный троичкинский купец Яушев, считавший себя в какой-то мере покровителем дел Сералина.

Сложными были организационная и техническая сторона издания журнала: поиск арабских шрифтов, наборщиков, бумаги, типографской базы. В решении многих из этих вопросов значительную помощь оказали М. Сералину старые друзья и товарищи — русские революционные социал-демократы Ф. Сыромолотова, С. С. Ужгин, Зиссер, Юдин. Они помогли ему заключить договор с владельцем типографии «Энергия» Хаимом Сосновским, в известной степени терпимо относившим к делам и идеям либеральной русской и казахской

интеллигенции. В результате многотрудных хлопот 10 января 1911 г. в г. Троицке вышел первый номер первого в истории Казахстана национального журнала «Айкап».

Сам М. Сералин об этом так писал в 1924 г.: «После 1905 г. появились некоторые проблески для изданий инородцев... Однако казахский народ из-за своей темноты не мог воспользоваться результатами революции 1905 г. Известные татарские деятели с участием двух-трех казахских джигитов начали издавать в Петрограде журнал «Серке» на полуказахском и полутатарском языках. Этот журнал, увидевший свет во время царствования кровавого Николая, скоро был похоронен... В темные времена, в 1911 г. в г. Троицке начал выходить казахский журнал «Айкап». Через некоторый период он издавался два раза в месяц»⁴.

В первом номере журнала М. Сералин рассматривал причины неудач прежних лет по налаживанию издания национального печатного органа. Одной из основных причин он считал несогласованность и отсутствие единого взгляда среди организаторов, а также нежелание людей, владеющих огромными средствами, выделить часть из них на издание национального журнала или газеты. «Мы постоянно упрекали друг друга в лени и глупости и от досады часто разводили руками. Увы-увы, к сожалению, ошибки нам не шли впрок», — сетовал М. Сералин. Это дало и название журналу («Ай-кап» дословно — как жаль, возглас досады, сожаления, «Увы-увы»). Но тут же М. Сералин выражал надежду, что совместные усилия энтузиастов не дадут погибнуть этому слабому ростку и порукой тому является рост числа людей, думающих о судьбе родного народа.

Выход журнала сразу привлек внимание широкой общественности. В газете «Оренбургский край» по этому поводу вышла статья «Мусульманская печать», в которой в благожелательном тоне характеризовалось это издание. «...Киргизский двухнедельный общественно-политический журнал «Айкап», — писала газета, — представляет в высшей степени самобытное и по характеру и по типу издание. Редактором названного журнала является коренной степняк — киргиз М. Сералин... Пять дней в неделю он проводит у себя за работой в ауле, а

---

⁴ Аул. 1924. 10 мая.

на шестой приезжает в город для редакционной работы. Зная его за человека мелкого достатка, просто удивляешься, как это можно осуществить солидный (до 4/5 листов) двухнедельник, имеющий небольшой тираж в 900—1200 экземпляров. Но это секрет только для тех, кто не постиг тайны того духовного родства, которое установилось среди киргизской интеллигенции, журналом и киргизской массы... Назвать этот журнал предприятием, основанным на коммерческих началах, было бы тяжчайшей ошибкой. Это удивительно выдержанный тип туземно-народного издания, являющегося лучшим показателем успехов культурной работы прогрессивной киргизской мысли»⁵.

Журнал «Айкап» находился и издавался под строгим надзором правительственных органов, еще больше усилившимся с начала первой мировой войны. Цензоры требовали от всех органов печати, особенно на окраинах империи, великодержавного «патриотизма» и пропаганды царской политики во внутренних и внешних делах. Был введен предварительный цензорский контроль на издания, по которому цензор просматривал все подготовленные к публикации материалы и сигнальные гранки газет и журналов и давал разрешение на их размножение. При этом цензоры особенно бесцеремонно обращались с «инородческими» изданиями, в том числе с «Айкапом». Особым усердием отличался цензор жандармский полковник Кучин, надзиравший над «Айкапом». Как свидетельствует С. Ужгин, он вычеркивал и снимал даже статьи, рассказывающие о несправедливых действиях землемеров в казахской степи при отводе ими земель в переселенческий фонд.

Со второй половины 1915 г. журнал «Айкап» прекратил свое существование. Причину закрытия журнала Х. Бекхожин связывает с публикацией на ее страницах статьи большевика Ф. Ф. Сыромолотова, осуждающей первую мировую войну. Это вызвало гнев властей и журнал был закрыт, а сам М. Сералин чуть было не угодил в ссылку в Сибирь⁶.

В одной из статей, опубликованных в советский период, сам М. Сералин писал, что «с августа 1915 г.

---

⁵ Оренбургский край. 1912. № 155.

⁶ Бекхожин Х. Очерки истории печати Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 50.

журнал перестал выходить из-за недостатка средств»⁷. По-видимому, оба эти фактора сыграли роль в прекращении издания журнала.

Идейная направленность журнала «Айкап»

Одним из принципиальных вопросов, не освещенных до сих пор в литературе, а следовательно, не рассмотренных в ней, является вопрос о том, можно ли сводить взгляды и идейные позиции М. Сералина к журналу «Айкап», говоря иначе, насколько правомерно судить о них по деятельности М. Сералина в журнале «Айкап». До сих пор такая постановка проблемы считалась неправомерной, а общая идейная направленность журнала принималась как выражение позиции самого М. Сералина. Для характеристики М. Сералина этого периода почти единственным основанием служили его статьи, опубликованные в журнале. Такой подход нам представляется ущербным, не отражающим действительного положения вещей.

Появление и деятельность журнала «Айкап» определяли два фактора: социально-исторический и цензурный. Как уже отмечалось, рожден он был всем ходом внутреннего и внешнего развития казахского общества. Исходя из этого нельзя «Айкап» отрывать от казахского общества того периода, тем более нельзя рассматривать его обособленно, вне связи с его насущными проблемами. Вместе с тем следует помнить, что, хотя журнал и был легальным изданием, но не был официальным органом. Как издание «инородческое» он находился под жестким цензурским контролем.

М. Сералин и другие участники издания журнала «Айкап» вынуждены были считаться с требованиями жесткого административного контроля. Поэтому не всегда они могли открыто высказывать свои мысли и нередко прибегали к нелегальным формам распространения своих идей и взглядов.

По уровню идейной и политической зрелости М. Сералин стоял ближе к революционно-демократической русской и татарской, чем к местной казахской интелли-

---

⁷ Аул. 1924. 10 мая.

генции. В этом, можно сказать, он опережал развитие казахского общества и тех, кто ограничивал себя узкими местными интересами.

Свою реакцию на революцию 1905—1907 гг. в России в одном из стихотворений тех лет, которые в рукописном виде он разослал своим знакомым, жившим в казахских волостях и аулах Кустанайского уезда, выразил следующим образом:

Русский брат богатырской рукой
Знамя красное взвил над Землей.
На царя, на злодеев-владык
У рабочих отточенный штык⁸.

Ни один казахский деятель того периода не выражал свои мысли так ярко, революционно, как М. Сералин этих строках.

М. Сералин видел не только возможность, но и необходимость совместной борьбы казахского трудового народа с русским народом против царского режима. Однако призывы на такую борьбу в тот период были преждевременны. Он не мог не видеть отсталости казахского общества, опутанного патриархальными и феодальными отношениями. На том уровне его развития идеи социальных преобразований еще не могли найти сколько-нибудь широкого отклика и понимания, гораздо ближе народу были национальные проблемы. И не сознавать злободневных местных и специфических вопросов, более того, не учитывать социальных и идейных позиций тех, кто претендовал на роль защитника народных интересов, М. Сералин не мог.

В материалах С. Ужгина о журнале «Айкап» и самом М. Сералине имеются сведения и факты, проливающие свет на его идейную ориентацию. Известно, что М. Сералин, издавая журнал, работал рядом и вместе с русскими революционерами, занятыми в редакции троницкой газеты «Степь», органа местной социал-демократической организации. Общая типографская база и редакторское помещение позволяли постоянно общаться и обмениваться мнениями относительно направления и содержания печатных материалов. По свидетельству С. Ужгина между М. Сералиным, с одной стороны, и некоторыми

---

⁸ Приводится по кн.: *Куприн Г. А.* Кустанай. Историко-информационный путеводитель. Алма-Ата, 1979. С. 14.

русскими революционерами — с другой, нередко возникали разногласия. С позицией журнала «Айкап» в освещении некоторых важных вопросов не соглашалась часть его друзей. Ф. Сыромолотов, например, упрекал Сералина в забвении нужд и интересов национальных рабочих. У М. Сералина были на то свои, достаточно убедительные аргументы: «Казахов-рабочих немного, а кибитковладельцев — сотни тысяч. Отхожие заработки казахской бедноты не занимают в хозяйстве казахов главной отрасли. Главной фигурой за переустройство всей жизни казахов является трудовик-середняк, на него журнал и должен делать ставку». Оппоненты же считали, что непонимание Сералиным роли киргизского (казахского) пролетариата, пусть немногочисленного, приведет к заблуждениям. М. Сералин на это отвечал, что «главной социальной фигурой в степи являются крестьяне-скотоводы и первостепенная задача — овладение их мыслями. Практически это вовлечение его именно в круговорот событий, связанных с переходом на оседлость»⁹.

Вопрос об освещении проблем казахских рабочих в журнале приводил к углублению расхождения Сералина с некоторыми русскими литераторами и с С. Торайгыровым, принимавшими деятельное участие в становлении журнала. М. Сералин глубоко переживал это, но твердо оставался на своих позициях. Большевику Цвиллингу, работавшему в редакции газеты «Степь», он признавался: «Конечно, и Сыромолотов и Торайгыров правы, но я слаб в революционной теории, трудно мне объять своим умом тонкости политики. Я же не ставил перед собой задачу сделать журнал революционной трибуной, только нутром чувствую, что в теперешнее время надо пользоваться легальными средствами, не рискуя закрытием журнала»¹⁰.

При рассмотрении идейной направленности журнала «Айкап» и разногласий Сералина с русскими социал-демократами очень важно не впасть в односторонний подход. Было бы неверным видеть в этих разногласиях только ошибочность взглядов М. Сералина. В тех условиях, когда издавался журнал, он объективно не мог

---

⁹ Ужгин С. Странички былого. «Айкап» — первый демократический журнал на казахском языке. Л. 15—16.

¹⁰ Там же. С. 17.

быть революционным изданием, и требования Сыромотова и других шли не только от недопонимания состояния казахского общества того времени, но и от недопонимания тех целей, которые ставил перед журналом сам Сералин: объединение всего лучшего, прогрессивного, что было в казахском обществе, его просвещение и воспитание национального самосознания. Сам М. Сералин был и порождением и отражением казахского общества. Журнал «Айкап» хотя и находился под влиянием местных русских революционеров, однако, направлен он был на отражение не политических и революционных событий в России, связанных в первую очередь с выступлениями русского рабочего класса, а социально-экономических изменений в казахском обществе в условиях колониальной политики царизма. Нам представляется необходимым выделить три аспекта проблемы идейной направленности журнала «Айкап»: убеждение, идейные позиции самого М. Сералина в период издания журнала; обстановка, в которой работал Сералин; оценка журнала с точки зрения статей, публиковавшихся в нем.

Следует иметь в виду, что, хотя журнал «Айкап» и был легальным, работал он в условиях жесткой цензуры. Из него нередко изымались статьи по требованиям царской администрации или цензуры. По этим причинам М. Сералину приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы обойти эти препоны. По совету Цвиллинга, рекомендовавшего помещать в журнале статьи о первой мировой войне, М. Сералин написал статью «Кому выгодна война?». По воспоминаниям С. Ужгина, в ней довольно осторожно излагались взгляды эсера Матвеева по земельному вопросу в Сибири и Казахстане, статья которого была напечатана перед этим в газете «Степь». Матвеев предлагал поставить перед Государственной думой вопрос о введении помещичьего землевладения в восточных регионах, М. Сералин выразил свое несогласие с такой точкой зрения. Уже в гранках статья была представлена цензору — полковнику жандармерии Кучину. О реакции Кучина на нее мы читаем у Ужгина: «Он, топая ногами, заорал: „Как! И ты, киргизская образина, посмел осуждать патриотическое начинание. Да, знаешь ли ты, что русское благородное дворянство принесет в киргизскую дикуую степь

такую культуру, которая ни тебе, ни твоим предкам не снилась?»¹¹.

Это глубоко оскорбило М. Сералина, надломило его физически и морально. «К концу 1915 года, свидетельствуют современники, он выглядел совершенно больным человеком: одряхлел, был ой огонек в его темно-карих глазах угасал»¹².

Как видим, не только направленность на проблемы казахского общества, но и условия, в которых работал М. Сералин, обуславливали тематику и идейное содержание многих статей. Сам М. Сералин в 1924 г. в статье, посвященной истории создания журнала «Айкап», писал что журнал «не был органом трудящегося класса. Он, будучи народным, не придерживался определенной классовой, политической и экономической ориентации»¹³. Понять эту мысль автора можно, если конкретно, а не абстрактно, представлять казахское общество. Казахские шаруа — аульные крестьяне, которые составляли 80—95 % всего казахского населения, в своем идейно-политическом развитии оставались и в начале XX в. неорганизованной, раздробленной и в основном пассивной социальной силой, способной лишь на отдельные стихийные выступления¹⁴.

Над казахским шаруа довели интересы своей общины, своего рода, следовательно, его идейный горизонт в большей части ограничивался тесными рамками отношений внутри родовой группы, аула и двора. Этими же отношениями они были отгорожены от внешнего мира цивилизации и в своем большинстве пребывали в отсталости. Природа была им ближе и понятнее, чем люди и их отношения.

Одной из причин идейной «спячки» шаруа было отсутствие или крайняя слабость национальных сил, способных нести в их ряды в доступной и понятной форме передовые социальные идеи. Поэтому нам представляется неправомерным рассматривать журнал «Айкап» в отрыве от тех конкретно-исторических условий, в которых находилось казахское общество. Политические события в России в начале XX в. пробудили националь-

¹¹ Ужгин С. Странички былого... Л. 20.

¹² Там же.

¹³ Аул. 1924. 10 мая.

¹⁴ См. кн.: Зиманов С. З. В. И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. С. 30—32.

ные окраины. Это совпало с проникновением в определенные регионы казахского общества элементов буржуазных отношений. Область же кочевого и полукочевого скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства, где была занята основная масса казахской населения, оставалась практически вне этих процессов.

Буржуазно-демократические идеи для казахского общества с господством в нем патриархально-феодалных отношений играли в тех исторических условиях революционизирующую роль.

Говоря о политических событиях на Востоке, В. И. Ленин писал, что «в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждение целого ряда буржуазно-демократических национальных движений»¹⁵.

На этапе национальных движений общенациональные мотивы и лозунги выдвигаются на первый план и временно заслоняют все другие общественные мотивы и идеи, т. е. становятся преобладающими, доминирующими в системе социальных интересов. Это общее явление характерное на определенном этапе развития для всех народов, однако, не означает, что интересы и мотивы отдельных социальных слоев и классов стираются, исчезают.

Журнал «Айкап» связывал проблему преобразования казахского общества с просвещением и цивилизацией, с необходимостью преодоления старых, отживших негативных норм адата и шарията. Невежество и безграмотность, косность основной массы населения, особенности его трудовых низов, обособленность отдельных хозяйственных мирков, связанных с кочеванием, отсутствие культурных очагов в центре степных районов журнал считал основными причинами отсталости, неразвитости казахского общества и его народа.

«Айкап», на страницах которого печатались авторы различных взглядов и идейных установок, в целом был проводником идей младонациональной казахской демократической интеллигенции, ориентировавшейся на тесный союз русского и казахского народов, на демократическую Россию. Это отличало его от других органов национальной печати того периода.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 269.

Авторский круг журнала «Айкап»

За годы существования (1911—1915) журнал собрал вокруг себя наиболее здоровые силы молодой национальной интеллигенции. Этому способствовало то, что журнал не был органом определенной социальной организации и групп, что его основным идейным направлением оставались общедемократические идеалы национального самоутверждения, характерные для переходного этапа общественного развития от отсталого средневековья к идеям просвещения и культуры цивилизации. По мере укрепления позиций журнала и выхода его из «младенческого» возраста, когда он стал затрагивать круг социально-политических проблем, в рядах активистов журнала началось размежевание.

Было еще одно важное обстоятельство, влиявшее на состав лиц сотрудничавших с журналом: личные взгляды М. Сералина, связи с образованной частью местной молодежи и с русскими революционными социал-демократами.

В период подготовки к изданию журнала в его инициативную группу входили кроме самого М. Сералина местные учителя Спандияр Кубеев, Иралин, Бейсенов; После получения разрешения правительства на его издание и с началом выпуска первых номеров журнала, когда нужны были агитаторы, энтузиасты по организации подписки на журнал и его распространению, сбору пожертвований с населения для нужд издания, М. Сералин пользовался услугами некоторых молодых казахских студентов и учителей, которые в осенние и зимние месяцы учились в городских училищах и семинарах, а весной и летом выезжали в аулы в качестве учителей. Они проводили значительную работу по распространению и популяризации журнала среди народных масс, в особенности Кустанайского, Иргизского и Тургайского уездов. В их числе, по материалам Ташбаева, записавшего много сведений и фактов из уст самого М. Сералина и его ближайших соратников, были студенты С. Торайгыров, А. Галимов, М. Кашимов, З. Расулов. Некоторые из них стали сотрудниками журнала.

М. Сералин, разумеется, подбирал себе помощников и активистов по определенным критериям, хотя свобода их выбора была весьма ограничена из-за крайней мало-

численности образованной казахской молодежи с патриотическими устремлениями.

Одним из сотрудников журнала был Спандияр Кубеев, друг юности М. Сералина. Он был связан с местной русской социал-демократической организацией, по ее поручению переводил и распространял среди аульного населения политические листовки и прокламации. В повести «Калын мал» и статьях остро критиковал патриархально-феодалные обычаи и традиции, бытовавшие и распространенные среди казахского народа, унижавшие человеческое достоинство и узаконивавшие бесправие женщин. Он выступал за просвещение молодежи, за внедрение элементов культуры цивилизации в казахское общество, за обучение детей казахов в русско-казахских училищах, семинарах.

Ж. Бейсенов, образованный для своего времени учитель, отличался широтой взглядов. Он вложил немало усилий в подготовку казахских детей для поступления в русско-казахские училища, семинарии и гимназии. Лично был знаком с революционером С. Ужгиным и другими русскими социал-демократами, сочувствовал им, хотя и не участвовал в их деятельности. По словам С. Ужгина, Ж. Бейсенов и М. Сералин не раз встречались в 1905—1907 гг. на квартире учителя Ж. Бейсенова. Долгое время он был директором четырехклассной русско-казахской смешанной школы в поселке Маринском Кустанайского уезда. Умер, по некоторым сведениям, в 1912—1913 гг. во время операции в г. Троицке.

Но основное ядро журнала составляли М. Сералин, Б. Каратаев, Жанша Сейдалин и Жансултан Сейдалин. В тот период все они были уже зрелыми людьми и опытными общественными деятелями. Их имена были известны не только читающей части казахского населения, но через иноязычные газеты и журналы — известны среди татарской и туркестанской интеллигенции.

Каратаев Бахитжан Бисалиевич (1860—1934) окончил с малой золотой медалью юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1890). Более 15 лет (1890—1907 гг.) работал в судебных органах столицы, Кутаиси и Уральской области, депутат Государственной думы. Его речь на заседании Думы, посвященная земельной политике царизма в Казахстане привлекла внимание В. И. Ленина¹⁶. Слова Каратаева о том, что...

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 360.

«киргиз-кайсаки всегда сочувствовали всем оппозиционным фракциям», выражали его политическое убеждение. Он возлагал большие надежды на передовые силы русского народа, на их помощь казахскому народу в его развитии. «Надеюсь,— в заключении речи говорил он,— что русские трудящиеся массы и русская интеллигенция сумеют отозваться там, где этих несчастных киргиз-кайсаков обижают»¹⁷.

В 1907—1916 гг. Б. Каратаев занимался общественной и просветительской деятельностью, был одним из ведущих идеологов журнала «Айкап» и прогрессивной газеты «Казахстан». Он написал ряд статей о тяжелом положении казахского народа и произволе колониального аппарата в крае. Много внимания он уделял земельному вопросу в Казахстане и землеустройству кочевников в условиях массового изъятия плодородных угодий в «переселенческий фонд». Необходимость оседания кочевников и полукочевников, строительство «аульных деревень» становятся основными в его взглядах на местные аграрные отношения. Эта идея проводилась в его статьях, опубликованных в «Айкапе».

Накануне и после февральской революции 1917 г. Б. Каратаев установил связи с русскими большевиками, в мае 1917 г. вступил в члены РКП(б). После Октябрьской революции был активным участником советского строительства в Казахстане, избирался членом Уральского областного революционного комитета (1919 г.), военком и командир казахской кавалерийской бригады 25 стрелковой Чапаевской дивизии, член революционного комитета по управлению казахским краем (1919—1920 гг.), назначенный по мандату, подписанному В. И. Лениным, делегат первых двух съездов Советов Автономной Советской Республики (1920—1921 гг.). Он был видным общественным деятелем дореволюционного Казахстана и активным проводником идей Октябрьской революции в казахских аулах.

Сейдалин Жанша Алмухамедович (1877—1923 гг.), просветитель-демократ, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1904 г. В 1907—

---

¹⁷ Приводится по ст.: Зиманов С. З., Исмагулов М. Ш. Каратаев Б. Б. во II государственной думе // Известия АН КазССР. 1974. № 1. С. 29.

1917 г. тайно распространял «Капитал» К. Маркса и разъяснял характер и цели классовой борьбы¹⁸.

Являясь одним из руководителей журнала «Айкап», на его страницах Ж. Сейдалин выступил с рядом статей. В статье «Что нужно делать измученному народу» высказал смелую критику в адрес Степного положения 1869 г., введенного царским правительством в Казахстане. При наличии закрепленной в этом положении правительственной политики, указывает он, «ни строительство медресе и мектебов (начальных школ. — Авт.), ни наделение хозяйства землею в 15 десятин не могут излечить болезнь народа». По его мнению, сама система управления, установленная в крае, порочна. «Виною бедственного положения казахского народа, — говорил в статье, — во многом является ненормальная система управления и суда, отсутствие народного представительства в законодательных учреждениях, нужно для изменения этой системы сообразно требованиям времени и особенностям киргизского народа»¹⁹.

В связи с указом царя от 25 июня 1916 г. он совместно с Б. Б. Каратаевым направил «Памятную записку киргизах» в Государственную думу, Государственный Совету, Министерству внутренних дел и Военному министерству, за что был подвергнут преследованиям. В 1917—1920 гг. Жанша Сейдалин активно участвовал в пропаганде идей Октябрьской революции, вынашивал планы формирования казахской советской кавалерийской дивизии.

Сейдалин Жансултан Чувакович (1856—1919 гг.) окончил юридический факультет Казанского университета и многие годы работал в судебных органах. В «Айкапе» он выступал с критикой «барымты» и требовал ее отмены, писал о недостатках в организации суда в крае о необходимости ее изменения. По воспоминаниям сына Галиакбара Жансултановича Сейдалина, у них дома собирались сотрудники «Айкапа», а после февральской революции 1917 г. и получения известия о свержении монарха в их доме состоялось собрание казахской интеллигенции г. Троицка. Участники собрания выразили поддержку начавшейся революции. По воспоминаниям

¹⁸ Казахская советская энциклопедия. Алма-Ата, 1977. № С. 100.

¹⁹ Айкап. 1913. № 1.

С. Толепбергенова, на этом собрании присутствовал вышедший из тюрьмы революционер Омар Сибирский (Дошанов). М. Сералин пытался объединить местные патриотические силы и вовлечь их в активную общественно-политическую деятельность. Однако, в ходе совещания наметились расхождения взглядов и даже создались натянутые отношения. Усилиями М. Сералина и хозяина дома Ж. Сейдалина удалось временно устранить раскол среди местной интеллигенции, а также привлечь к работе в «Айкап» патриотически настроенную и деловую часть казахской образованной молодежи и интеллигенции. Актив журнала вырос до нескольких десятков человек, среди которых было немало одаренных, ставших в дальнейшем выдающимися деятелями культуры, литературы и общественно-политической жизни края и Советской республики (С. Сейфуллин, С. Донентаев, С. Торайгыров, а также известные деятели К. Тогусов, Г. Карашев и др.).

В число авторов журнала и его сторонников входили представители разночинной местной интеллигенции Г. Мусагалиев, С. Лапин, Ж. Тлеубергенов, М. Есенгильдин, Х. Мухамеджанов, А. Галимов, А. Жанталин, С. Габбасов, М. Жолдыбаев, М. Кашимов, Д. Кашкынбаев, Н. Манаев, М. Калтаев, К. Кеменгеров, Ш. Жигангеров, М. Копеев и др. Среди активистов журнала были и женщины-казашки: М. Сейдалина, С. Тлеубайкызы, К. Утегенова. В журнал «Айкап» они пришли разными путями и из разной среды, но их объединяли идеи просвещения казахского народа и приобщения его к плодам цивилизации путем распространения образования, социально-экономического возрождения.

Довольно много печатался на страницах журнала «Айкап» Габдулгазиз Мусагалиев (1880—1933 гг.). Он был образованным для того времени человеком. Окончил юридический факультет Каирского университета, в 1909—1910 гг. побывал в Индонезии, Индии, Пакистане и Японии. Владел восемью иностранными языками, в том числе арабским, персидским, турецким, был знатком истории и филологии восточных народов²⁰. Г. Мусагалиев сотрудничал в журнале «Шура» и в газетах

---

²⁰ Зиманов С. З., Даулетова С. О., Исмагулов М. Ш. Казахский отдел народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Алма-Ата, 1975. С. 182—183.

«Тарджиман», «Вакт», исповедовал общепросветительские идеи, печатал критические статьи. Некоторое время занимался педагогической деятельностью в Семиречье в медресе Мамания, основанном в 1899 г. богатым скотовладельцем Есенгулом Мамановым, приобретшим известность своими просветительскими взглядами и пожертвованиями.

В цикле статей под названием «История», опубликованных в журнале «Айкап» за 1913 г., Г. Мусагалиев отмечал плодотворное влияние России на казахскую степь в сфере экономики, образования и быта. Это, по его мнению, выразилось в том, что значительно уменьшились межродовые распри и конфликты, стала развиваться торговля, распространялась русская грамотность. Положительно относясь к этим переменам и приводя в качестве примера деятельность Петра I как человека, сделавшего много полезного для процветания Отечества, Г. Мусагалиев выдвинул для обсуждения проблему долга каждого человека, особенно высокообразованного интеллигента, перед своим народом. Он осуждал ту часть казахской интеллигенции, получившей русское образование, которая отстранилась от народных интересов. В его статьях содержится и критика отдельных сторон колониальной политики царизма в Казахстане, и системы местного управления²¹.

С 1918 г. Г. Мусагалиев принимал деятельное участие в установлении и упрочении Советской власти в Букеевской губернии, избирался делегатом I, II, III и IV областных съездов Советов, работал в Казахском революционном комитете²². В 1923 г. в составе делегации посетил Москву, где встречался с Енукидзе и Луначарским, другими деятелями Советского государства. Один из членов этой делегации, Х. Шигаев, впоследствии вспоминал: «Своими интересными рассказами Мусагалиев вскоре завоевал наши симпатии. Мы были рады ближе познакомиться с этим удивительным человеком»²³. В дальнейшем он занимался литературной деятельностью.

Лапин С. (1868—1919 гг.) окончил юридический

²¹ Айкап. 1913. № 8. С. 165—170.

²² Зиманов С., Даулетова С., Исмагулов М. Казахский отдел. Алма-Ата, 1975. С. 183—184.

²³ Кудаш С. По следам юности. М., 1974. С. 436.

факультет Петербургского университета в 1891 г. Был высокопрофессиональным юристом. Много раз защищал интересы обиженных и потерпевших в судебных и административных органах, помогал представителям местного населения в оформлении документов и жалоб.

Галимов Акрам (1892—1913 гг.), поэт и драматург, выходец из семьи учителя. Первоначальное образование получил в медресе Троицка и Кустаная, изучал русский язык и литературу у репетитора. С ранних лет обучал грамоте казахских ребят и тогда же начал писать стихи на казахском и татарском языках. В 1912 г., когда поэту было восемнадцать лет, в Казани вышел его поэтический сборник «Плоды юности», написанный на казахском языке. А. Галимов пробовал силы и в драматургии. Наблюдая жизнь кустанайских мулл, написал одноактную комедию «Проблема сала», которая была поставлена на сцене. Спектакль взбудоражил жителей всего города. В 1913 г. издательство «Хазмэт» выпустило пьесу отдельной книгой, и она долгие годы не сходила со сцены.

Акрам Галимов активно сотрудничал в журнале «Акмулла», издаваемом в г. Троицке. В последние годы жизни работал секретарем журнала «Айкап». Свои статьи он обычно подписывал псевдонимом Чала татар. Умер очень молодым, в возрасте двадцати одного года.

Габбасов Сабиржан Гарабшанович (1889—1918 гг.), родился в Сергиополе (ныне Аягуз). До 1905 г. учился здесь же, а с 1905 по 1912 гг.— в Казани. Во второй половине XIX — начале XX в. Казань была одним из крупных культурных центров Поволжья. Именно здесь под благотворным влиянием казанских большевиков формировалось мировоззрение Сабиржана Габбасова. В 1912 г. он возвратился в Сергиополь. В годы первой мировой войны С. Габбасов вел революционную агитацию среди солдат, а затем скрывался в Казахстане. В 1915 г. он побывал в Пишпекке и Аулие-Ате, а затем уехал на Кавказ. В 1916 г. возвратился в Казахстан. Накануне февральской революции в 1917 г. С. Габбасов находился в Казани, а весной приехал в Семипалатинск. В дальнейшем в Сергиополе он развернул активную деятельность, однако, вскоре банды Колчака двинулись в Сергиополь и захватили его. 24 июля 1918 г. С. Г. Габбасов был расстрелян. Так оборвалась жизнь этого замечательного человека.

С. Г. Габбасов активно сотрудничал в журнале «Айкап», напечатал ряд статей, в которых предлагал для облегчения экономического положения кочевых, полукочевых хозяйств создавать артели (сериктик), а также организовать сбор денег для обучения детей бедняков. Им написан цикл статей об истории казахов, а также об истории основания г. Семипалатинска, Усть-Каменогорска. Он выступал за социальный прогресс и дружбу с русским народом, критиковал политику царизма в Казахстане, приветствовал благие начинания видных общественных деятелей, высоко ценил радикальные взгляды К. Тогусова.

Жолдыбаев Молдагали (1887—1937 гг.) — знаток творчества Абая, Ибрая и других видных казахских просветителей, считал их примером служения интересам народных масс. В дальнейшем М. Жолдыбаев стал видным педагогом и деятелем советского народного образования. Им переведен на казахский язык «Манифест Коммунистической партии»²⁴.

Копеев Машур-Юсуф (1857—1931 гг.) имел высшее духовное образование, глубоко знал произведения Фирдоуси, Низами, Хафиза, Саади, Навои. Сам писал стихи, собирал и печатал образцы казахского фольклора об истории народа, поддерживал связь с известным востоковедом В. В. Радловым. Лично был знаком с известными поэтами Бердалы Ходжа, Майлыходжа и Ахансеры²⁵.

Калтаев Мақыш (1869—1916 гг.) опубликовал девять книг, из них две переводные. По своим взглядам он был просветителем, мечтавшим о прогрессе своего народа, выступал за равноправие казахских женщин.

Кашимов Мухамед Салим (1884—1935 гг.) вырос в религиозной семье. Вместе с отцом посетил Мекку, после чего именовался Бадал Хаджем²⁶. Один из наиболее активных сотрудников журнала «Айкап». Он опубликовал около 10 книг. В книгах «Угит» (Агитация), «Насихат Казахстана» (наставления казахам), «Эдеб» (правило). М. С. Кашимов излагал свои педагогические взгляды, методику подготовки детей к школьному обучению.

²⁴ Казахская советская энциклопедия. Алма-Ата, 1974. Т. 5, с. 468.

²⁵ Жиреншин А. Из истории казахской книги. Алма-Ата, 1971. С. 134.

²⁶ Казахская советская энциклопедия. Т. 5. С. 326.

выступал против схоластических методов преподавания в мектебах, невежества ортодоксальных мусульманских мулл. Вслед за И. Алтынсариним и А. Кунанбаевым призывал воспитанников к изучению русского языка. «Мы живем с сыновьями русских в одном дворе,— писал он,— поэтому нам надо знать их язык и знания, иначе мы станем хуже их».

В журнале «Айкап» сотрудничали девушки-казашки Сакипжамал Тлеубайкызы, Куляим Отегенова и дочь Жансултана Сейдалина Мариям.

Таким образом, «Айкап» был в какой-то мере центром притяжения передовых сил казахского народа. Тот демократический уклон, который характерен для журнала «Айкап», способствовал воспитанию и утверждению у многих его активистов передовых убеждений.

Глава 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВГЛЯДЫ М. СЕРАЛИНА

М. Сералин в годы революционного движения 1905—1907 гг. в России

Российская революция 1905—1907 гг. потрясла устои царского самодержавия и показала, что русский рабочий класс является самостоятельной политической силой, выступающей за свое социальное освобождение, все других угнетенных слоев населения в многонациональной империи. Известия о кровавых событиях 9 января 1905 г. в Петербурге и выступлениях рабочих в Центральной России дошли и до казахских степей. На многих станциях Оренбургско-Ташкентской железной дороги происходили волнения рабочих. Забастовки охватили рабочих прииска Акмолинского уезда, угольщиков Экбастуза, соледобытчиков Баскунчака. В них принимали участие и казахские трудящиеся. Пристально наблюдая за событиями, В. И. Ленин писал: «За Петербургом последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет»¹.

Революция 1905—1907 гг. пробудила трудовые массы казахского народа и подняла их политическую активность, в первую очередь национальных рабочих в борьбе за свои национальные интересы. Под непосредственным влиянием революционных событий в России заметно оживилась идейная и общественно-политическая жизнь Казахстана. 1905 г., как отмечал В. И. Ленин, был началом конца «восточной неподвижности»².

27 ноября 1905 г. в г. Уральске начала выходить первая татарская газета «Фикер» (мысль), отражавшая взгляды местной демократической интеллигенции. В сле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 313.

² Там же. Т. 17. С. 178.

дующем году издается сатирический журнал «Уклар» (Стрелы) и литературно-общественный «Эль-Гаср-эль-Джадид» (Новый век), официальным редактором которых был К. Мутыги Тухватуллин, известный своими радикальными убеждениями. В работе этих органов непосредственно участвовал татарский поэт Габдулла Тукай. 4 января 1907 г. в Оренбурге вышел первый номер большевистской газеты «Урал»³, издателями которой были Т. Соловьев и профессиональный революционер Хусаин Ямашев.

Газета в доступной форме доводила до своих читателей идеи революции 1905 г. и основные требования большевиков в борьбе с самодержавием. Она решительно выступила против выдвинутой буржуазными националистами идеи по созданию для всех мусульман единой надклассовой партии. Газета по этому поводу писала: «Несмотря на общность религии, не все мусульмане могут вступать в одну и ту же партию, в так называемый «Союз мусульман», так как экономические интересы их далеко не одинаковы»⁴. «Урал» издавался недолго: после выхода 31 номера 27 апреля 1907 г. он был запрещен властями. Тем не менее газета сыграла определенную роль в политическом пробуждении татарских, башкирских трудящихся.

Одним из первых казахов, открыто выступивших после «кровавого воскресенья» с критикой царского произвола в центре и в Казахской степи, был служащий Омской почтово-телеграфной конторы Максут Бекметов. 14 августа 1905 г. во время обыска в его квартире была найдена книга «Социальная революция», а в следующем обыске 2 сентября 1905 г. — текст революционной песни⁵. Он участвовал в митинге в Каракаралинске, состоявшемся 15 ноября 1905 г. по случаю объявленного царского манифеста 17 ноября. Как явствует из сохранившихся документов, на городской площади после чтения молитвы за погибших во имя свободы казах Қолбай Туленгутов (Тогусов) вытащил два красных знамени и высоко поднял вверх. Затем, передав одно знамя рядовому

³ Искаков Б. Казахско-татарские литературные связи. Алма-Ата, 1976. С. 86.

⁴ Приводится по кн.: Хасанов Х. Х. Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965. С. 297.

⁵ Омский обл. гос. архив. Ф. 270. Оп. 1. Д. 365. С. 128. С. 133.

солдату Кашкину, возглавил шествие по городу⁶. Усиленные наряды полиции разогнали демонстрантов. Полиция схватила М. Бекметова. Он был сослан в Казань, а затем в Оренбург. Многолетняя ссылка подорвала здоровье М. Бекметова, и в 1912 г., не дожив до 30 лет, он умер от заболевания легких. В некрологе, опубликованном в журнале «Айкап», сообщалось: «9 февраля в Оренбурге скончался один из представителей нашей подающей надежды казахской молодежи Максут Бекметов... За участие в забастовке телеграфистов в 1906 г. он был изгнан на много лет из родных мест и в последние годы писал статьи в русских газетах»⁷.

Подобные примеры можно было бы продолжать. Они свидетельствуют о том, что под влиянием революционных выступлений русского пролетариата и идей борьбы против самодержавия постепенно втягивались в орбиту политической борьбы слои трудящихся масс и в национальных окраинах, в том числе в Казахстане.

Накануне и в период революции 1905—1907 гг. в России обучалось несколько десятков представителей казахской молодежи. Они живо интересовались литературной и политической жизнью России. Известен, например, факт, что 5 декабря 1904 г. группа студентов-казахов, обучавшаяся в Петербурге, обратилась с письмом к Л. Н. Толстому: «Мы общими силами перевели на казахский язык Ваше сочинение и желали бы напечатать и распространить его в казахских степях. Казахи его поймут. Благодарные читатели, студенты-казахи»⁸.

Среди студентов было немало революционно настроенных. Они горячо и сочувственно обсуждали в своей среде выступления русских рабочих в центральной России. Один из них — Идрис Беркалиев, обучавшийся в Кронштадте, примкнул к забастовщикам. Над некоторыми студентами-казахами, учившимися в Петербурге, Москве, Киеве и Казани, жандармы установили полицейский надзор. За участие в революционном движении 1905 г. был исключен из учебного заведения в г. Москве А. Джангильдин. Подвергался репрессиям участник

---

⁶ Там же.

⁷ Айкап. 1912. № 2.

⁸ Толстой Л. Н. в Казахстане. Алма-Ата, 1979. С. 4—5.

рабочего движения на заводе Алафузова в Татарии член ученической организации РСДРП, студент Казанской учительской семинарии Нугман Залиев. В 1906 г. был вынужден эмигрировать в Лондон Мамбетали Сердалин, который учился в Санкт-Петербургском университете с братом В. И. Ленина Александром Ульяновым. За участие в революционном движении 1905 г. был сослан в Нижний Тагил Галиахмет (Юрий) Арунгазиев, окончивший медицинский факультет Казанского университета.

К идеям социализма казахская интеллигенция шла сложным путем: от антиродовых, антифеодальных и антиколониальных установок. Главную задачу она видела в преодолении и социально-экономической застойности казахского общества, порожденной патриархально-феодальными порядками и политикой колониализма, и поэтому в своей практической деятельности руководствовалась, прежде всего, идеей сохранения самобытности материальных и духовных ценностей, т. е. не выходила за рамки буржуазно-просветительских идей.

В годы реакции, последовавшие после столыпинских реформ и революции 1905—1907 гг., часть казахской интеллигенции охватило упадническое настроение.

Преодолению этого идейного кризиса способствовал новый подъем революционного движения в России, захвативший и национальные окраины. В Казахстане также активизировалась деятельность революционных организаций, в том числе марксистских. Особенно взрывоопасной была обстановка в Тургайской области, в частности в Кустанайском уезде. Тому было несколько причин. Здесь были сосредоточены железнодорожные рабочие, отличавшиеся политической зрелостью и социальной активностью. Другой причиной было тяжелое положение переселенцев, оказавшихся без земли, а значит и без средств к существованию. Вместе с тем изъятие лучших земель у скотоводов в пользу переселенцев вызывало недовольство местного населения.

Губернатор Тургайской области признавал, что землемерам нередко «противятся киргизы». Серьезные волнения казахов произошли в 1909 г. в районе урочища Узенкуль. С целью дальнейшего их предотвращения туда была послана казачья сотня из Перми. И наконец, соседство уездных городов Кустаная и Троицка с такими важными экономическими и политико-административными

ми центрами, как Оренбург, Челябинск и Омск, в которых уже сложились революционные традиции, также способствовало активизации революционной деятельности в этом регионе.

Выходившая в г. Челябинске газета «Голос Приуралья» 18 апреля 1907 г. сообщила о выступлении рабочих г. Кустаная: «Тяжелый экономический и политический гнет заставил их организовать и идти по пути избранному российским пролетариатом»⁹.

По инициативе русских учителей в г. Кустанае начале 1905 г. был организован нелегальный революционный кружок. 1 мая 1905 г. его члены организовали митинг, в котором участвовали около двух тысяч человек. Этот день явился днем оформления нелегальной Кустанайской группы РСДРП, в которую вошли 15 членов и около 10 сочувствующих¹⁰. Одним из сочувствующих был учитель Мухамеджан Сералин. Относительно быстро росло влияние этой ячейки. Определенную роль в этом сыграл качественный состав ее организаторов-активистов. В руководящее ядро группы входили С. Ужгин, Д. Пустовалов, З. Толстых, несколько позже — И. Голованов и В. Рябков, большевик, присланный из Омска¹¹. Многие из них имели теоретическую подготовку и опыт борьбы, были знакомы с революционной и марксистской литературой.

Одним из наиболее образованных, инициативных, активных руководителей ячейки был С. С. Ужгин. Он разбирался в местных условиях, пользовался большим авторитетом среди казахского населения. Кустанайским уездным начальником в рапорте от 12 мая 1907 г. доносил военному губернатору Тургайской области: «Семен Ужгин есть один из главных деятелей местного кружка принадлежавшего к партии социал-демократов и в политическом отношении является лицом далеко неблагодарным. Подробные сведения о нем имеются в канцелярии Вашего превосходительства по секретной части».

Уроженец Тобольска агроном И. Ф. Голованов заведовал Кустанайским сельскохозяйственным складом земледельческих орудий переселенческого управления.

⁹ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг.; Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1955. С. 278.

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ Кустанай. Вчера, сегодня, завтра. Алма-Ата, 1979. С. 32—33.

¹² Революционное движение... С. 289.

депутат II Государственной думы от большевиков. Большевик В. А. Рябков был прислан Омской организацией РСДРП в 1906 г. Учитель М. А. Попов хорошо был знаком с социал-демократической и марксистской литературой. Другой член группы студент Л. К. Шульгин состоял членом Уфимской организации РСДРП, через него осуществлялась связь с центральными партийными организациями.

Кустанайская группа РСДРП имела большевистскую ориентацию и с самого начала обратила внимание на казахские аулы, где планировала вести целенаправленную агитационную работу среди казахского населения и пыталась привлечь на свою сторону активистов из числа молодых учителей-казахов. «Группа большевиков,— писал С. Ужгин,— возлагала большие надежды на работу их в казахских аулах. В итоге встреч и бесед с казахскими учителями удалось привлечь в качестве сочувствующих Сералина Мухамеджана, Кубеева Испандияра. В те годы это было большим достижением»¹³.

Росту авторитета кустанайской группы РСДРП среди казахского населения в немалой степени способствовало в первую очередь то, что большинство ее членов хорошо знали быт, жизнь и проблемы казахского общества. Кроме того, большое значение она придавала вовлечению в работу группы передовых представителей местной казахской интеллигенции и казахских рабочих, а также распространению сферы влияния и на аульное казахское население.

Члены Кустанайской группы РСДРП сочувственно отнеслись к нуждам и положению казахского населения. Так, в статье «Плоды обрусения», опубликованной в местной легальной печати, С. Ужгин писал: «Кочевник никогда не был под защитой... Хищническая колонизация степи шаг за шагом подрывает хозяйство кочевников, тяготы налогов увеличиваются. Кочевое и оседлое население области лишено представительства в Государственной думе, а следовательно, и права отстаивать свои интересы от вожделиний помещиков, в угоду которым продолжается хищническая колонизация киргизской степи. Общественная самодеятельность культурных сил

---

¹³ Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905—1907 гг. // Большевик Казахстана. 1946. № 1. С. 26.

населения учитывается как проявление крамолы и изгоняется из области в места не столь отдаленные»¹⁴. Такие статьи получали значительный резонанс не только среди городской казахской образованной молодежи и рабочих, но и в среде аульного населения в глубине степи. Не случайно, что кроме М. Сералина, сочувствующими революционной группе стали учителя С. Кубеев, И. Иралин и др.

Все больше втягивался в революционно-политическую деятельность и М. Сералин — вначале в качестве сочувствующего местным русским революционерам, многими из которых он знал с юношеских лет, затем зрелого пропагандиста идей борьбы с колониальным режимом в Казахстане. «Через Сералина и Кубеева, — писал С. Ужгин, — в казахские аулы впервые проникло смелое большевистское слово о необходимости взаимной солидарности русских и казахских трудящихся в схватке с общим врагом — царским самодержавием. Знакомство этих двух передовых учителей-казахов с основами программы партии поставило их в ряды пропагандистов большевизма и в среде казахских учителей, живущих в аулах. Нелегальная литература, в особенности листовки, переводились на казахский язык и в рукописном виде пересылались из аула в аул»¹⁵. В этом высказывании есть доля преувеличения, но сам факт участия М. Сералина в политической работе в аулах бесспорен.

В 1904—1906 гг. М. Сералин установил связь с журналистом Ильинским, высланным из центральной России в г. Троицк, а также с политическим ссыльным, бывшим народником-революционером П. А. Зиссером, редактировавшим с мая 1906 г. газету «Зауралье» в г. Троицке. М. Сералин вел также переписку с Юдиным, редактором социал-демократической газеты «Степь», выходившей в г. Оренбурге. Юдин поддерживал идею М. Сералина об издании казахской газеты или журнала, собирался оказать ему необходимую поддержку, но в 1905 г. был арестован и отправлен на каторгу.

Значительную помощь в подготовке и издании журнала «Айкап» оказывали также Ф. Сыромолотов, Цвиллинг и др.

¹⁴ Троицкий вестник. 1908. 7 августа.

¹⁵ Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905—1907 годах // Большевик Казахстана. 1946. № 1. С. 26.

Следует отметить связь С. М. Сералина с Х. Ш. Сосновским, владельцем типографии «Энергия», в которой печатался журнал «Айкап». В одной из своих журнальных статей М. Сералин благодарил Х. Ш. Сосновского за предоставление ему на льготных условиях типографии, бумаги, красок и других материальных средств для издания журнала. Секрет такого отношения к М. Сералину и его журналу несколько раскрывают новые материалы. Напасть на их след нам помогла встреча с М. Л. Страховенко, в свое время знавшим Сосновских. Сам Х. Ш. Сосновский лояльно и даже сочувственно относился к кустанайской организации РСДРП, а его брат Лев Семенович Сосновский с 1903 г. являлся членом большевистской партии. В свое время он через революционерку Марию Оскаровну Авейде и Клавдию Тимофеевну Новгородцеву-Свердлову познакомился с Я. М. Свердловым. В автобиографии Л. С. Сосновский так вспоминает свою встречу с Я. М. Свердловым: «Появился Я. М. Свердлов, который сразу меня очаровал как тип настоящего революционера. Стал я посещать собрания и массовки. Печатал на гектографе прокламации. Выполнял разные мелкие поручения. Так подошли события осени 1905 г. Организация располагала крупными силами. Свердлов, Чуцкаев, Сыромолотов и многие другие товарищи были опытными, твердыми большевиками, и мы могли у них учиться. В Октябрьские дни 1905 г. в городском театре под охраной боевой дружины большевиков состоялись многолюдные митинги, где с исключительным успехом выступал Свердлов»¹⁶, Л. С. Сосновский, связанный с подпольными революционерами Кустаная и через них знавший М. Сералина, надо полагать, убедил своего брата Хаима Шумлиха (Якова) Сосновского оказать помощь М. Сералину в издании журнала «Айкап».

Как уже отмечалось, среди передовой казахской интеллигенции М. Сералин был наиболее активным и политически зрелым. «Когда в 1905 г., — вспоминает С. Ужгин, — в России широко раскинулось революционное движение, М. Сералин не был уже в категории тех демократически настроенных казахских интеллигентов, которых события в России озадачили своим бурным

¹⁶ Энциклопедический словарь Русского библиографического института // «Гранат». № 7. Т. 41. С. 95.

размахом — он увидел в них неизбежный исторический этап в судьбах России и населяющих ее народов в движении вперед и более светлому будущему»¹⁷.

Известно, что социал-демократы Кустаная вели активную пропагандистскую деятельность. Сами нелегально печатали листовки и прокламации, размножали на гектографе листовки курганской, оренбургской, омской социал-демократической организаций. Группа имела нелегальный книжный магазин, через который распространялись произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, В. Плеханова. К осени 1906 г. кустанаянская группа РСДРП через курганских большевиков установила связь с Москвой, откуда регулярно получала политическую литературу. Некоторые из листовок и прокламации обрабатывались и переводились на казахский язык М. Сералиным, который «русской речью владел безукоризненно»¹⁸. Он возглавлял и их распространение в степи, подбирая для этого надежных людей, умевших передавать «новости» в традиционной казахской поэтической форме — айтысов.

В эти годы М. Сералин сочинял в стихах сказки, басни и памфлеты, в которых высмеивал пороки феодалов и чиновников.

С. Ужгин вспоминал: «Пользовался Сералин и казахским фольклором, в особенности сказками и песнями, острием своим направленным против баев, биев, их жадности и самодурства. В среде молодых домбристов появились импровизаторы, откликавшиеся злободневной песней на современность. Им Сералин помогал в составлении новых песен»¹⁹. Свои стихи М. Сералин, как правило, показывал С. Ужгину и нередко после совместной работы над ними в копиях передавали в аулы, а С. Ужгин переводил их на русский язык.

Пик революционной деятельности М. Сералина приходится на 1905—1907 гг., когда он был тесно связан с русскими революционерами и не только выполнял их поручения, но и сам включился в активную работу по пропаганде революционных идей среди казахского населения. Именно по отношению к этому периоду можно

¹⁷ Ужгин С. Странички былого. Воспоминания. С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ужгин С. Странички о былом в Казахстане (Записки бывшего подпольщика). С. 4—5.

говорить о том, что «большую политическую работу среди казахских трудящихся вели под руководством большевиков... М. Сералин, С. Мендешев, И. Иралин, А. Майкутов и многие другие»²⁰. К этому времени относится и знакомство М. Сералина с работами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. «Когда я прочитал книгу Ленина «Что делать?» и «Манифест Коммунистической партии», — делился своими впечатлениями М. Сералин, — мне показалось, что какой-то новый луч солнца озарил мой ум»²¹.

М. Сералин пытался собрать вокруг себя патристически настроенных представителей казахской интеллигенции и направить их в «народ». Сам он вел активную переписку, с целью выявить возможности издания национального журнала или газеты. Кроме того, она позволяла Сералину обмениваться мнениями о событиях в России, об отношении к ним казахской интеллигенции.

Летом 1906 г. в г. Кустанае проходило собрание казахских учителей, на котором обсуждались и эти вопросы. Часть собравшихся, во главе с Омаром Алмазовым, в оценке революционных событий в России придерживалась соглашательских позиций кадетской партии, другая группа, во главе с М. Сералиным, смыкалась с позицией местных социал-демократов, стоявших за свержение царского самодержавия.

Связи М. Сералина с местной революционной группой крепились. В 1906 г. местные большевики рекомендовали его кандидатуру в депутаты I Государственной думы²². Местная феодально-байская верхушка начала против него кампанию, настраивая враждебно казахское население. Они распространяли слухи, что М. Сералин преследует цель «поголовной христианизации казахов»²³. В свою очередь уездная администрация искала повод, чтобы дискредитировать идею и самого М. Сералина, посмеявшегося связаться с русскими «бунтарями». Им удалось снять кандидатуру М. Сералина на выборах депутатов в I Государственную думу. Большевики стали готовить его кандидатуру во II Государственную думу.

---

²⁰ Вопросы истории Коммунистической партии Казахстана. Вып. 6. Алма-Ата, 1969. С. 37.

²¹ Ужгин С. С. Странички былого. «Айкап». С. 6.

²² Революция 1905—1907 гг. в Казахстане: Сб. док. и мат. Алма-Ата, 1949. С. 67.

²³ Идрисов К. З. Мухамеджан Сералин. Алма-Ата, 1979. С. 9.

Он был «вероятный и вполне приемлемый для кустанайских большевиков из всей казахской демократической интеллигенции кандидат во II Государственную думу от Казахской избирательной курии», — вспоминал С. Ужгин. Этот план, однако, остался неосуществленным. Царским указом от 3 июня 1907 г. народы Средней Азии, в том числе и Казахстан, лишались представительства в Государственной думе.

Кампания травли, затеянная местными властями и феодально-байской верхушкой в период выборов в Государственную думу, бессознательное участие в ней одной части аульного населения и пассивность, безразличие другой тяжело переживались М. Сералиным. У него еще больше крепло убеждение о том, что патриархальность быта и дедовские обычаи, призывающие членов общества к аульно-кочевой общине, в которой господствовала степная знать, изолированность аульных коллективов от внешнего мира являются основными причинами низкого уровня идейной зрелости части трудового населения. Этот вывод приводит его к еще большему осознанию необходимости национального печатного органа, содействующего процессу пробуждения, на страницах которого можно было бы обсуждать наиболее злободневные темы.

Трудным периодом для М. Сералина был конец 1907 г., когда была раскрыта царской охранкой кустанайская группа РСДРП. 13 ее членов были отправлены на старое место жительства и в другие губернии с установлением надзора над ними, а С. С. Ужгин сослан на два года в Тобольскую губернию. К этому времени были сосланы или ушли в подполье и другие знакомые, работавшие в редакциях газет левого направления, издававшихся в г. Троицке и Кустанае. Тайное наблюдение властей устанавливается и над М. Сералиным.

Иметь печатный орган на национальном языке, рассчитанный на широкий круг местных читателей, было неотступной мечтой М. Сералина. Получив отказ областного военного губернатора на первое ходатайство, он пишет второе прошение. В этом ему помогает редактор газеты «Троицкий вестник» Селянкин, который сообщал в 1909 г. отбывавшему в г. Тюмени ссылку С. Ужгину: «Мы снова затееваем издание печатного органа на киргизском языке, на этот раз популярного ежемесячника»²⁴.

²⁴ Ужгин С. С. Странички былого. «Айкап». С. 4.

Под словом «мы» он имел в виду М. Сералина, себя и близкого товарища М. Сералина татарского демократа Ганиева. Сам М. Сералин, «опасаясь навлечь на себя подозрение в связи с политическими ссыльными», одно из своих писем направляет С. Ужгину не по почте, а через надежного человека. В нем он рассказывал о положении дел на месте, о своей мечте издавать казахский журнал, о разногласиях среди казахской интеллигенции, оказавшейся в тисках столыпинского режима.

Разгул реакции после поражения революции 1905—1907 г. сказался на душевном состоянии М. Сералина. Печаль, а порой и пессимизм овладевали им, когда он думал о бывших своих товарищах, отошедших от борьбы, но веру в светлое будущее он не потерял и в эти трудные годы. Эта вера отразилась и в политических стихах, написанных по разным поводам. Так, в стихотворении «Думы», которое он писал своему товарищу, находящемуся в ссылке, он писал:

...Каждодневно ищу я огни
В эти выюжно-печальные дни,
В грустном бое барханных ветров
Слышу я иногда мельком зов.

Мои думы витают вдали,

Мои думы — о судьбах земли.
Вспыхнет в мраке дали огонек,
Промелькнет, как весны мотылек,

И на сердце тогда, милый друг,
Просветлеет нечаянно, вдруг.
С горьким смехом себе я дивлюсь,
Над собой потешаюсь, смеюсь:
Отчего я зазяб, приуныл,
Крылья взлетов былых опустил —
Человек я? Презренный ль червяк?
Иль огонь в моем сердце иссяк?
Нет, довольно барханных невзгод!
Я властитель, творец всех погод.
Я ль себе не владыка, не царь?
Я ль не властный поэт, не кобзарь?
Я владыка земли и морей,
И мятежных ветров соловей...

День настанет — я верю, дружок,
Отыщу я в лесочке стяжок.
Из стяжка сотворю я пращу,
И царям, богачам отомщу.
И, поверь, от зари до зари,
На земле запоют соловьи,

Будет степь наша ярко цвести...
На чужбине, мой друг, не грусти!²⁵

Откликом на расстрел безоружных рабочих на Ленских золотых приисках было стихотворение «Письмо другу в аул соседний». В нем звучит не столько скорбь, сколько призыв к новой борьбе:

Собрат мой, в хижине аула
Приникни ухом к зовам гула!
Не твой ли брат иль сын голодный
Погиб от пуль в тайге холодной?
Скорбеть привыкли мы давно.
Но, правда ль, будто суждено
Нам роком злого неба
Глотать свинец — не масло с хлебом?
Уж ли всегда, из века век,
Земной рабочий человек,
В слезах, терзаниях, печали.
Не сыщут радостные дали?
О нет, собрат, о, нет!
Дарует солнца яркий свет,
Всему живому на земле...
Ты в даль с надеждою взгляни,—
Не там ли светятся огни?
Через мрак нам горная дорога
Вдаль от домашнего порога
Легла познаем наших мук,
Твореньем дела наших рук.
Ведет она на прииски, на рудники!...
В степи ночлег. Пугливо огоньки,
Костров вечерних и ночных,
Мелькают на тропах степных.
По племенам различен люд —
Одной дорогой все бредут:
Казах, татарин, русский и мордвин...
Но кто над ними властелин?
Кто гонит их далеко, на чужбину,
Под град свинцовый властелина?
За корку хлебную с водой,
Обычной бедняка едой.
Их голод властно уравнил
И воплям к жалости не внял.
Ты верил в бога неба?
За труд желаешь вволю хлеба?
Но град свинцовый в дальней Лене
Тебе порука — об отмене
Банкирами богов небесных,
Духов незримых, бестелесных:
Из века в век и царь и бог один—
Мешок со златом властелин!
Собрат мой, в хижине аула,

²⁵ Ужгин С. С. Странички о былом в Казахстане... С. 6—7.

Приникни ухом к зовам гула!
Не твой ли брат иль сын голодный,
Погиб от пуль в тайге холодной?
Скорбеть привыкли мы давно...
Но, правда ль, будто суждено
Нам роком злого неба
Глотать свинец — не масло с хлебом?
Ужли всегда, из века в век,
Земной рабочий человек,
В слезаах, терзаниях, печали,
Не сыщет радостные дали?
О, нет, собрат! О, нет!
Копи же брат, на битвы силы!...²⁶

Революционные события в России, особенно выступления русского рабочего класса против царизма в 1905-1907 гг., имели громадное значение для пробуждения и роста национального самосознания народов окраин России, выразившегося в активизации национально-освободительного движения. «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи,— писал В. И. Ленин,— и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»²⁷. Одним из таких товарищей русского рабочего класса был Мухамеджан Сералин, связавший с ним свою деятельность и судьбу.

М. Сералин о политике царизма в Казахстане

С обострением внутренних социальных противоречий, во многом связанных с усилением революционной борьбы рабочего класса, колониальная политика царского самодержавия на окраинных землях империи, в особенности в средне-азиатском регионе, становилась все более жесткой. Экономические методы колонизации и эксплуатации регионов сопровождалась широко применяемыми политическими и насильственно-карательными методами. «Царская монархия,— писал В. И. Ленин,— представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и в Азии. . . , поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями»²⁸. Демократическая Россия критически относи-

²⁶ Ужгин С. С. Странички былого. «Айкап». С. 26—27.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 179.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 59.

лась к военно-феодальному режиму. К этой демократической России, представленной в крае группой прогрессивной русской интеллигенции, относился и М. Сералин.

М. Сералин был убежденным сторонником укрепления казахско-русских связей, тесных контактов между казахским обществом и Россией. Он высоко ценил дружбу с передовыми представителями русской интеллигенции и трудящихся масс казахов, в совместной борьбе русского рабочего класса и людей труда России он видел основу освобождения национальных окраин от царизма и свободного их развития.

Присоединение Казахстана к России М. Сералин представлял как явление, обусловленное объективным ходом развития самого казахского общества и его связей с Россией. Первый номер журнала «Айкап» открывался статьей М. Сералина «Когда казахи стали подданными России?». Она была написана с использованием сведений и фактов, содержащихся в книге русского ученого Крафта «Принятие киргизами русского подданства». В статье, в частности, отмечалось, что «мысль о присоединении казахов к России первоначально зародилась у хана младшего жуза Абулхаира, который отправил посольство в Петербург с „волеизъявлением народа“. В статье приводятся имена 56 знатных представителей казахских жузов, подписавших «клятвенную бумагу» на верность русскому государству.

Критикуя колонизаторскую политику царского правительства в Казахстане, М. Сералин положительно оценивал прогрессивные нововведения в крае, иногда и переоценивал их. Это относилось, в частности, к открытию русско-казахских школ и училищ, к деятельности школьных инспекторов при областных правлениях, а также к выборной системе, введенной для отдельных звеньев в так называемой «туземной администрации» и др. Крупные недостатки, имевшиеся в этих сферах деятельности, по мнению М. Сералина, происходили из-за самих казахов, не научившихся пользоваться «этими правительственными благами» и не поднявшихся в своей зрелости до уровня образованной народности. «Мы не могли оценить достоинства выборных начал, установленных правительством,— писал он,— не смогли пользоваться правом участвовать на выборах и вместо этого затеяли борьбу группировок, взаимные раздоры и конфликты. Мы не извлекли пользу от школ, открытых для нас в соответ-

ствии со справедливыми распоряжениями русского правительства»²⁹.

В своих выступлениях в официальной печати М. Сералин иногда заканчивал свои статьи выражениями: «Стремимся же быть полезными гражданами нашего любимого отечества — Российской империи. Если мы преодолеем свое невежество и леность, перейдем от кочевья к возведению населенных пунктов, то «мы были бы достойны имени граждан великой России, являющейся нашим любимым отечеством». По отношению к императору применял иногда слово «Ак патша» — «Белый царь» и т. д. Некоторые исследователи, толкуя это выражение не в контексте всей мысли, а изолированно и прямолинейно, приклеивают М. Сералину ярлык «цариста», что искажает истинные его убеждения. Во-первых, оно употреблялось им в контексте о необходимости распространения образования среди казахской молодежи и упорядочения выборов местных органов власти, санкционированных правительством. Во-вторых, по мнению М. Сералина, полезными для общества гражданами могут быть только те, которые интересы народа ставят выше своих эгоистических интересов. Эту идею он проводил под вывеской быть «достойными гражданами любимого отечества «Белого царя», что и устраивало царскую охранку, неусыпно следившую за его деятельностью. В-третьих, в этих словах есть и оттенок уважения к России и Русскому государству. Однако они не дают повода для иного толкования, тем более нет никаких оснований считать М. Сералина процаристски настроенным.

В начале XX в. в общественно-политической жизни Казахстана наиболее остро стояли два вопроса: земельный и рост антицарских настроений. С решением земельного вопроса связывалась сама судьба казахского общества. Можно сказать, что вопрос быть или не быть казахскому народу сводился к его землеустройству. Земельный вопрос в силу сложившихся обстоятельств оказался в центре внимания всех слоев населения края и всех органов власти, начиная от аульных старшин, волостных управлений до центральных органов царского правительства. Передовая русская и национальная интеллигенция также считала земельный вопрос наиболее острым. «Первый и самый острый вопрос — вопрос о

²⁹ Айкап. 1911. № 1.

поземельном устройстве киргизов»³⁰, — писал М. Сералин. Развитие русского капитализма вглубь и вширь захватило и земельные отношения на восточных окраинах империи. У казахов-кочевников и полукочевников в массовом порядке отбирались удобные и плодородные земельные массивы, которые частью причислялись в переселенческий фонд, а частью в казенный фонд. Жители большинства аулов сгонялись с насиженных и освоенных территорий на пустынные и полупустынные земли. Те кочевые хозяйства, которые оставались на старых местах, наделялись сильно урезанным земельным участком, не обеспечивающим хозяйственный цикл в традиционной форме, что не могло не привести к недовольству населения.

М. Сералин в своих статьях разоблачал своекорыстие царских властей на местах, которые, выполняя установки правительства, пренебрегли интересами казахского населения. «Ежегодно с наступлением весны, — писал он, — в киргизскую степь являются топографы для образования государственного земельного фонда из излишков земель, занимаемых киргизами. . . При определении излишков характерно то обстоятельство, что заинтересованные в этом вопросе киргизы совершенно устранены от участия в этих работах». «Все лучшие участки у них отбираются, а им остаются самые плохие участки».

Правительство, по мнению М. Сералина, при этом преследовало далеко идущие цели — уничтожение народности и завладение ее территорией. «Согнав кочевых скотоводов с обжитых земель на малопригодные участки, — продолжал далее Сералин, — правительственные чиновники будут кричать, что киргизы неспособный народ к культурной жизни, а потому де они напрасно занимают место. Иными словами, на киргиз тогда будут смотреть как на этнографический только элемент, ожидающий очереди вымирания». Критиковал и русскую, и казахскую интеллигенцию, защищавшую колониальную политику царизма.

Газета, на страницах которой печаталась эта статья М. Сералина, выражала идеи местной революционной социал-демократической организации, которая сочувственно, с пониманием относилась к положению казахского народа. В заметке, которой газета сопровождала статью

³⁰ Сералин М. Письма из киргизской степи // Степь, 1915. 3 марта.

М. Сералина, выражалась готовность редакции «дать в ряде писем картину надежд и чаяний киргизского народа» и отмечалось, что письма М. Сералина и статья проникнуты «горячей любовью к своему народу»³¹.

Вместе с тем оценивать однозначно отношение М. Сералина к переселенческой политике царизма нельзя, так как сама эта политика была сложной и противоречивой. Знакомство со статьями, посвященными этим вопросам, показывают, что в целом его оценки были реалистичными и глубокими.

К массовому переселению крестьян в Казахстан, Сибирь и в другие районы М. Сералин подходил с позиций русских социал-демократов, считал его вынужденным. «Голод, пришедший к казахам в Год зайца, — писал он, — охватил и мужиков во внутренней России. Более того, они пережили голод не только в Год зайца, а и на протяжении многих лет». Голод усугублялся растущей нехваткой удобных земель на фоне постоянного роста сельского населения. «Из этого трудного положения, — отмечал М. Сералин, — можно было выйти двумя путями: первый путь — переселить часть населения туда, где были большие угодья; второй путь — изменить старый способ возделывания полей и перейти на новый культурный способ, как у немцев и французов. Вышние чиновники избрали первый путь и начали переселять мужиков в казахскую степь»³². Однако в этих оценках просматривается и ограниченность подхода М. Сералина: он видит лишь экономические причины, но не усматривает в этом явлении социальных и политических мотивов политики царского правительства, стремившегося использовать переселение для разрядки социальных противоречий в центральной России.

Не выступая против самого процесса переселения крестьян в Казахстан, М. Сералин протестовал, однако, против конкретных действий органов местной царской администрации, игнорирующей насущные и жизненные интересы казахского населения. Он считал, что переселение нужно производить в разумных пределах и с учетом интересов местного населения. Устройство переселенцев по хуторам, маленькими группами, справедливо считал он, приводило к чересполосицам во всю глубину казах-

³¹ Газ. Степь. 1915. 3 марта.

³² Айкап. 1911. № 10.

ской степи с рассечением казахских аулов и их кочевий на отдельные части, неудобные для хозяйственного освоения, противоречило интересам и русских крестьян, и казахских шаруа, приводило к разорению скотоводческих хозяйств.

В политической жизни России в начале XX в. значительное место занимала Государственная дума, преподносимая самодержавием как высший демократический институт страны, призванный объединить «патриотов» России и служить упрочению власти монарха и его интересам внутри империи и за ее пределами. Дума надежды императора не оправдала, но обнажила язвы российского самодержавия и его социально-политической системы.

Вопросы, связанные с Государственной думой, рассматривал и журнал «Айкап», но делал это очень несмело. Чаще всего это была информация, подававшаяся от второго лица. Но даже такая информация позволяла дать картину отношения буржуазного государства к правам и нуждам народных масс вообще, окраинных народов России в особенности.

Так, в статье от 9 июня 1912 г., излагая выступление в Государственной думе С. МаксUTOва, он практически излагает собственные взгляды на отношение Государственной думы к проблемам казахской степи и Туркестана. «За пять лет существования Думы,— говорил С. МаксUTOв,— обсуждалось на ее заседаниях немало законопроектов, касающихся казахской степи и Туркестана. Все это происходило без участия их представителей»³³. Комментируя сказанное, М. Сералин отмечал, что «лишение казахов депутатства в Думе «является... огорчительным явлением», но, даже их присутствие мало бы что изменило в ее решениях»³⁴.

В конце 1912 г. собралась IV Государственная дума в новом составе. На ее рассмотрение был вынесен ряд законодательных актов и среди них несколько проектов о Казахстане: о введении системы крестьянских начальников для казахов Букеевской орды, о распространении некоторых законов внутренней России на степные области и др. Этим вопросам М. Сералин посвятил специальную статью, в которой вновь упрекал Думу в том, что она

---

³³ Айкап. 1912. № 7.

³⁴ Там же.

собирается рассматривать их нужды без участия представителей Казахстана. Наиболее острые и злободневные вопросы жизни казахов, такие, как земельный, о школьном образовании, о народном суде и на этот раз остались вне поля зрения Государственной думы. «Если присмотреться более внимательно, — писал М. Сералин, — к законопроектам, которые собирается обсуждать Дума, то можно увидеть, что эти новые законы, если будут они приняты, в первую очередь направлены на обеспечение государственных интересов — царской пользы»³⁵.

Не переоценивая возможностей Государственной думы в улучшении положения казахского народа, он вместе с тем считал необходимым обратить внимание на его проблемы. «У нас много накопилось нужд и нерешенных вопросов, о них мы должны довести до сведения высших чиновников государства», — писал он. В качестве конкретных действий М. Сералин предлагал, чтобы казахские интеллигенты, знающие русский язык, написали в газеты Петербурга и Москвы и одновременно послать ходатаев из каждой области в Государственную думу для связи с ее отдельными депутатами и для выработки на месте единых решений действия»³⁶.

Большую долю вины в создавшемся положении М. Сералин относил за счет инертности, неграмотности и отсталости самого казахского населения. Отсталость и невежество народных масс М. Сералин считал сдерживающим фактором в борьбе за свои национальные интересы.

Почти все статьи М. Сералина, на основе которых мы попытались здесь рассмотреть его отношение к политике царского правительства в национальных окраинах, в частности в Казахстане, были напечатаны в журнале «Айкап», являвшемся подцензурным печатным органом. Исходя из этого можно говорить о том, что критика М. Сералиным колониальной политики царской России в Казахстане была достаточно смелой. Об обстановке, в которой приходилось работать журналу, вспоминает С. С. Ужгин: «В целях сбережения журнала от административных наскоков губернатора Сералин опасался ставить и обсуждать острые вопросы классовой борьбы в ауле, о разложении казахской земельной общины»

³⁵ Айкап. 1912. № 13.

³⁶ См.: Айкап. 1912. № 13.

и т. д. В журнале эти вопросы или обходились молчаливым, или затушевывались благими пожеланиями, выражающими сострадание к бедноте.

Но как ни стремился Сералин сохранить журнал на положении легальной трибуны, участь его была предопределена. В самом же начале империалистической войны 1914 г. журнал подвергся предварительно военной цензуре. Цензором был назначен черносотенец, жандармский полковник Кучин, потребовавший безусловного «патриотического долга», т. е. поддержки печатными органами империалистической войны.

Сералин не был «патриотом» в том смысле, как того требовал полковник Кучин. Не сочувствовал он и тем интеллигентам, которые были одержимы шовинистическим угаром «социалистических» партий, изменивших решениям Базельской конференции 1912 г. Когда цензор Кучин вычеркнул из сверстанного номера журнала три страницы информации об аресте и предании суду думской большевистской фракции, разоблачавшей войну как империалистическую, грабительскую, Сералин, человек спокойного, уравновешенного характера, пришел в такое неистовство, что в клочья разорвал сверстанный номер журнала и скрежетал зубами, выкрикивал: «К черту! Пропадай все прахом!». М. Сералин уехал в аул, где прожил две недели, оправляясь от потрясения, вернулся он в редакцию надломленным человеком³⁷.

Как уже говорилось, М. Сералин в своей деятельности всегда шел от народа, а потому и методы пропаганды прогрессивных идей выбирал понятные для народа. Критикуя действия царской администрации в Казахстане, он делал это так, чтобы его могла понять основная масса казахского населения, хотя его личные убеждения по этим вопросам намного опережали уровень сознания народа в целом. Исходя из этого становится понятной его идея о том, что центр тяжести борьбы сейчас за середняка, за вовлечение его в круговорот событий, связанных с переходом в оседлость³⁸.

Следовательно и то, что писал М. Сералин в газетах и журналах обращено к повседневному сознанию отсталого казахского населения. В своем же глубинном

---

³⁷ Ужгин С. С. Странички былого. Айкап. С. 17—18.

³⁸ Там же. С. 16.

смысле его убеждения и идеалы раскрывались в среде единомышленников и в нелегальных трудах.

В стихах, памфлетах и баснях нелегально, распространявшихся в аулах, М. Сералин показывал царя и его режим чуждыми, противостоящими свободе и интересам трудящихся масс³⁹. В нелегальной деятельности М. Сералин смыкался с позицией Кустанайской ячейки социал-демократов в отношении антинародной природы и политики самодержавия в метрополии и на окраинах.

Просветительские идеи М. Сералина

Об идеях просвещения и их носителях в дореволюционном Казахстане нередко бытует упрощенное понятие. Просветительство часто сводится к распространению знания и к борьбе с косностью, со старыми, вредными пережитками в быту и сознании народа. Это, разумеется, входит в понятие просвещения. Но оно составляет лишь один его аспект и, можно сказать, составляет элементарное его начало. В одной из солидных по объему работ мы читаем, что Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев были «замечательными просветителями». Общим для них всех было то, что они «в противовес идеологам фатализма, выступали за ликвидацию отсталости Казахстана, за просвещение народа, за приобщение его к русской культуре». Это выразилось в том, что они делали «решающий шаг» на пути преодоления патриархально-феодалных предрассудков, «пытаются обосновать свои взгляды, опираясь не на предрассудки, мифы и верования, а на требования разума, научных данных и реальных фактов». Эта «особенность» «была качественно новая ступень в развитии казахской общественно-философской мысли»⁴⁰.

При такой оценке просветительства Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и Абая Кунанбаева — выдающихся деятелей казахской дореволюционной общественной мысли и культуры — они низводятся до тысяч других образованных казахов, воспитанных в России и русско-казахских учебных заведениях и воспринявших общезиви-

³⁹ Ужгин С. С. Страницки былого. Айкап. С. 14.

⁴⁰ Бейсембиев К. Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана. Алма-Ата, 1976. С. 88.

лизаторские идеи. Однако просветительство Ч. Валиханова, И. Алтынсарина охватывало более широкий круг проблем, в том числе социальных, политических и нравственных, которыми, собственно, и определялось содержание их просветительских идей.

Применительно к русской действительности 60-х годов XIX в. В. И. Ленин писал, что просветитель «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям,— горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя»— это отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»⁴¹. Хотя в данном случае В. И. Ленин имеет в виду просветителя-революционера дореформенной России, это положение имеет методологическое значение при освещении деятельности просветителя, его идеологии.

Просветительские идеи не просто идеи распространения среди народных масс образования и культуры, не только борьба с вредными обычаями и косностью в быту и сознании, они охватывают и сферы социально-экономической и политико-юридической жизни. Поэтому к просветительству М. Сералина, как и к любому другому, следует подходить конкретно-исторически, с позиций условий и требований казахского общества того времени и реальной перспективы его развития, так как идеи Сералина о прогрессе казахского общества формировались в процессе осмысления и осознания, условий, в которых проходила его деятельность. Сильной стороной просветительства М. Сералина было то, что прогресс казахского общества в свои зрелые годы он связывал со свободой, борьбой против социального и национального угнетения, против царского самодержавия и местных феодалов в союзе с русским народом, с русским рабочим

---

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 472.

классом. Это отчетливо выступает в стихотворениях М. Сералина, написанных им в период 1905—1915 гг.

О том, что в этой суровой борьбе русских братьев соединят свои руки и казахские джигиты, отправляясь в места битвы, в поход против ненавистных врагов, хорошо сказано в его стихотворении «Письмо другу в аул соседний».

В творческой и политической деятельности М. Сералина были и периоды наибольшей активности, и периоды сомнений и колебаний, отхода от радикальных революционных суждений и нового подъема. Свои наиболее революционные произведения он написал в годы тесной связи с местными русскими революционерами и увлечения их социально-демократическими идеями. От этих идей М. Сералин в принципе не отказывался и в последующие годы, но позднее пришел к мысли о том, что выдвигать эти идеи на первый план преждевременно для казахского общества, что до их реализации лежит сложная и длинная дорога.

М. Сералин был человеком практичного, ясного ума и трезвых суждений. Он придавал большое значение практической стороне прогресса и считал, что в развитии общества есть этапы, которые оно должно пройти, чтобы добиться подлинного прогресса. Самым необходимым этапом для развития казахского общества он считал преодоление сплошной неграмотности и темноты народных масс путем распространения образования и знания. Это М. Сералин считал неотложным и первостепенным делом, основой достижения благосостояния народа.

Одновременно он доказывал необходимость определенных преобразований в области экономической структуры казахского общества, организовал обмен мнениями и дискуссии по вопросам о том, по какому пути в этой части следует идти обществу, какая форма хозяйствования приемлема и желательна в данный период и в перспективе с точки зрения реальных условий казахского общества. Сугубо просветительскую задачу М. Сералин считал не дискуссионной, а экономико-просветительскую — еще дискуссионной, хотя и по этому вопросу он имел твердые установки и планы. Эти идеи, по его убеждению, могут быть реализованы только при помощи и поддержке демократических слоев России, в условиях укрепления связей и союза с русским народом, с его передовой интеллигенцией.

Как уже говорилось, на первый план просветительских идей М. Сералин выдвигал проблемы образования и знания. В этой части в известной мере уже были проложены пути и наметились определенные начальные сдвиги. Под влиянием России, русской культуры, европейской и восточной цивилизаций в казахском обществе уже возникало, хотя и слабое, школьно-просветительское движение, чему способствовала и деятельность таких выдающихся казахских просветителей, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. В Казахстане открывались новые мектебы и домашние начальные школы, при мечетях — мектебы. На часть областей Казахстана распространялось действие учебных округов России, при содействии которых утверждались туземные русско-казахские школы и училища, учительские семинары в пограничных городах и крупных населенных пунктах. Начиная с последней четверти XIX в. казахские юноши стали обучаться в российских учебных заведениях, в том числе в Петербургском и Казанском университетах. Правда, и в начале XX в. их число было невелико. В Петербурге и в городах Казани, Уфе, Оренбурге, Уральске, Урде, Троицке и Ташкенте налаживалось книгоиздательское дело на казахском языке. По некоторым данным, в 1913 г. на казахском языке было издано 40 наименований книг общим годичным тиражом 161 000 экземпляров⁴². Это было началом нового этапа просветительского движения в казахском обществе. В начале XX в. просветительство превратилось в национальную проблему и ведущий мотив пробуждения национального самосознания казахов. Именно к этому периоду относится пробуждение национального самосознания казахского народа. Оно совпало с революцией 1905—1907 гг., что придавало новый импульс движению за просвещение народа. Этот период не случайно назван временем «ояну», что означает пробуждение, прозрение, обращение взгляда на новый, обновляющийся мир.

Передовая казахская интеллигенция свою миссию видела в том, чтобы заставить народ задуматься над своим положением. Патриотически настроенные интеллигенты шли в народ, писали для широких масс рассказы, памфлеты на просветительские, нравственные темы.

---

⁴² Великий Октябрь и русский язык. Киев, 1977. С. 66.

Даже названия этих произведений носили названия, передающие их смысл и назначения, символический характер: «Ызын» (Жужжание), «Маса» (Комар), «Турымтай» (Буревестник), «Карлыгаш» (Ласточка), «Агын» (Течение), «Шолпан» (Венера) и т. п. и лейтмотивом обращений к народу «Проснись!», «Пробуждайся!», «Берись за полезное», которые все чаще раздавались со страниц книг, первых листовок, национальных газет и журналов, также были просветительскими.

Школьно-образовательные мотивы, преобладавшие в этот период в просветительских идеях, собрали вокруг себя людей разных ориентаций и убеждений и поэтому имели разные оттенки и направления. Заметно оживились религиозные деятели, которые под маской просвещения народа стремились укрепить позиции ислама в мектебах и медресе, противодействовали процессу реформации и постепенного «огражданствления» этих традиционно местных учебных заведений, путем укрепления и развития в них светских начал и новых методов обучения. Как справедливо отмечают советские исследователи, если в Европе буржуазная религиозная реформация и эпоха Просвещения представляли исторически последовательные этапы развития и отделялись друг от друга целыми десятками лет⁴³, то в Казахстане по ряду причин эти процессы совпали во времени и длились в исторически коротком отрезке времени. Подобное явление наблюдалось и в других азиатских странах. Это создавало наслоения и определенные трудности на пути материализации прогрессивных просветительских идей.

В такой обстановке формировалось мировоззрение М. Сералина. В служении народу видел он свою цель в жизни.

Первый номер журнала «Айкап» открывался словами: «Уважаемые читатели! Представляю на ваш суд данный свой журнал, не огорчайтесь, что он маленький по объему... В наше время стало истиной, что газеты и журналы нужны каждому народу... Нельзя жалеть средств, когда речь идет о пользе народа. Цель печатания и распространения книг, газет и журналов состоит в этом»⁴⁴.

---

⁴³ См.: Комаров Э. Н., Литман А. Д. Мировоззрение М. К. Ганди. М., 1969. С. 15.

⁴⁴ Айкап. 1911. № 1.

М. Сералин высоко ценил просветительские идеи и призывы овладеть русским языком Шагабуддина Маджжани, Гаспринского, Ушинского и особенно Ибрая Алтынсарина. Он с сожалением писал, что дела и завещания Ибрая Алтынсарина, посеявшего семена просвещения в казахской степи, после его смерти не находят должного развития. «17 июля 1914 года исполнилось 25 лет со дня кончины золотоголового (Алтынбас) Ибрая Алтынсарина,— писал он в одной из статей.— Его заслуги огромны перед казахским народом. А были ли казахи, которые вспомнили его? Нет... Видать, мы далеки еще от того, чтобы войти в ряды культурных народов»⁴⁵.

Без русского языка и без знания, которым владеют русские, народ не может быть культурным — эта идея красной нитью проходит в работах М. Сералина. «Не обвинят нас, если скажу, что знание русского языка — это наш долг,— писал М. Сералин.— Эту истину произнес господин Ияхил 150 лет тому назад. Об этом сказал ныне покойный из Казани господин Шагабуддин эль-Маржани. Господин Исмаил Гаспринский, считающийся лидером русских мусульман, также утверждал, что «тот, кто знает русский язык, попадет в рай»⁴⁶. На смерть И. Гаспринского М. Сералин написал статью под названием «Смерть, невозполнимая в ближайшее время»⁴⁷. В ней, в частности, отмечалось, что Гаспринский ввел новые методы обучения, позволявшие пройти в течение одного года то, чему в течение 10 лет учили в старых религиозных школах⁴⁸. «Труды видных просветителей Востока убедили нас,— писал М. Сералин,— в полезности обучения и образования и уважать язык родного народа»⁴⁹.

Укрепление связей Казахстана и России М. Сералин считал важнейшим фактором для развития Казахстана.

Истории присоединения Казахстана к России он посвятил статью о процессе принятия русского подданства казахами. В ней Сералин назвал имена 56 видных

---

⁴⁵ Айкап. 1915. № 2.

⁴⁶ Айкап. 1912. № 3.

⁴⁷ Заслуги И. Гаспринского в истории просвещения, культуры и общественной мысли дореволюционного Востока России высоко оценили Н. Гарименов и С. Айни.

⁴⁸ Айкап. 1914. № 17.

⁴⁹ Там же.

батыров, биев и аксакалов казахских аулов, давших клятву и приложивших свои печати и тамги на документе о присоединении Казахстана к России. Тем самым автор подводит читателя к мысли о том, что этот исторический акт был одобрен всеми основными родами и их предводителями: «По решению этих наших предков мы оказались под властью русского императора. Имена этих людей до сих пор известны среди народа и не забываются»⁵⁰.

По мнению М. Сералина, существовали проблемы первостепенные, подлежащие безотлагательному коллективному обсуждению как на страницах редактируемого им журнала, так и на сходах и представительных народных съездах: землеустройство и оседание кочевников, ликвидация групповой борьбы на выборах местной власти и открытие школ, борьба против вредных обычаев и за раскрепощение женщин⁵¹. Он считал, что решение многих из них упирается в отсталость общества. Пути ликвидации этой отсталости он видел в решении экономических задач.

Но знание — не самоцель, считал Сералин, так как только направленное на служение народу, оно становится действительным. Он с огорчением констатирует: «Наша казахская молодежь, проходя обучение, стремится пойти по двум путям: или хочет стать чиновником (писарь, переводчик), или быть мугалимом (учителем) в школах. Это весьма похвально, но мир не замыкается только в этих должностях. Я сержусь на них за то, что они не избирают другие профессии: почему не быть учеником аптекаря или не стремиться быть профессором от науки, не овладеть специальностями на железных дорогах, в издательствах и в других многих областях. Почему безразлично относится на это наша молодежь, получившая образование?»⁵²

Известно, что преобразование в сфере хозяйственного строя казахов М. Сералин мыслил как переход от кочевничества к оседлости, от кочевого скотоводства к земледелию и полустойловому скотоводству, от подвижных кибиток к постоянным постройкам, к строительству поселков и поселений городского типа. В этом он видел

⁵⁰ Айқап. 1911. № 1.

⁵¹ См.: Там же. 1912. № 1.

⁵² Там же. 1912. № 3.

двойную пользу: повышение благосостояния народа и создание реальных условий для строительства учебных заведений, овладения знаниями молодежью и улучшения быта: «От того, что мы постоянно и без усталости говорим, можно заключить два вывода: возведи города, живи компактно, только тогда можно распорядиться хотя необширным, но участком плодородных земель. Возведи мектебы и медресе, открывай школы, учи детей, овладевай искусством ремесла, только тогда ты станешь человеком, составляющим народность. Иначе тебя сотрут с лица земли»⁵³.

Важное место в социально-экономическом развитии общества он отводил науке. «Наш век — век науки», — писал он в журнале «Айкап». Порой с целью подчеркнуть ее особое значение он прибегал к преувеличениям и прямолинейным выводам. Так, приводя пример того, что многие жители Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской области, входящей в Туркестан, имеют пахотные угодья, живут в домах чисто и одеваются опрятно, питаются хорошо, он видит единственную причину этого в науке»⁵⁴. Надо не отставать от других народов, призывает он, и казахской молодежи следует думать и «о профессорской должности»⁵⁵ в перспективе.

Для казахского народа он считал необходимым собирание материалов, «Шежре», относящихся к прошлым эпохам, фольклора, что могло бы послужить основой для изучения и создания его истории. Поднимая этот вопрос в статье «Нужна ли история казахам?», М. Сералин пишет: «Наша цель — собрать сведения в старых книгах о наших древних предках, а также сохранившиеся в памяти стариков с думой, что впоследствии все это вольется в полезное дело»⁵⁶.

Задача истории, по его мнению, заключается в том, чтобы «выбрать полезные и примерные дела наших предков, чтобы ими можно было пользоваться, а если окажутся вредные деяния, то указать на них, чтобы они не повторялись»⁵⁷. Эти суждения М. Сералина об истории и задачах исторической науки и сегодня звучат современно.

---

⁵³ Айкап. 1912. № 3.

⁵⁴ Там же. 1912. № 3.

⁵⁵ Там же. 1912. № 7.

⁵⁶ Там же. 1912. № 7.

⁵⁷ Там же.

Интересны его мысли по поводу «Шежре» — записях и сказаниях о генеалогии казахского народа, племенах и родовых подразделениях. Через журнал «Айкап» Сералин обратился к знатокам шежре поделиться своими знаниями. Один из читателей по поводу этого обращения писал: «Этого не нужно было делать, уважаемый! Наш казахско-узбекский народ раздираем изнутри и не может сохранить единство из-за деления на роды, на групповщины по родам с отдельными родовыми лозунгами и кличками! Зачем вам поднимать это в журнале? Хотите, чтобы тем, кто забыл, напомнить об этом и снова возродить и усилить междоусобицу и разлад в народе? И так-то, без напоминания журнала, казахи не собираются забыть свое родословие. Ни один ас (годовые поминки), ни один праздник, ни один сбор казахов не обходился без конфликтов и драки, без кровопролития. Все это из-за деления на роды»⁵⁸. М. Сералин в ответ на это письмо изложил свою точку зрения: для того, чтобы бороться с отрицательными явлениями, порожденными делением на роды и родовые группы, и искоренить их, нужно знать само явление, его корни и причины⁵⁹.

Даже самое незначительное начинание, связанное с распространением знания среди народа, встречало у М. Сералина живой отклик. Когда ему стало известно о действующей светской школе в Семиречье, в местности Карагаша, основанной богатым казахом Есенгулом Мамановым, о том, что он построил для школы многокомнатное специальное здание и пригласил туда учителей из разных уголков степи, в том числе учеников медресе «Галия» в Уфе, М. Сералин назвал это начинание «благороднейшим делом». А на учреждение Есенгулом Мамановым премии для казахских романов М. Сералин откликнулся на страницах журнала, сравнив его с благородным поступком Альфреда Нобеля. В частности, он писал: «Оказывается, и среди наших казахов есть баи, ценящие науку и жертвующие свое состояние ради науки. Есенгул Маманов учредил премию для казахского романа — он идет по пути Альфреда Нобеля... Брать пример от бая Есенгула и следовать его примеру является долгом и других казахских баев»⁶⁰.

⁵⁸ Айкап. 1912. № 7.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Айкап. 1915. № 7—8.

В начале XX в. вопросы землепользования и землеустройства, кочевания и оседания, организации скотоводческого хозяйства и всего цикла производства стали для казахского общества еще более острыми и злободневными, чем в последней четверти XIX в.

Изъятие плодородных в хозяйственном отношении земель у казахских кочевых и полукочевых аулов и причисление их к казенному, переселенческому фонду принимали все более широкий размах. Топографы и землемеры, посылаемые из уездных и областных центров для учета изымаемых земель и определения новых границ угодий казахских аулов, наводняли степь и проникали в самые глубинные пространства. Их появление в кочевьях и аулах наводило на местное население не меньший страх, чем рейды карательных отрядов царского правительства. К тому же в связи с обострением внутривосточного положения в государстве правительство ужесточило свою политику в таких «инородческих» окраинах, как Казахстан. Одним росчерком пера оно лишило среднеазиатские народы права участвовать в выборах в Государственную думу и посылать в нее своих представителей. Командование и приказ, расправа и открытый погром стали распространенными методами управления казахским краем и его народом.

Все это происходило на фоне заметного хозяйственного упадка кочевых и полукочевых аулов, сужения кочевых их полос и путей, роста числа обедневших скотоводов-жатаков и перехода их к хлебопашеству, чтобы только поддержать свое существование. Прогрессировало отходничество из аулов, намного обострились социальные противоречия в хозяйственных коллективах, а процесс поляризации интересов внутри аулов стал более глубоким.

В этой обстановке проблемы в сфере экономики приобрели особенно острый характер, что не могло не отразиться на идейной жизни казахского общества, выразителями и носителями которой были представители нарождающейся национальной интеллигенции. М. Сералин возглавил одно из направлений экономической мысли и считал, что в переживаемый период нет более важной и неотложной задачи, чем экономическая. Он признавал приоритет экономики над всеми другими жизненными факторами и отношениями. «По утвержде-

нию ученых,— писал М. Сералин,— жизнь — это экономическая война. В этой войне не проливается кровь, но действует она на общество сильнее и более разрушающе, чем кровавая война. В экономической войне такие способы, как занятие производительным трудом и искусство производить, действуют гораздо мощнее, чем ружья и пушки в кровавой войне»⁶¹.

В начале XX в. произошло еще одно событие: царское правительство решило «упорядочить» землепользование в Казахстане. С этой целью Совет министров 9 июня 1908 г. одобрил разработку Главного управления земледелия и землеустройства об изъятии «излишков» земли у сибирских казахов и передаче их в аренду и продаже в вечное пользование. Это законоположение имело целью еще больше ограничить право землепользования казахов и кочевых коллективов, вытеснить их с более или менее удобных земель в глубь степи. Устанавливалась твердая норма земли для казахов: кочевая норма — по 12 дес. земли на душу населения и оседлая, или «переселенческая норма», распространяемая и на казахов,— по 15 дес. земли на одного мужчину.

После обнародования этого положения споры и дискуссии о землеустройстве казахского населения приняли конкретный характер. Что лучше: получить землю по кочевой норме, кочевать и передвигаться со скотом или получить землю по оседлой норме, строить поселки и города, заниматься преимущественно земледелием? М. Сералин с самого начала встал на второй путь решения — на путь преобразования привычного и традиционного хозяйственного строя кочевника-скотовода, связанного с ним быта, образа жизни там, где имелись удобные пахотные земли на участке хозяйствования аулов. При подходе к решению этого вопроса, как полагал М. Сералин, надо исходить не из того, что устраивает некоторых из нас сегодня и завтра, и не из того, к чему мы привыкли, или из нашей вековой традиции. Вопрос стоит намного сложнее, а именно: речь идет об интересах и нуждах целого народа, о том, «каким образом казахский народ обеспечит свое существование в будущем и свое выживание»⁶².

Наиболее верным и перспективным путем, по мнению

---

⁶¹ Айқап. 1912. № 3.

⁶² Там же. 1911. № 2.

М. Сералина, являлся переход преимущественно к земледельческому хозяйству, к оседлости там, где имелись пахотные угодья. «Как мы представляем, — писал он, — возведение населенных пунктов, городов с переходом к земледелию по норме «русского мужика» полезнее, чем другой путь. Полезнее не потому, что достается больше земли, а потому, что объединением по земле казахи могут сохранить себя как народность»⁶³. «В противном случае, — считал Сералин, — кочевые аулы окажутся раздробленными, рассыпанными и со временем все равно лишатся удобных своих земель, но переход на оседлость будет уже запоздалым, поскольку к этому времени все пахотные угодья будут распределены и заняты». Как видно из сказанного, экономические замыслы М. Сералина и проект переустройства хозяйства кочевых аулов, предложенный им, были рассчитаны на перспективу и основаны на идее прогресса общества.

Свою преобразовательную идею М. Сералин называл идеей, рассчитанной на организацию «культурного скотоводческо-земледельческого хозяйства»⁶⁴. Как можно было предполагать, против этого плана выступили баи, крупные скотовладельцы, правители и управители разного ранга в волостях и административных аулах. Они увидели в переходе на оседлость ущемление своих прав на общинно-аульные кочевые территории, а также привилегии, которыми они пользовались по обычному праву казахов. Их не интересовали вопросы перспективы и прогресса казахского общества. Они прежде всего и больше всего думали о групповых и кастовых интересах. «Наши волостные правители и баи, — указывал М. Сералин, обращаясь к другим слоям общества, — когда говорят, что нас устраивает «Степное положение», то они пекутся о личных интересах, вы не слушайте этого»⁶⁵.

Как утверждал М. Сералин, самой наукой и образованными людьми установлено, что оседлость и земледелие намного выгоднее кочевого скотоводства. «Насколько мы понимаем, — писал он, — время, когда можно было заниматься скотоводством и беспрестанно кочевать, уже прошло и оно не возвратится»⁶⁶. Само положение, создавшееся в казахском обществе того

⁶³ Айкап. 1912. № 3.

⁶⁴ Степь. 1915. 3 марта.

⁶⁵ Айкап. 1912. № 3.

⁶⁶ Там же. 1911. № 2.

времени, оставляло лишь одно верное решение — строить поселки и города, заниматься земледелием и содержать на пустующих вокруг населенных пунктов землях имеющийся скот. «Я сержусь на казахский народ, — с тоской отмечал он, — хотя природа его одарила не меньшими способностями, чем других, но тем не менее, не оглядываясь на опыт прошлых лет, с упорством отстаивает кочевание как единственно возможное его счастье, превозносит устаревший и неприглядный «обычай дедов», остается в стороне от науки и знания, не считается с их требованиями, позволяет безразличие и леность»⁶⁷.

Реальность и жизненность своих идей М. Сералин подкреплял агитацией и личным опытом. В своих разъяснениях он учитывал психологию и миропредставления народа, старался преподнести свои замыслы не только в доступной для народа форме, но и тесно увязывать их с потребностями, пусть даже ложно понятыми им на данном этапе. Так, он указывал на три выгоды, которые можно извлечь из перехода на оседлость: во-первых, «возведем города и станем хозяевами, хотя не большого, но плодородного пахотного угодья... Вторая выгода, если будут города, то построим мечети, школы и медресе, в которых будут обучаться наши дети... Третья выгода, как только обзаведемся городами, намного быстрее могут быть реализованы наши просьбы в части религии и, кто знает, если сочтет возможным главное начальство, может быть, и будет учрежден муфтий и для казахов»⁶⁸.

М. Сералин задумал объединить своих родственников и однофамильцев, получить землю по «переселенческой» норме, построить поселок и тем самым показать пример другим, насколько полезно переходить от кочевого, полукошевого скотоводства к оседлому образу жизни. Населенный пункт, образованный таким образом на его родине в Шубарской волости Кустанайского уезда, получил впоследствии название пос. Серали. В нем со временем построили школу, являвшуюся одновременно клубом и культурным центром. Начинание удалось: были приобретены некоторые сельскохозяйственные орудия и машины, увеличилась пахота, удалось уменьшить разорительные последствия повторявшейся

⁶⁷ Там же. 1912. № 3.

⁶⁸ Там же. 1911. № 2.

засухи и джутов (бескормицы), заметно улучшилась материальная обеспеченность населения и росла покупательская его способность промышленных товаров, постепенно изменились быт и образ жизни осевших. Под воздействием примера М. Сералина нашлись, хотя немного, и другие энтузиасты возводить поселки.

Единомышленник М. Сералина Б. Каратаев, имевший университетское образование, исходя из личного убеждения о преимуществе оседания кочевников, также стал строить поселок на своей родине в Уральской области. Впоследствии этот населенный пункт стал называться Каратаевским.

И все же в целом строительство населенных пунктов, объединявших бывших кочевников и полукочевников-скотоводов, не получило заметного развития, на что рассчитывал М. Сералин. Сам он объяснял это тем, что казахский народ еще не поднялся в своей зрелости до такого уровня, что мог бы трезво разобраться в ситуации. «Все народы, кроме нас,— отмечал он,— в настоящее время понимают, что ему полезно и что ему вредно как народности. Они стремятся освободиться от того, что вредно, и добиваться того, что хорошо. А мы не можем различить, что полезно и что вредно, и считаем вредным то, что полезно»⁶⁹.

Реально они не могли иметь большего успеха. В условиях колониального режима в Казахстане и отсутствия сколько-нибудь серьезной финансовой помощи и нравственной поддержки со стороны правительства и местных органов власти, находившихся в основном в руках царских чиновников и представителей крупных скотовладельцев, идея строительства поселков не могла получить должного осуществления.

М. Сералин сознавал, что его идеи оседания и образования поселков на данном этапе притягательны в первую очередь для бедняков. «Сторонниками оседлого землеустройства киргиз по кочевой норме главным образом являются богатые и влиятельные киргизы, а также и волостные управители,— писал он в 1915 г.,— сторонниками оседлого землеустройства являются бедняки»⁷⁰. Из этого, однако, нельзя делать вывод, что М. Сералин был «крестьянским идеологом», как это

---

⁶⁹ Айкап. 1911. № 3.

⁷⁰ Степь. 1915. 3 марта.

считают некоторые исследователи. Его преобразовательные идеи в сфере хозяйственной жизни выражали интересы и перспективы развития казахского общества в целом, о чем он говорил открыто и неоднократно. Однако на данном этапе эти идеи совпадали прежде всего с положением и интересами бедняков, в большинстве своем оседавших в зоне зимовок богачей вблизи русских населенных пунктов, дававших дополнительные заработки (жатаки). В то же время многие бедняцкие хозяйства были зависимы от зажиточных и богатых однородцев и одноаульцев, и это освящалось патриархальными обычаями и традициями. К тому же они не имели средств на то, чтобы осваивать отведенные пахотные участки, что также имело немаловажное значение.

М. Сералин сочувственно относился к положению и судьбе бедняков. Он призывал богатых одноаульцев и местные органы власти оказывать им помощь и поддержку. Так, в статье, посвященной голоду в степи в 1910—1911 гг., рисуя бедственное положение населения, он писал: «У баев нет сена для скота на зиму, а у бедняков не только нет скота, но нет у них продуктов на питание. Сейчас, когда доятся коровы и есть молоко, нужда не особенно заметна. Но как только наступит осень, начнут голодать в первую очередь бедняки»⁷¹. Здесь же он поднимает вопрос о том, чтобы правители волостей и казахские чиновники ходатайствовали перед правительственными органами об оказании помощи нуждающимся и голодающим в степи.

Деление общества на богатых и бедных М. Сералин воспринимал как фактическое состояние общества, не пытаясь объяснить его. «При всех условиях,— писал он,— кому милостив бог — тот богат, кому не милостив бог — тот бедняком останется»⁷². В то же время он считал, что злоупотребления и произвол властей и тех, кто правят массой, приводят к обнищанию трудовых людей, умножают бедняков.

Пороки общества, народа и управления, а также то, что одни народы попадают под угнетение и унижительную власть других народов, М. Сералин склонен был объяснять недостатком или отсутствием у них образования и знания, отсталостью и неразвитостью. Описывая

---

⁷¹ Айқап. 1911. № 7.

⁷² Там же. 1912. № 3.

злоупотребления царских чиновников и местных хакимов, а также цинских начальников, поставленных во главе казахских аулов в Кульджинском округе, он отмечал, что «притеснитель останется притеснителем везде и всюду. Чтобы освободиться от притеснения притеснителей, есть только один путь: народ должен учиться, цепляться за знание, отбросить вредные обычаи дедов — без этого казах не снимет с себя ярмо унижения»⁷³.

Вместе с тем М. Сералин не ограничивался только констатацией отрицательной роли некоторых обычаев и норм, именуемых «правилами дедов». Свой подход и их оценку он строил исходя из критериев прогресса общества и справедливости. В них он видел во многом причину застоя общественных нравов, отсталости взглядов народа, его стремления отгородиться от всего нового, полезного, что происходило вокруг. В анализе и оценке норм и обычаев, укоренившихся веками в ткань общественной жизни казахского народа, М. Сералин был более глубок и последователен, чем многие дореволюционные казахские деятели. Его сильной стороной было то, что он смог на конкретных сферах жизни народных масс показать, какие «правила дедов» мешают продвижению общества вперед и какие могут быть использованы на этом сложном пути. Он «поднял» руку даже на родовое деление населения, считавшегося чуть ли не священным.

Родовое деление населения, по мнению М. Сералина — явление историческое, и материалы о нем надо собирать и изучать. Но оно стало в значительной степени причиной внутренних раздоров, конфликтов и раздробления народа. В одной из своих статей Сералин приводил выдержки из письма, поступившего в редакцию, автор которого писал, что в местах сбора людей, если играют два мальчика и, поссорившись между собою, один из них крикнет: «Найман! Найман!» или «Аргын! Аргын», то немедленно собравшиеся делятся на две группы и затевают драку. Многие из них не знают даже, из-за чего она происходит, оправдываются тем, что «услышал призыв духа предков и стал бить плетью найманов»⁷⁴. По этому поводу от имени редакции М. Сералин изложил позицию «Айкапа»: «Задача журнала заключается

---

⁷³ Там же. 1911. № 8.

⁷⁴ Там же. 1912. № 7.

в разъяснении необходимости покончить с делением казахов «на такой жуз, на такой род»⁷⁵, порождающее такое явление. Не делает чести для народа получающее распространение мнение о том, что «казахи, это народ, раздираемый изнутри взаимными спорами и склоками». «Когда не хотят видеть нового, нужного, полезного,— писал он,— то ссылаются на «правила дедов», ссылаются на него также в оправдание своей лености и необразованности»⁷⁶.

Исключительно остро ставил М. Сералин вопрос о равноправии женщин, борьбе с обычаями и взглядами, унижающими их достоинство как членов общества. Этой теме он посвятил одну из первых своих поэм, ряд публицистических статей. В поэме «Гулкашима», написанной в 1903 г., повествуется о высоком чувстве любви и ее трагедии в отсталом обществе казахов.

В публицистических статьях он обращался к своим читателям и ко всем «трезво мыслящим» представителям народа со словами: «Не является ли для нас позором то, что женщины, которые родили нас и являются нашими матерями, родные наши сестры пущены, как скот, в торговое обращение?... Если наши матери лишены личной свободы, подобно рабыням, то мы, рожденные от них, не выгладим ли жалкими».⁷⁷

М. Сералин придал женскому вопросу общественную остроту, создал актив борцов за равноправие казахских женщин. В редакцию журнала из разных уголков степи поступало по этой проблеме много писем. Конкретным действием в этом направлении было привлечение М. Сералиным женщин-казашек, получивших образование, в качестве авторов журнала, что было явлением необычайным в истории Казахстана. В их числе были: Сакип-жамал Тлеубайкызы, Кулайм Утегенова, Магрипа Койбагарова, Мариям Сейдалина.

В одной из статей С. Тлеубайкызы писала: «Девушки в будущем — это матери и воспитательницы своих детей. Если мать невежественна, то она не сможет дать своему ребенку хорошее воспитание. Плохо воспитанный ребенок — вина матери, ибо сам он плохим не рождается. Поэтому, если хотите, чтобы мы были полноценными людьми, постарайтесь учить нас в наших аулах. Обу-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. № 8.

⁷⁷ Там же. 1912. № 1.

чайте нас хотя бы в возрасте от 7 до 15 лет. Не будьте прокляты нашими слезами. Дав нам образование, народ получит большую пользу...»⁷⁸.

Устами самих женщин-казашек заговорили их нужды и чаяния. Они писали о праве девушек на образование и на выбор профессии, об участии наравне с мужчинами в общественной жизни, в особенности в сфере культуры и школьного строительства. Они выступали против таких дедовских порядков, как продажа девушек за калым, аменгерство — обычай, по которому вдова должна была выйти замуж за ближайшего родственника умершего мужа. При этом они вдохновлялись примерами своих старших землячек. Так, казашка Хусни-Жамал Нуралиханова в 1894 г. открыла в своем ауле в Букевской орде первое учебное заведение европейского образца для девушек. Все учебные принадлежности она приобрела на собственные средства и сама составила учебную программу. При этом женском училище для казашек был интернат на 20 мест. В ее бескорыстном, благородном начинании ей помогали некоторые русские педагоги, например Олдекоп⁷⁹.

Как следует из сказанного, просветительские идеи М. Сералина выходили далеко за рамки вопросов духовной культуры народа. Они охватывали проблемы и социально-политические и экономические. Выдвинутая им идея преобразования хозяйственного уклада казахов путем перехода от кочевничества к оседлости была не только перспективной, но и смелой. Радикальной была его постановка проблемы равноправия женщины-казашки, ее активного участия в общественной жизни, а также взгляды на «правила дедов», имевшие в обществе значительную силу. Он критически относился к политике царизма в Казахстане, а в нелегальных трудах клеймил его за кровавые преступления против народа, солидаризировался с революционными выступлениями русских рабочих. Он не оставил в стороне от критики и туземную администрацию — волостных правителей, крупных баев за их равнодушие к нуждам и коренным интересам собственного народа.

Как уже говорилось, одной из особенностей просве-

---

⁷⁸ Айқап. 1911. № 7.

⁷⁹ У Нуралихановой в свое время учились ставшие впоследствии видными деятелями советского Казахстана А. Уразбаева, Р. Мендешева и др.

тительских идей предреволюционного периода в Казахстане было то, что они все больше и больше охватывали область политики, ограниченной национально-освободительными идеями и незрелыми буржуазно-демократическими лозунгами. Просветительские идеи М. Сералина в какой-то мере выходили за эти рамки. Они были частью более общего его идейного воззрения, характеризовавшегося относительно радикальным демократическим содержанием.

М. Сералин по своим политическим убеждениям и симпатиям был деятелем революционно-демократической ориентации.

**М. СЕРАЛИН — УЧАСТНИК
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В КАЗАХСТАНЕ**

**Накануне Октября и в первые годы
Советской власти**

После закрытия журнала «Айкап» М. Сералин на некоторое время уехал в родной аул (аул № 5 Шубарской волости Кустанайского уезда) и посвятил себя школьно-просветительской деятельности. Он работал учителем в школе для казахских детей (иногда ее называют «русско-казахской»), основанной в 1888 г. при непосредственном участии Ибрая Алтынсарина. Эта школа, можно сказать, была и его детищем. Он постоянно интересовался постановкой и качеством обучения детей, сам преподавал некоторые предметы, в частности естествознание¹. Теперь он имел возможность отдалиться этому делу.

К тому времени М. Сералин уже пользовался широкой известностью у населения, в особенности в среде грамотной казахской молодежи и казахской интеллигенции. В нем видели наставника, его дела и поступки не сставались незамеченными, вызывали общественный резонанс. Вокруг него концентрировались сторонники просвещения народных масс. Его многочисленные статьи по вопросам строительства школ, организации обучения детей в степи, опубликованные на страницах «Айкапа», а также в виде рукописей, имели довольно широкое распространение.

Одной из его новаций была организация библиотеки при школе. «Мухамеджан-агай организовал библиотеку специально для школьников, передав ей свои книги,— свидетельствует один из бывших учеников этой

---

¹ В период редактирования журнала «Айкап» (1911—1915 гг.) он немало времени уделял делам школы.

школы.— Он доставлял сюда газеты и журналы, издававшиеся в Москве, Петрограде, Казани, Оренбурге и в Средней Азии»². Среди них, кроме некоторых учебных пособий, были и отдельные книжечки и брошюры казахских поэтов и общественных деятелей, предназначенные для широкого круга читателей.

Сералинская школа выделялась среди многих других казахских аульно-волостных школ. Она не была похожа на старомодное, мусульманское мектебе, медресе при мечети, где основное время обучения отводилось заучиванию догм и положений корана и исламских религиозных книжников. Иногда занятия в школе вел сам М. Сералин. В качестве одного из ведущих учителей он пригласил из Уфы опытного наставника казахских детей, бывшего воспитанника известного медресе Галия-Нигматуллу Кузембаева с широкими светскими взглядами на общественную жизнь. Он приезжал на время учебного сезона и по окончании своего учебного курса уезжал обратно в Уфу. И даже своим внешним видом учителя этой школы отличались: не носили чалму, серые или белые халаты по торжественным случаям и не именовались муллами. В их одежде совмещался, как вспоминают об этом бывшие ученики школы, частично городской, частично казахский и полутатарский стиль. Главное же отличие сералинской школы состояло в методе и программе обучения. Приоритет в ней отдавался светскому образованию с включением преподавания русского языка (по желанию учеников и их родителей), счетным и естественным дисциплинам, а также физкультуре. Другой особенностью было то, что школа должна была стать как бы ядром культурно-просветительных мероприятий в местности. Силами старшеклассников организовывались вечера и их выступления перед одноаульцами, специальные увеселительные и зрелищные мероприятия с приглашением поставщиков со стороны, из соседних городов. Практиковались в школе чтения и беседы для учеников и для населения на бытовые, хозяйственные и политические темы. Все это проводилось под руководством и при непосредственном участии М. Сералина.

Опыт школьно-просветительской работы М. Сералина в своем ауле, несмотря на его ограниченность, полу-

² ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. Л. 9—13.

чил общественное признание не только в пределах Шубарской волости. Это в первую очередь объяснялось известностью и влиянием М. Сералина в обширном степном крае. К делам и словам М. Сералина прислушивались, с ним многие связывали свои надежды.

М. Сералин не ограничивался рамками своего аула. Он разъезжал по другим аулам и волостям с целью ознакомления со всей постановкой школьного дела. Он давал советы по организации «новометодных» школ по образцу казанских и крымских татар, помогал в сборе средств на обучение детей, склонял некоторых баев и торговцев к оказанию материальной поддержки школьному строительству. В одной из таких поездок М. Сералин встретился с Сайфи Кудашем, в то время учителем, а впоследствии крупным советским писателем Башкирии. Сам С. Кудаш так описывает эту встречу: «Во второй половине июня в мое жилище вошел незнакомый гость. Был он коренастый, крупный, одет наполовину по-казахски, наполовину по-русски. Человек весьма разговорчивый и крайне любопытный. Он обо всем расспрашивал, до всего докапывался... словно официальное лицо, занимающееся проверкой школ, принялся расспрашивать, каких методов придерживаюсь в своей работе, какими именно учебниками пользуюсь. Чем дальше, тем все больше и яснее становился он для меня. В скором времени мы, как закадычные друзья, разговорились на интересную для обоих тему — о распространении знаний среди казахского народа»³.

По воспоминаниям современников, М. Сералин бывал в г. Троицке и после прекращения издания журнала «Айкап». Каждый раз он выступал с докладами и беседами о событиях в России, о положении казахского общества и его перспективах перед казахской молодежью, обучавшейся в учебных заведениях города⁴. В то время в г. Троицке дети казахов обучались в школе «Уазифа», в медресе Зейнуллы-имама, в мужских и женских гимназиях. Их было для того времени немало. Бывал М. Сералин и в городе Оренбурге, где встречался с представителями казахской интеллигенции и посещал учебные заведения, в которых обучались молодые казахи.

³ Кудаш С. По следам юности. М., 1974. С. 457.

⁴ ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. А. 9. (Воспоминание Ж. Еленова).

Однако М. Сералин не мог долго заниматься только школьно-просветительской работой. Скоро он оказался в водовороте политических событий, развивавшихся и менявшихся с большой быстротой. Мировая война, развязанная капиталистическими государствами, уносила людские и материальные ресурсы страны. Лозунг «победоносной войны» обернулся для России рядом крупных поражений на поле битвы. Страна напрягала свои возможности до предела. В эти годы особенно наглядно обнажились антинародная сущность самодержавия, гнилость и внутренние противоречия царской империи. Революционная борьба пролетарских и народных масс получила новый импульс и пошла на резкий подъем. На плечи революционных партий легла масштабная задача — возглавить революционное движение масс, направленное на свержение российской монархии, и привести его к победе. Эту историческую задачу могла выполнить только партия большевиков во главе с В. И. Лениным. На усиление революционного движения царское правительство ответило ужесточением репрессивных и карательных мер.

Политические события в Центре России в той или иной степени отозвались на окраинах, в том числе в Средней Азии и Казахстане. Восточный регион, отнесенный к тыловым районам, был, однако, беспокойным. Организации рабочих на железных дорогах, горно-рудных и фабрично-заводских предприятиях, выросшие количественно и качественно, несмотря на усиление репрессий, накануне революции 1917 г. стали задавать тон в политической жизни края. Здесь шла активная поляризация политических сил и разделение их на революционеров, реформистов и монархистов. Указ царского правительства 1916 г. о мобилизации казахов на тыловые работы стал толчком для растущего недовольства народных масс.

М. Сералин выступал активным противником методов исполнения царского указа об обязательном наборе казахов на тыловые работы. Списки лиц, подлежащих мобилизации по разрядке сверху в волостях и административных аулах, составляли местные правители. Дети баев и торговцев, как правило, откупались, заменялись детьми бедняков. Составление этих списков вызвало волну подкупов, взяточничества и было источником серьезных конфликтов и внутренних столкнове-

ний. Одноаульцы М. Сералина, по его агитации, отказались от составления списков и отправки людей на окопные работы. Это решение с быстротой молнии перекинулось на соседние аулы и грозило срывом исполнения царского указа в этих местностях. Правитель Шубарской волости, в ведении которого находился аул М. Сералина, охваченный «смутой», серьезно встревожился создавшимся положением и составил донос в уездные и губернские органы на «возмутителя». Под угрозой карательных мер и во избежание неравной открытой конфронтации с властью на сходе одноаульцев, проходившем во главе с М. Сералиным, было принято решение отправить по мобилизации от аула близкого его родственника Ержана Доскожаева⁵. Сопrotивление народных масс против мобилизации казахов на тыловые работы вылилось в национально-освободительное движение, в котором принимали участие несколько ближайших родственников М. Сералина. В частности, его активным участником был Ержан Сугралин, двоюродный брат М. Сералина по отцу, лично знакомый с руководителями восстания Алиби Джангильдиным и Амангельды Имановым⁶. Сам Мухамеджан Сералин с самого начала знал, что оно не принесет реального результата казахскому обществу и будет подавлено царским правительством. «Он сомневался в успехе восстания,— вспоминает его друг С. Ужгин,— и держался того мнения, что казахам целесообразнее пойти по линии наименьшего сопротивления, т. е. пойти на тыловые работы, влиться в армию русских рабочих, в союзе с которыми и повести наступление на царизм»⁷.

Внешне позиция М. Сералина по отношению к царскому указу о мобилизации казахов на тыловые работы была похожа на линию поведения группы деятелей из газеты «Казах», призывавших население идти на тыловые работы, но мотивы у них были разные. Если М. Сералин при этом думал о союзе казахов с русскими солдатами, то степные служилые люди хотели проде-

---

⁵ ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. П. 499. Д. 6. Л. 10 (Воспоминания Жумаша Еленова).

⁶ В экспонатах выставки Кзыл-Ординского областного музея, посвященных восстанию казахов 1916 г. имеется портрет и Ержана Сугралина.

⁷ Ужгин С. Странички былого... С. 20—21.

монстрировать верноподданические чувства казахов царскому правительству.

В одной из записей воспоминаний К. Казангапова говорится о том, что М. Сералин, будучи в г. Троицке, часто направлялся в сторону железнодорожной станции и уходил один, оставив сопровождавших. Только в 1919 г. при новой встрече с автором, вспоминая, он раскрыл «секрет» посещения этих мест. «Оказывается, на территории, где сейчас железнодорожная станция имени Голощекина, которая находилась в Тургайской области, куда не совали носа троицкие полицейские, производились революционные сборы. На митингах выступали Сыромолотов, Петров, Бородин и братья Хейфецы. На этих революционных сборах рабочие-подпольщики проходили учебу по военному делу у большевика Томина (в звании комкора он погиб в 1920 г. в борьбе с басмачами)»⁸. На этих сборах бывал и М. Сералин. Теперь известно, что в годы первой мировой войны он продолжал укреплять связи с местными русскими рабочими-революционерами, участвовал вместе с ними в политических митингах, увлекался их идеями.

Февральская революция 1917 г. и падение самодержавия придали общественной и политической жизни в степном крае новый накал. Судьбы края в целом, пути освобождения казахского народа от колониального гнета и другие подобные вопросы, рожденные ходом событий в России, стояли в центре внимания деятельной части казахской интеллигенции, оказавшейся во главе процесса национального пробуждения на этапе буржуазно-демократического, младобуржуазного движения в специфических условиях казахского общества. М. Сералин был свидетелем того, как 5 марта 1917 г. вслед за свержением царя в г. Троицке состоялся народный митинг, участники которого срывали портреты царя и растапывали их.

Деятели Алаш-Орды, развернувшие активную работу между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. и пользовавшиеся поддержкой Временного правительства и лично Керенского, предприняли попытки привлечения на свою сторону Мухамеджана Сералина. Его посетили специальные уполномоченные лидеров Алаш-Орды

---

⁸ Воспоминания Канаша Казангапова // Рук. ф. Института философии и права АН КазССР.

и вели переговоры с ним о совместных действиях и выступлении в поддержку Временного правительства и для создания национальной казахской автономии под его эгидой. Судя по некоторым документам, уговорить М. Сералина не удалось. Он не стал «союзником» Алаш-Орды.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции застала М. Сералина в родном ауле. Печать, призывы и голоса разных политических партий и группировок, поддерживавших и критиковавших новую власть, смешанные с поспешностью в оценке ситуации, которые были характерны для такого захолустного уезда, как Кустанайский, затрудняли понимание происходящего, особенно для тех, кто был связан с патриархально-феодалным казахским аулом, каким бы образованным и европеизированным он ни был. Исключением не был и М. Сералин.

На Кустанайщине Советская власть была установлена значительно позже, чем в центральных областях России, и еще позже — в казахских волостях и аулах. Быстро разобраться в происходящем М. Сералину помогли земляк-большевик А. Джангильдин, с которым он был лично знаком, и русские большевики, жившие и работавшие в г. Кустанае и его окрестностях, с которыми он поддерживал более или менее тесную связь со времен революции 1905—1907 гг. Особенно близок он был к Ашмарину⁹. Но, конечно, главную роль в том, что Сералин относительно быстро разобрался в политических событиях и перешел на сторону Октябрьской революции, сыграла его идейная направленность дореволюционного периода, которая и послужила предпосылкой для правильного осмысления идей социалистической революции.

Каждый раз свою поездку в Троицк и Оренбург М. Сералин использовал для получения новых сведений и материалов о политических программах различных революционно-демократических группировок, в особенности партии большевиков, для установления новых

---

⁹ По некоторым данным, отношения М. Сералина и Ашмарина настолько были близкими, что в период разгула репрессий контрреволюционной и белоказачьей власти в Кустанае в 1917—1918 гг. Ашмарин скрывался в течение месяца от преследования в доме М. Сералина. (ЦНБ АН КазССР. Рук. Ф. 499. П. 2. Л. 13. Воспоминания Жумаша Еленова, составленные 5 мая 1947 г.).

связей с русскими и татарскими деятелями левой ориентации. Полученной информацией и своими суждениями о расстановке политических сил в стране и о том, какую реальную политику проводит новая Советская власть, что она может дать казахскому обществу, он делился с казахской молодежью и интеллигенцией, жаждущими таких сведений и собиравшимися вокруг М. Сералина. В 1918 г. из поездки в г. Троицк он возвратился в свой аул-поселок в сопровождении одного татарского коммуниста. Последний информировал местных жителей о политике Советского государства, о его отношении к народам, ранее угнетенным, о внутреннем положении страны и международных событиях. В конце речи он предложил слушателям, считающим себя достойными, вступить в ряды сочувствующих партии большевиков. Одним из первых сделал это М. Сералин¹⁰. Несколько позже он становится членом Коммунистической партии. В дальнейшем М. Сералин принимал самое активное участие во многих мероприятиях Советской власти в Кустанайском уезде (затем губернии) и в Казахстане. После установления в 1919 г. Советской власти он назначается заведующим земельным отделом Кустанайского уездного исполкома Советов. Осенью того же года он одновременно выполнял поручение комиссара степного края А. Джангильдина по вербовке джигитов в сформированный под его руководством трехсотенный красногвардейский отряд в г. Кустанае и исполнял обязанности агитатора-политработника этого отряда¹¹. С образованием революционного комитета по управлению казахским краем (Казревкома) с центром в г. Оренбурге М. Сералин назначается членом коллегии Кирземотдела¹², а вскоре — членом Казахского революционного Комитета. После создания газеты «Ушкын» (Искра) — органа казахского революционного комитета — М. Сералин включается в состав редколлегии.

Осенью 1920 г. М. Сералина как опытного работника посылают в Кустанайскую губернию в распоряжение губкома партии. Здесь он направляет свои усилия на организацию и укрепление местных советов в волостях, преимущественно населенных казахами, на митингах и

¹⁰ Кенжебаев Б. Казахская литература начала XX века. Алма-Ата, 1976. С. 71.

¹¹ Из воспоминаний Альжана Мырзабекова.

¹² ЦГА КазССР. Ф. 14. Оп. 3. Д. 236.

сходках разъясняет текущее положение и политику Советского государства и мероприятия казахского революционного комитета, направленные на осуществление национальной политики партии и на подготовку провозглашения Казахской Советской Автономной Республики.

В 1920 г. М. Сералин в качестве делегата от Кустанайской губернии участвовал в работе I Всеказахского учредительного съезда Советов, на котором было провозглашено создание Казахской Советской Автономной Республики и избраны ее верховные органы власти и управления. Он участвовал и в работе III Кустанайского губернского съезда Советов, состоявшегося в сентябре 1922 г., где был избран в состав Губисполкома¹³.

Некоторое время М. Сералин был заместителем председателя губисполкома, активно участвовал в подготовке и созыве IV губернского съезда Советов (25 ноября 1923 г.) и, будучи избранным членом Президиума съезда, совместно с другими руководит его работой¹⁴. На съезде М. Сералин выступил с докладом «Основные мероприятия по реализации национального вопроса»¹⁵. На этом съезде М. Сералин был избран в новый состав губисполкома, членом президиума губисполкома и делегатом Всероссийского съезда Советов¹⁶. В 1920—1921 гг. он возглавлял исполком Шубарской волости, был секретарем партийной организации волисполкома, работал заведующим агитотделом губкома партии, секретарем губисполкома, заведующим земельным его отделом. С начала издания губернской газеты «Аул» был ее редактором.

М. Сералин — активный участник советского строительства в Казахстане

В деятельности М. Сералина в послеоктябрьский период можно выделить два этапа: работа в революционном комитете по управлению Казахским краем (Казревком) в г. Оренбурге, учрежденном в июле 1919 г.; работа в Кустанайской губернии.

¹³ Бюллетень III Кустанайского съезда Советов. г. Кустанай, 1922. № 3 (5 сентября).

¹⁴ Газета «Красная степь». 1923. 27 ноября.

¹⁵ Красная степь. 1923. 1 декабря.

¹⁶ Там же. 1923. 29 ноября.

В конце 1919 г. М. Сералин был приглашен на работу в Казахский революционный комитет и назначен членом коллегии краевого земельного отдела и заведующим его казахской секцией. Для такого назначения были основания. Среди казахских деятелей он считался одним из наиболее компетентных в вопросах земельных отношений в крае. До революции он много ездил по казахским кочевьям и поселениям, изучал хозяйственный уклад и быт местного населения, составлял проекты и рекомендации по оседанию кочевников и полукочевников, выступал ходатаем перед официальными органами, доказывая необходимость наделения землей всех желающих кочевников, чтобы они могли заниматься и земледелием, и оказания им другой помощи. М. Сералин земледелие среди казахов пропагандировал личным примером, получив земельный участок, сам занимался хлебопашеством, сочетая его со скотоводством, построил поселок для оседавших кочевников.

Неоднократно М. Сералин выполнял поручения Казахского революционного комитета, выезжал на места. Он часто привлекался в качестве уполномоченного Ревкома для ускорения решения вопроса о передаче Кустанайского уезда из административного подчинения Челябинской губернии в ведение созданного краевого органа Казахстана. Этот вопрос был одним из наиболее сложных. Челябинский губком партии и губисполком всячески сопротивлялись такому решению, несмотря на то, что по Декрету об учреждении революционного Комитета по управлению Казахским краем, подписанному В. И. Лениным и М. И. Калининым, такая передача предусматривалась.

М. Сералин хорошо знал Кустанайский уезд, работал в советских органах после установления Советской власти в уезде и имел хорошие представления об его экономике и положении, в особенности районов, заселенных преимущественно казахами. В январе 1920 г. от имени Шубарского волостного ревкома он направил докладную записку в Революционный Комитет по управлению Казахским краем, в которой на основании фактов писал, что тяжба между Челябинской губернией и Центральным Краевым органом Казахстана относительно Кустанайского уезда создает «двойственность положения и парализует развитие края (речь идет об уезде. — Авт.) в политическом, экономическом и культурно-про-

светительном отношении... В продовольственном отношении население находится в самом плачевном положении. Врачебная помощь населению во многих уголках почти отсутствует»¹⁷. В записке М. Сералин указывал на необходимость скорейшего решения вопроса о передаче уезда в состав Казахского края, а до его решения «Назначить особо чрезвычайного уполномоченного с предоставлением ему прав контроля, инструктирования устранения от должностей, перевыборов, предания суду и ареста без предварительного сношения с Центром»¹⁸. В таком же плане говорил Ильин, представитель Кустанайского уезда, в своем выступлении на первой областной Казахской конференции РКП(б), состоявшейся в июне 1921 г. Рисуя тяжелое положение населения ряда волостей уезда, он, в частности, говорил, что «в районах Адамовском, Всесвятском и Федоровском появились банды... в них принимают участие главным образом кулаки и русские казаки, которые являются врагами власти Советов»¹⁹.

Как видим, назначение М. Сералина уполномоченным Казахского революционного комитета для ведения переговоров с Челябинскими губернскими органами относительно Кустанайского уезда было правомерным.

22 января 1920 г. Казахский революционный Комитет, обсудив доклад М. Сералина, принял постановление, в котором говорилось: «1. Срочно (по прямому проводу) телеграфировать в Центр об ускорении фактического перехода Кустанайского уезда из ведения Челябинского ревкома в ведение Киргизского (Казахского) краевого Ревкома. 2. Срочно организовать для переговоров с Челябинским ревкомом комиссию в составе одного члена Ревкома и т. Сералина, Ашмарина»²⁰. В феврале и марте 1920 г. М. Сералин и Ашмарин поочередно выезжали в г. Челябинск и вели переговоры в губком и губревком. Результаты этих переговоров рассматривались на заседаниях Казахского революционного Комитета 27 марта и 7 апреля 1920 г.²¹

В связи с переходом Кустанайского уезда в админи-

---

¹⁷ ЦГА КазССР. Ф. 14. Д. 61. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Протоколы первой областной Киргизской конференции РКП(б) 11—18 июня 1921 г. Алма-Ата, 1935. С. 57.

²⁰ ЦГА КазССР. Ф. 921. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 17. Л. 17, 27.

стративно-территориальное ведение Казахского революционного комитета и преобразованием его в губернию М. Сералин решением Краевого партийного комитета был направлен на работу в эту губернию. Оно соответствовало и его желанию вернуться на родину, где, по его мнению, он мог принести больше пользы, чем в Оренбурге.

Будучи заведующим земельным отделом губисполкома, отделом агитации и пропаганды губкома партии, редактором губернской казахской газеты «Аул», М. Сералин везде показал себя активным деятелем Советской власти.

Одной из самых злободневных и сложных задач начала 20-х г. было укрепление власти местных Советов. Выборы и перевыборы аульных, поселковых и районных Советов зачастую превращались в арену политической борьбы, связанной со стремлением различных родоплеменных и антисоветских группировок протащить своих агентов в эти органы. Накал борьбы в казахских аулах и районах был не менее острый, чем в других местностях. Тому было несколько причин: незнание или слабое знание масс политики советской власти; неграмотность населения, недоверие, доверчивость к активистам, антисоветская агитация.

М. Сералин становится одной из самых заметных фигур, включившихся в выборную и перевыборную кампанию, особенно в казахских аулах и районах губернии. Он выезжал в районы, вел разъяснительную работу, выступал на сходках, на месте руководил избирательным процессом.

3 августа 1922 г. М. Сералин опубликовал статью «Что должны помнить трудовые киргизы во время выборов». По своему содержанию среди статей, посвященных вопросам формирования новой местной власти, она занимала особое место. Статья была прямо направлена на усиление классовой борьбы в казахских аулах и на этой основе обеспечения должного социально-политического уровня проведения выборной и перевыборной кампаний в местные Советы. В ней М. Сералин давал также рекомендации для избирателей: на что следует обращать внимание во время выборов и как обеспечить их уровень, необходимый для формирования подлинно народных, советских органов власти. «Теперь,— писал он,— всем или многим стала ясна та истина, что интере-

сы баев и киргизской бедноты совершенно противоположны... Все это должна хорошенько уяснить киргизская беднота и при предстоящих выборах Советов дать свой голос исключительно честным и дельным беднякам или же середнякам, отнюдь не пропуская в Советы баев-кулаков»²².

Основываясь на опыте предыдущих выборов и исходя из реальных условий, в которых проходили и проходят выборы и перевыборы в местные Советы в казахских аулах, М. Сералин составил инструкцию о том, как добиться основной цели, ради которой устраиваются эти выборы. Она включала, в частности, следующие условия: «Киргизский трудовой элемент должен следить за тем, чтобы в Советы не пролезли какими-нибудь окольными путями бывшие царские слуги; не допускать «таласы», т. е. конкурентную борьбу претендентов за власть, связанную с созданием групповщины, ибо это «самое уродливое и вредное явление», от которого «выигрывали волостные управители и царские чиновники, а беднота от него только страдала»; ограничить и даже свести на нет влияние мулл на выборах. Хотя последние лишены по закону избирательных прав, однако они еще могут пролезть в Советы или протолкнуть своих людей»²³.

Статья заканчивалась обращением к трудящимся казахам с призывом принять самое активное участие в выборах и перевыборах: «Необходимо отбросить апатию и лень в сторону и приступить к принятию участия в советском строительстве...», «Киргизские трудящиеся должны крепко помнить следующие строки из „Интернационала“: „Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобождения своею собственной рукой“»²⁴.

При рассмотрении любого частного случая М. Сералин настойчиво и последовательно проводил идею социального отмежевания трудящейся массы от тех слоев населения, которые чужды им по образу жизни и живут за счет их труда. В статье, посвященной Всероссийской хозяйственной выставке, организованной в конце 1923 г. в Москве, которую посетили и посланцы Кустанайской губернии, он, останавливаясь на том факте, что в казах-

²² Степная заря, 1922. 3 августа.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

ской делегации было немало представителей зажиточных слоев населения, в первую очередь думавших о своих личных выгодах, а не выгодах общества, прямо говорил: «Большинство наших посланцев оказались выходцами из класса богачей-баев. То, что класс баев не интересуется выгодами большинства, а печется о своих личных интересах — истина, как светящееся солнце. Бедняки и середняки должны помнить это в предстоящих выборах»²⁵.

В конце ноября 1923 г. во всех уездах Кустанайской губернии прошли выборы нового состава районных Советов. По сравнению с предыдущими они прошли более успешно. Это относилось и к районам, на территории которых имелись более или менее компактные поселения казахов. Итогам выборов М. Сералин посвятил специальную статью «Исторические дни». Анализируя их, он отмечал, что на этих выборах казахские бедняки и середняки впервые за послеоктябрьские годы смогли показать свою политическую активность и выбрать в советские органы своих кандидатов. Как результат этих выборов он рассматривал и факт введения делопроизводства на казахском языке в уездах и районах с преимущественным казахским населением. Эти новые факты М. Сералин считал историческими.

Для стиля работы М. Сералина всегда было характерно тесное увязывание фактических задач с конкретными делами. Так, выделяя достигнутые успехи на выборах в районные Советы, он ставит задачи использования успехов в улучшении жизни и быта населения. «Теперь многое зависит от тех казахов, которые избраны. Они обязаны не ленясь заботиться о народе, отбросить халатность, честно, засучив рукава, приступить к работе»²⁶.

М. Сералин внимательно следил за изменениями в общественной жизни и быте населения в казахских аулах, за преодолением последствий разрухи и голода, охвативших их в течение нескольких лет.

В одной из статей конца 1923 г. указывал на то, что «...губерния только что выкарабкалась из громадной разрухи и из свирепого голода. Их последствия еще не исчезли. Раны, нанесенные ими, еще далеко не зажи-

---

²⁵ Аул. 1923. 30 ноября.

²⁶ Там же.

ли»²⁷, он обращал внимание местных органов в казахских аулах и населения на необходимость оживления работы «Крестьянского комитета взаимопомощи», созданного, но плохо используемого в казахских волостях и аулах».

В другой статье, озаглавленной «Чего еще теперь ждут?», сообщая о постановлении центральных органов Советского государства об открытии хозяйственного банка на местах, через который решено выдавать денежные ссуды крестьянам для приобретения «живого и неживого» сельскохозяйственного инвентаря и семенного зерна, а также о продаже крестьянам земледельческих орудий и машин в долг, М. Сералин с большим сожалением отмечает, что ... казахские шаруа (крестьяне), за отдельными исключениями, не пользуются ими... «Где активисты в аулах? Время поджигает. Что они теперь ждут?»²⁸.

Советское строительство в казахских уездах, районах и аулах было тесно связано с оседанием кочевников. В условиях большой подвижности населения, когда к зимним местам жители возвращались только поздней осенью и покидали их ранней весной, а в остальное время года совершали значительный кочевой круг, нередко достигающий нескольких сотен километров, трудно было проводить организованные мероприятия и обеспечивать влияние органов местной власти на внутреннюю социально-экономическую, идейную и культурную жизнь казахского общества. В кочевых районах в первое время была попытка организовать «кочевые созеты», перемещавшиеся вместе с кочевыми аулами. Однако эта мера не принесла желаемого эффекта. Более того, кочевая форма хозяйствования была удобна для примитивного скотоводства, но совершенно неприемлема для интенсивного хозяйства, тем более для земледельческого, без которых переустройство общественных отношений на новых, социалистических принципах было невозможно.

Между тем в массе своей казахское население, в том числе и в пределах Кустанайской губернии, оставалась еще кочевниками и полукочевниками. Такая хозяйственная традиция имела многовековую историю и под-

---

²⁷ Там же.

²⁸ Аул. 1924. 22 марта.

держивалась еще довольно прочными сознательными и подсознательными установками населения.

Процесс частичного оседания казахских кочевников начался еще до 1917 г. Но происходил он медленно, трудно, охватывал в основном районы, соседние с русскими поселениями. Даже там, где происходило такое оседание кочевых хозяйств, последние, как правило, оставались преимущественно скотоводческими, полукочевыми. Земледелие в балансе их хозяйственного благосостояния занимало совершенно незначительную долю. Так, в Кустанайской губернии, где оседание казахских кочевников происходило более активно, чем во многих других частях Казахстана, считалось, что за период с 1910 по 1915 г. образовалось 125 казахских поселений. «Все эти поселки,— указывает М. Сералин, очень хорошо знавший положение,— числятся поселками на бумаге, представляя из себя, в сущности, те же киргизские (казахские) зимовки»²⁹, в которых живут только зимой после длительных кочеваний.

Как известно, Мухамеджан Сералин всегда был убежденным сторонником необходимости оседания кочевников и развития земледельческой культуры.

М. Сералин намеревался превратить свой поселок в «образцовый», но для этого нужны были условия и время, которых не было и не доставало в дореволюционный период. Теперь, в 20-х годах он снова взялся за претворение в жизнь прежней идеи. Для этого были и определенные условия и время, а главное — была заинтересованность молодой Советской власти в оседании казахских кочевников-скотоводов, подкрепленная официальной политикой и материальной помощью.

Старания М. Сералина на деле показали выгодность и целесообразность во всех отношениях перехода кочевников к оседлости, в условиях Советской власти это скоро дало свои первые плоды. К 1924 году в поселке «Сералинский» уже насчитывалось 30 дворов. Они с 1922 г. начали заниматься огородничеством: сажали картофель, тыкву и подсолнухи. С осени 1923 года приступили к посеву озимой ржи. Первые успехи оказались ободряющими, престиж поселка пошел в гору.

Оседание кочевников и образование поселка дали возможность по-новому, на сравнительно более высоком

²⁹ Беднота. 1924. 5 февраля.

уровне решать культурно-массовые вопросы, чем в обществах кочевых аулов. Это преимущество стало наглядно выступать в жизни поселка «Сералинский». На средства граждан в 1918 году начали строить здание под школу, но гражданская война и временная оккупация уезда белогвардейцами, холера, а также голод 1921 года помешали осуществлению этого плана.

В 1923 г. М. Сералин возбудил ходатайство перед Советом народных комиссаров Казахской АССР о выделении средств на достройку школы, которую он начал в своем поселке еще в 1918 г. Правительство Республики пошло навстречу и в августе того же года выделило 23000 руб. для этой цели³⁰. С октября 1923 г. начала работать трехклассная трудовая школа 1 ступени. Во втором и третьем классах наряду с казахским языком изучался и русский. В начале 1924 г. в ней обучались 52 мальчика и 13 девочек, причем из них 12 сирот, 10 полусирот и 24 — из семей бедных родителей. Дети-сироты, по инициативе школьного совета и при помощи М. Сералина, были устроены в семьях обеспеченных, для них при школе было организовано питание, на что губернский отдел народного образования в декабре 1923 г. выделил для начала три червонца³¹. «Отдел народного образования,— писал М. Сералин,— отпускает только на жалованье заведующему школой, а второй учитель и сторож обеспечиваются из скудных средств самого населения»³². Это была одна из многих трудностей, несмотря на которые дела в школе шли более или менее успешно.

Уже в первый год возобновления учебы из числа учащихся были созданы хоровой и театральный кружки. О них М. Сералин писал: «Через каждые три недели один раз ставят спектакли и концерты бесплатно. Эти спектакли и концерты производят громадное впечатление на простых киргизов, в особенности на киргизок»³³. Среди песен, исполняемых хором был и «Интернационал», переведенный на казахский язык. Вскоре при школе организовали кружки по ликвидации неграмотности. Вначале в них записались 13, а посещало 5 человек,

---

³⁰ Степная правда. 1923. 8 августа.

³¹ Советская степь. 1924. 3 января.

³² Беднота. 1924. 5 февраля.

³³ Там же.

но уже за короткое время их число удвоилось. Это были молодые казашки и взрослые мужчины, впервые открывавшие для себя тайны элементарного чтения и правописания. К зиме 1924 г. в поселке «Сералинский» была организована ячейка рабоче-крестьянского союза молодежи в составе 25 членов, через полгода их число составило 41 человек. Среди комсомольцев были и девушки-казашки³⁴.

В поселке открыли две общественные бани, о которых мало кто слышал прежде в казахских кочевых аулах. Как указывает М. Сералин в статье, напечатанной в начале 1924 г., население поселка намеревалось создать кредитно-кооперативную ячейку и, опираясь на нее, построить механическую мельницу и ввести электрическое освещение. «Таким образом,— писал М. Сералин,— маленький светоч, заложенный в киргизском темном уголке, начинает разгонять вековой мрак киргизской жизни»³⁵.

Поселок «Сералинский» был одним из первых в процессе оседания кочевников. Он представлял собой первичную хозяйственную и культурную ячейку, на базе которой более успешно проводилась советизация в казахских аулах. В его организации и постепенном превращении в поселение, имевшем общественное значение, была и доля труда М. Сералина.

М. Сералин о В. И. Ленине

Мухамеджан Сералин был одним из первых казахских советских писателей и публицистов, писавших о В. И. Ленине, открывавших его для казахского народа. Уже в первых статьях, опубликованных в первых номерах газеты «Аул»— Органе Кустанайского губернского комитета РКП(б) и губисполкома, он писал о В. И. Ленине, его теоретических и практических делах. Статья «4 октября — праздник трудящихся Казахстана», опубликованная в 1923 г. и посвященная трехлетию создания Казахской Советской государственности, интересна в нескольких отношениях. По своему идейно-политическому и теоретическому уровню она является достаточно зрелой. В ней с достаточной силой и убедительно выде-

³⁴ Степной крестьянин. 1924. 30 августа.

³⁵ Там же.

лена роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в социальном и национальном освобождении народов бывшей царской России и в обеспечении свободного их развития в рамках содружества наций, объединенных вокруг РСФСР. Сложные политические вопросы самоопределения народов на базе Советской власти в ней изложены просто, доступно для любого казаха-кочевника и полукочевника, лаконично и глубоко.

Эта статья, вместе с тем, в значительной мере характеризует его взгляды на важнейшие политические события, происходившие в Советском Казахстане. В ней высказаны верные мысли о роли дружбы казахского и русского народов в революционном преобразовании края.

«Празднуя этот день,— сказано в ней,— трудящиеся Казахстана должны помнить следующее: в этот день — 4 октября 1920 г. трудящиеся казахи, находившиеся под гнетом царского правительства, русской буржуазии, своих баев и волостных управителей, получили свободу и возможность равноправного политического и экономического развития наравне со всеми другими национальностями, входящими в состав РСФСР; 4 октября 1920 года — это день, когда трудящиеся Казахстана впервые получили право решать собственные дела и свою судьбу; 4 октября 1920 года — это день, когда трудящиеся Казахстана получили возможность говорить и учиться на своем родном языке; 4 октября — это день освобождения трудящихся казахов от колониализма царского правительства и получения возможности заняться без оглядки восстановлением разрушенного хозяйства; этот день — свидетельство того, что сидевшие на шее трудящихся казахов свои баи и гнусные волостные управители сброшены навсегда.

День 4 октября — это доказательство того, что русские крестьяне, русские рабочие и казаки не являются врагами трудящихся казахов, ибо и они до Октябрьской революции также находились под прессом и гнетом царского правительства. Этот день напоминает нам о необходимости в тесной дружбе с ними, рука об руку, как товарищи, вместе взяться за восстановление хозяйства и овладение знаниями»³⁶.

Чтобы понять ценность статьи М. Сералина, нужно

---

³⁵ Аул. 1923. 4 октября.

представить конкретную ситуацию. Казахское общество, пройдя этапы революционного переворота, гражданской войны, разрухи и голода, начинало втягиваться в социалистическое строительство, имея в самой слабой степени внутренний идейно-политический актив и революционную национальную интеллигенцию. В отсталом кочевом и полукочевом обществе начиналась новая эра — эра социального и национального освобождения и реализации ленинского учения о праве народов на самоопределение, представлявшее основное ядро национальной политики партии и Советского государства. Эти фундаментальные мероприятия Советской власти были встречены народной массой на местах с огромным энтузиазмом и воодушевлением.

М. Сералин глубоко понимал происходящее. В статье указывалось, что образование Казахской Советской Автономной Республики и все то, что приобрел казахский народ при Советах, оказалось возможным в результате победы русского рабочего класса и Красной Армии, руководимых Коммунистической партией³⁷.

По его мнению, партия большевиков, руководимая В. И. Лениным, не только защищала интересы национальностей России, но и интересы всех угнетенных национальностей мира³⁸. В статье четко и убедительно проводится мысль о том, что среди всех политических партий и группировок, каждая из которых выдавала себя за «народных вождей», ни одна, кроме коммунистов, не являлась истинным борцом за интересы трудящихся. «Только одна Коммунистическая партия несет угнетенным национальностям свободу, равенство, хозяйственное преуспевание и знание...»³⁹.

Резюмируя свою основную мысль, М. Сералин обращается к казахским трудящимся помнить все это и всегда свои дела согласовывать с указанной истиной и сплотиться под «знаменем Коммунистического интернационализма» и заканчивает статью словами «Да здравствует Ленин — вождь рабочего класса и трудящихся всего мира!»

В одном из последующих номеров этой газеты М. Сералин опубликовал статью, посвященную национальной политике Советского государства, приуроченную к годов-

³⁷ Аул. 1923. 4 октября.

³⁸ Там же.

³⁹ Аул. 1923. 4 октября.

щине образования СССР. В ней отмечалось, что «в результате справедливой и правильной политики Советского государства малые национальности, находившиеся в прошлом в бесправном, униженном и рабском положении, получили автономию и возможность решать самим свою судьбу»⁴⁰. Крупным новым шагом в развитии Советской федерации и национальных автономий, как указывал автор, стало образование СССР и создание, начиная с января 1923 г., ЦИК, состоявшего из двух палат — Совета союза и Совета национальностей. Причем, согласно принятому на 3-й сессии ЦИК СССР Закона о правах Совета национальностей, союзный ЦИК не может принимать законы по национальным вопросам без согласования и учета мнений и утверждения Совета национальностей, в котором представлены уполномоченные национальностей, проживающих на территории страны. «Таковыми широкими и значительными правами ни одна национальность не пользовалась ни в одну эпоху в прошлом и ни в одном буржуазном государстве»⁴¹, — писал М. Сералин. То, что дала Советская власть национальностям и даст им в будущем, в свою очередь, налагает ответственность на сами эти национальности. Главным условием этой ответственности, по его мнению, является «взаимное доверие и дружба объединившихся национальностей»⁴².

В своих работах М. Сералин выступал как страстный пропагандист ленинской национальной политики и дружбы народов и критиковал тех, кто пытался извратить их суть и назначение. Его политика была всегда аргументированной и доходчивой для казахских масс. «Враги Советского государства и Коммунистической партии, — писал он, — утверждают, что якобы наша автономия — это не автономия, а лишь одно название, и, что народы, получившие автономию, на деле не владеют властью для решения своих дел, а коммунисты правят ими по своему желанию и держат в узде»⁴³. Они извращают политику государства по национальному вопросу сознательно и преднамеренно в расчете на то, чтобы сбить с толку «невежд и неграмотных, не понявших национальную политику», а также убедить политических

---

⁴⁰ Аул. 1923. 26 ноября.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

эмигрантов, скитающихся за рубежом, об обратном, напротив того, что на самом деле есть в этой политике. Ставя вопрос о том, а почему же они рисуют национальную политику Советского государства искаженно, в мрачном свете, автор статьи отвечает им следующим образом: «Разумеется, такие «критики» либо они политические слепцы, не разобравшиеся в политике Коммунистической партии по национальному вопросу, либо клеветники, желающие рассорить трудящихся народов и ненавидящие советские порядки контрреволюционеры»⁴⁴.

В качестве свежего примера, доказывающего то, как Советская власть шаг за шагом решает накопившиеся вопросы национальностей и обеспечивает их реальное равноправие и равенство, М. Сералин приводит решение только что состоявшегося 4-го Кустанайского губернского съезда Советов о признании казахского языка как языка населения губернии и о введении делопроизводства в органах на казахском языке⁴⁵.

Многие мысли М. Сералина по поводу ленинской национальной политики и советской автономии и сегодня звучат современно. Содружество советских наций, олицетворением которого является единое многонациональное союзное государство — СССР, служит доказательством того, насколько в своей сути плодотворна для свободного развития народов ленинская национальная политика, осуществлявшаяся с первых же месяцев Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинская тематика в трудах М. Сералина получила новое качественное содержание после посещения им Москвы и участия в похоронах В. И. Ленина. Этот важнейший этап в его жизни, ставший во многом переломным в смысле осознания и осмысления плодов Октябрьской революции и ленинской национальной политики, был связан с его избранием делегатом на Всероссийский съезд Советов.

На 4-м Кустанайском губернном съезде Советов, состоявшемся в ноябре 1923 г., делегатами на XI Всероссийский съезд Советов были избраны Паперный, Ряхов, Садвакасов, Байканов и Сералин⁴⁶. Их пребывание в Москве совпало с кончиной В. И. Ленина. М. Се-

⁴⁴ Дул. 1923. 26 ноября.

⁴⁵ Там же. 30 ноября.

⁴⁶ Красная Степь. 1923. 29 ноября. № 128.

ралин как делегат Всероссийского съезда Советов был включен в состав делегации Казахстана для участия в похоронах вождя мирового пролетариата.

В феврале-апреле 1924 г. М. Сералин опубликовал несколько статей о В. И. Ленине, которые начал писать еще в траурные дни в Москве: «Похороны товарища Ленина», «Траурный день», «Ленин и национальный вопрос».

Эти статьи написаны М. Сералиным с искренней любовью и скорбью. Однако это не личные воспоминания об увиденном и пережитом. В них передана всеобщая народная любовь к В. И. Ленину, раздумья о судьбе социалистической революции.

Первую свою статью М. Сералин написал находясь в Москве на следующий день после похорон В. И. Ленина на Красной площади 28 января 1924 г. Она была опубликована на страницах кустанайской губернской казахской газеты «Аул» 6 февраля и называлась «Похороны товарища Ленина». «27 января в 9 часов утра,— говорилось в ней,— гроб с телом В. И. Ленина перевезли из Колонного зала на Красную площадь. Проходившие перед гробом В. И. Ленина, установленном на возвышении, нескончаемым потоком шли до глубокой ночи».

В статье М. Сералин передает не только глубокую скорбь народа, но и его твердую решимость бороться за дело, начатое В. И. Лениным.

Свою статью, названную «Траурный день», М. Сералин заканчивает словами: «Прощай, товарищ Ленин! Ты умер, но дела не умрут!».

М. Сералин посвятил памяти В. И. Ленина стихотворение под названием «Жоктау»— («оплакивание»), которое было опубликовано в газете «Аул» 22 апреля 1924 г. Его мы здесь приводим полностью в смысловом переводе.

Вождь страны социализма,
Оратор, защитник бедняков
Ушел из мира сего,
Погрузив в печали народ.

Хотя тебя нет, но не собьются
С твоей дороги «социалисты».
Они будут главой и поведут
Угнетенный класс бедняков.

Если враг наступит на нас,

Стоять будем, как утес
Пусть не радуются враги,
Что мы лишились ведущего.

По пути нашего вождя
Единым строем мы пойдем,
Как сила-твердыня,
Мы наступим на врага.

Пусть не рассчитывают враги,
Что могут нас взять.
Во всех уголках на планете
Много наших друзей⁴⁷.

М. Сералин не видел В. И. Ленина при его жизни, а впервые узнал о нем из рассказов рабочих-большевиков и профессиональных революционеров, живших в г. Кустанае и Троицке в 1905—1910 гг. По воспоминаниям С. Ужгина, М. Сералин уже 1905—1907 гг. читал и перечитывал отдельные работы В. И. Ленина, которыми снабжали его русские друзья⁴⁸. Связь М. Сералина с социал-революционерами усилилась накануне февральской революции и особенно после нее. С первых месяцев Великой Октябрьской социалистической революции он становится убежденным коммунистом, о чем говорит его вступление в числе первых казахских интеллигентов кустанайщины в сочувствующие, а затем — в члены Коммунистической партии; его общественная и государственная деятельность в советских органах.

М. Сералин видел и слышал ряд выдающихся деятелей партии и Советского государства во время работы XI Всероссийского съезда Советов, траурного заседания ЦИК СССР, посвященного памяти В. И. Ленина, а также на его похоронах. Пребывание в Москве оставило в нем неизгладимое впечатление, обогатило духовно и политически.

Как видно из ряда воспоминаний людей, хорошо знавших М. Сералина, там, где он бывал, непременно собирались местная молодежь, одноаульцы, соседи, чтобы услышать из его уст рассказ о В. И. Ленине и его соратниках, о Москве, о политике партии и Советского государства в национальном вопросе и т. д.

---

⁴⁷ Аул. 1924. 22 апреля.

⁴⁸ Ужгин С. Первая большевистская организация в Кустанае и ее борьба в 1905—1907 годах // Большевик Казахстана. 1946. № 4. С. 26.

Наиболее зрелой в теоретическом плане является статья М. Сералина «Ленин и национальный вопрос», написанная им после возвращения из Москвы и опубликованная в конце апреля 1924 г. Считая «национальный вопрос самым трудным из всех вопросов общественной жизни и самым дискуссионным»⁴⁹, автор пытается подойти исторически к этой сложнейшей проблеме и приходит к выводу, что наиболее остро она стоит в условиях капитализма. С обострением национального вопроса возникают и разные проекты, планы его решения. «Ученые, принадлежавшие к классу богатых,— писал М. Сералин,— занятые поисками путей решения этого вопроса, предложили несколько вариантов. Однако ни один из них не годен для справедливого и правильного решения национального вопроса»⁵⁰. К числу таких проектов относятся идеи «Национально-культурной автономии и подчинения малых национальностей политике больших национальностей». В. И. Ленин выступил против всех этих буржуазных теорий. «Если прочитать труды Ленина,— писал Сералин,— написанные им за период с 1903 по 1913 гг. против этих проектов, то нельзя не удивляться его большой прозорливости»⁵¹.

М. Сералин стремился показать В. И. Ленина не только как вождя, но и как автора плана решения национального вопроса в СССР. «Свет светильника, зажженного товарищем Лениным,— писал в заключении статьи М. Сералин,— озарил самые темные уголки земель угнетенных национальностей и воспламенил потухшие огни надежды у униженных и подавленных. Если подумать обо всем этом, тогда товарищ Ленин предстает как человек величайшего ума и выдающийся покровитель угнетенных. Питать уважение к памяти таких мужей, как и при их жизни,— священный долг трудящегося класса... Это означает идти по пути, им проложенному, завершить всеми силами начатое им дело»⁵².

К наследию М. Сералина, особенно к его сочинениям на политические темы первых лет Советской власти, следует подходить исторически, т. е. оценивать в контексте конкретных условий того времени. А эти условия

⁴⁹ Аул. 1924. 22 апреля.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

были таковы, что вопрос «кто кого?» решался в ожесточенной борьбе молодого Советского государства с классовыми противниками. В казахском обществе, находившемся до революции в условиях докапиталистических, патриархально-феодальных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, условия для преобразования общества на социалистической основе были еще более сложными, противоречивыми. Заслуга М. Сералина — общественного деятеля, просветителя, публициста в том и состоит, что он был верным помощником партии большевиков в Казахстане.

**М. Сералин — один из организаторов
советской казахской газеты
в г. Кустанае**

В первые годы Советской власти в Кустанайском уезде проживало около 150 тыс. казахов, поэтому с самого начала ощущалась острая необходимость в периодической печати на казахском языке, посредством которой можно было бы широко пропагандировать идеи Октября, а также политику Коммунистической партии и Советского государства среди широких слоев населения. Однако осуществление замысла натолкнулось на ряд серьезных препятствий. В крае вообще и в уезде в частности слабо было развито печатное и издательское дело. Первый и единственный казахский журнал «Айкап» имели небольшой тираж и был доступен лишь ограниченному кругу читателей. Не только в Кустанайском уезде, но и во всем дореволюционном Казахстане не было материально-производственной базы книгопечатания, крайне мало местных кадров, владевших опытом выпуска печатной продукции, — от наборщика до редактора.

Серьезным препятствием в налаживании выпуска периодической печати на казахском языке была и неопределенность положения Кустанайского уезда, оказавшегося спорным регионом между Челябинской губернией и Казахской автономной республикой. Хотя еще к середине 1920 г. Челябинский губком партии и губисполком решили передать уезд в административное подчинение Казахской республики, однако фактическая эта передача затянулась до 1922 г.

На III партийной конференции Кустанайского уезда,

состоявшейся в начале 1921 г., было принято постановление «По работе среди киргизского населения», в котором предусматривался ряд мероприятий по ослаблению, а затем и уничтожению «фактической возможности осуществлять классовое господство над киргизской беднотой» со стороны богачей. В этих целях необходимо было усилить агитацию среди киргизской бедноты, посылкой на места летучих агитаторских отрядов, открытием избычитален и переводом на киргизский язык популярной литературы о задачах коммунизма... Организовать передвижную мусульманскую труппу, в задачу которой должна войти постановка пьес, имеющих чисто агитационный характер...»⁵³. Особо отмечалась важность доходчивого печатного слова.

После перехода Кустанайского уезда в состав Казахской автономной республики и особенно с преобразованием уезда в губернию (1921 г.) решение задачи выпуска газеты на казахском языке стало неотложным, Уездпартком, а затем губпартком для организации этого важного дела рекомендовали М. Сералина, который хорошо знал жизнь местного населения, был зрелым в идейно-политическом отношении, а также имел необходимый опыт издательской работы.

Получив официальное назначение на пост председателя Чубарского волисполкома, параллельно М. Сералин включился в подготовительную работу по изданию первой советской газеты в г. Кустанае. Он наладил связи в Челябинске с типографиями, которые печатали татарские издания, сформировал небольшой актив будущей газеты из числа образованной казахской молодежи. Благодаря его усилиям уже весной 1922 г. вышел первый номер газеты под названием «Аул» в г. Челябинске, но отдаленность привела к прекращению выпуска газеты «Аул».

Было твердо решено издавать газету в Кустанае, а для этого создать материальную базу на месте. Не менее важным было нахождение мастеров печатных дел и источников финансирования. Ответственным за все был М. Сералин.

Губпартконференция, состоявшаяся в начале 1923 г., приняла решение: «Для ведения печатной агитации среди киргиз необходимо принять меры к приобретению

---

⁵³ Партархив Казфилиала. Ф. 140. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.

мусульманского шрифта и произвести массовые закупки литературы на киргизском языке»⁵⁴.

В план работы губкома партии на май—июнь 1923 г. был включен пункт: «Во что бы то ни стало организовать издание киргизской газеты. Командировать специальное лицо за шрифтом немедленно по окончании пленума»⁵⁵.

Выполняя задания губкома партии и губисполкома, М. Сералин от их имени провел переговоры в г. Оренбурге, Казани и Уфе о закупке шрифтов и другого печатного оборудования.

Братская Татария, обладавшая большим опытом в области книгоиздания и оснащения полиграфической базой, выделила все необходимое для налаживания выпуска газеты. К лету 1923 г. было завезено около 20 пудов шрифта.

Первого сентября 1923 г. вышел первый номер газеты «Аул». Газета «Советская степь» от 15 января 1924 г. оценила этот факт как серьезное достижение в национальном вопросе. К годовщине издания газеты на ее страницах была напечатана юбилейная статья.

Газета быстро получила признание. Тираж ее был невелик — 500—750 экземпляров, что обуславливалось недостатком бумаги и типографских возможностей. Учитывая большое значение печатного слова, губкома партии поставил задачу довести тираж газеты к 1 января 1925 г. до 2500 экземпляров⁵⁶.

Так благодаря большим усилиям М. Сералина набирала силу первая большевистская газета на казахском языке. На первых порах было очень трудно с кадрами. В одну из поездок в г. Казань М. Сералину удалось пригласить на работу в г. Кустанай опытного наборщика Сабира Муратова со стажем работы 25 лет. О нем впоследствии писали: «При организации в Кустанайе в 23 году газеты «Аул» т. Муратов приезжает сюда из г. Казани и на его долю иногда приходилось чуть не одному выпускать газету, и он работал, отдавая все силы, какие у него только были»⁵⁷.

К середине 1925 г. штат газеты состоял из ответственного редактора, технического редактора (Мустафин), секретаря (Джаксалыков), экспедитора и рассыльного.

⁵⁴ Степная газета. 1923. 23 февраля.

⁵⁵ Партархив Казфилиала. ИМЯ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 616. Л. 10.

⁵⁶ Аул. 1924. 1 сентября.

⁵⁷ Степной крестьянин. 1925. 9 мая.

Летом 1924 г. ухудшилось здоровье М. Сералина. В его отсутствие обязанности ответственного редактора выполнял Т. Маймин, кандидат в члены РКП(б) с мая 1924 г., имевший опыт литературной работы и работавший вместе с М. Сералиным в редакции с самого начала издания газеты. Но и будучи больным, М. Сералин писал статьи для газеты на злободневные экономические и политические темы, пристально следил за ее изданием и за работой редакции.

За короткий срок М. Сералину удалось собрать вокруг газеты образованную казахскую молодежь и сельских активистов. В августе 1924 г. в газете работали 32 сельских корреспондента, а в 1925 г.— 42. Причем 16 из них являлись членами и кандидатами в члены РКП(б). Среди них работал Беймбет Майлин, молодой талантливый писатель и общественный деятель.

Глубокое знание жизни, быта и образа мышления местного населения, его исторического прошлого, публицистический талант, верное понимание происходящих в стране событий и перемен выдвинули М. Сералина в ряд авторитетных деятелей губернии из числа казахской интеллигенции. Почти в каждом номере газеты в течение 1923—1924 гг. он выступал со статьями, которые имели большой успех среди казахского аульного населения. Тематика статей была самая различная: разъяснение идей Октября, государственных и партийных документов, практические задачи, стоявшие перед тружениками губернии в сфере хозяйственного и культурного строительства. Это были также материалы, посвященные памятным и юбилейным датам, вопросам науки и литературы. В них он стремился аргументировать с марксистско-ленинских позиций происходящие изменения в обществе, сущность и задачи нового строя. Классовый оттенок его взглядов становится все более четким и ясным. М. Сералин был одним из первых распространителей идей марксизма-ленинизма в Казахстане на родном языке.

С первых номеров газеты «Аул» М. Сералин пропагандировал идеи Октябрьской революции и основные положения марксизма. В статье «Казах-бедняк не должен забывать» он разъяснял содержание нового социалистического государства как союза рабочих и крестьян различных наций. М. Сералин призывал освободиться от ложных представлений. «Есть один вопрос, который

некоторые казахские бедняки в настоящее время понимают ошибочно. Он заключается в следующем: если среди 15—16 дворов из одного аула или общины, связанных общим происхождением, имеется единственный богач, то остальные 14 — его бедные родственники, удовлетворенные тем, что пьют кумыс, доят коров, пользуются скотом, принадлежащим баю, с искренним усердием защищают его, мотивируя при этом, что он почтенный среди нас. Так зачем мы его выдадим русским: скотом его пользуемся, пищу едим, в затруднительном положении обращаемся к нему». Это рассуждение является большим заблуждением. Получая помощь от бая, бедняк не замечает, каким образом он становится зависимым от богатого родственника. «Благодаря куцым подачкам бай полностью приобретает власть над бедным родственником»⁵⁸, — подытоживает М. Сералин.

Эта статья была опубликована накануне проведения выборов и имела большой практический резонанс. Несмотря на победное шествие Советской власти, не все лозунги, провозглашенные социалистической революцией, доходили до сознания казахских бедняков. Бывшие эксплуататорские элементы усиленно пытались исказить идеи Советской власти. Они тщетно пытались навязать массам мысль о монолитности казахской нации, заявляя с ее социальной однородности и выдвигая только лозунги родовой солидарности. В этих условиях статьи М. Сералина выполняли важную агитационно-разъяснительную функцию. В них правдиво освещались политические мотивы и замыслы бывших эксплуататоров в новых условиях. Приводимые М. Сералиным аргументированные доводы помогали казахским беднякам трезво оценить значение выборов и других политических акций.

В статье «Всероссийская хозяйственная выставка» М. Сералин разоблачал неприглядные поступки делегатов из знати, побывавших на выставке в Москве. «Основная масса делегатов состояла из имущих и зажиточных людей. Известно, что зажиточный не заботится об интересах большинства, а беспокоится только о собственном благополучии. Это следует крепко запомнить бедняку и середняку в предстоящих выборах»⁵⁹, — советовал М. Сералин.

---

⁵⁸ Аул. 1923. 29 сентября.

⁵⁹ Там же. 25 октября.

М. Сералин также уделял внимание разъяснению принципов национально-государственного устройства Советской власти. Особенно примечательна в этом отношении статья М. Сералина «Еще один новый шаг в жизни мелких народов». В ней в доступной форме излагается роль Советской власти и Коммунистической партии в решении национального вопроса, указывается на причины фальсификации буржуазными апологетами мероприятий Советского государства в этой области. Он критиковал буржуазную «демократическую автономию», указывая на ее ограниченный характер. В противовес этому М. Сералин показывал преимущества Советской автономии.

Не ускользают от внимания М. Сералина и вопросы печати и книгоиздания. Отмечая их роль в жизни общества и отсутствие стабильности в издании периодической печати на казахском языке до революции 1905—1907 гг., он писал: «Если, с одной стороны, чтобы иметь периодическую печать, отстаивавшую интересы бедняков, необходимо множество вещей, то, с другой стороны, необходим свободный политический характер»⁶⁰. Эта возможность осуществилась благодаря Октябрьской социалистической революции и созданию рабочей периодической печати, и «современные граждане получили возможность приобщиться к новым идеям и новым суждениям»⁶¹.

Наличие практических навыков позволило М. Сералину обеспечить довольно высокий научно-теоретический уровень не только собственных, но и почти всех передовых статей газеты. Свидетельством тому было признание газеты общественностью. «Работники и сотрудники газет «Красная степь» и «Степной крестьянин», — отмечалось в обращении к газете «Аул», — шлют горячий привет своему собрату по оружию газете «Аул» в годовщину выхода ее 1 номера. Первый год, год тяжелой борьбы за существование, пройден. За этот год газета окрепла, шаг за шагом завоевывая широкие трудящиеся массы степей»⁶².

В 1924 г. М. Сералина делегируют для участия в работе II Всероссийского съезда Советов в городе

---

⁶⁰ Аул. 1924. 22 апреля.

⁶¹ Там же. 10 мая.

⁶² Степной крестьянин. 1924. 30 августа.

Москве. Здесь его застаёт смерть вождя революции В. И. Ленина. Революционная красная Москва, всенародная скорбь по поводу смерти В. И. Ленина произвели неизгладимое впечатление на М. Сералина. С удвоенной энергией он продолжал публицистическую и практическую деятельность.

После пребывания в Москве уровень и тематика статей Сералина приобретают более высокое качество. Он публикует серию статей об экономической политике Советского государства. Эти работы М. Сералина привлекали к себе внимание многих хозяйственных работников, массы читателей. Значимость статей М. Сералина огромна и показывает правильное понимание им основных задач Советской власти в экономической сфере.

Так, М. Сералин, понимая значение исторических памятников культуры, через газету обращается к населению с просьбой сообщать о каких-либо найденных археологических памятниках. В газете «Аул» подробно охарактеризована находка в урочище Сушолак богатого захоронения, где имелись золотые и серебряные украшения общим весом 40 мискалей (мискаль равен 4,25 г.).

Широта и многогранность журналистской деятельности М. Сералина проявились также в статьях, знакомящих читателей с вопросами международной жизни. Важно отметить, что М. Сералин по международным вопросам не выступал как нейтральный информатор, а подавал их под углом зрения идеалов социализма и борьбы за свободу народов.

В статьях, посвященных национально-освободительным движениям, он раскрывает сущность идейных позиций различных партий, их корни и ошибки и что они стремятся не разделять людей на классы. Но желание сохранить в мире и в согласии два класса с противоположными интересами подобно желанию пасти баранов с волками, подчеркивает он.

Развивая эту мысль, М. Сералин в статье «Результаты революции в Болгарии» подчеркивал, что империализм в лице западных государств пытается переложить все тяготы прошедших военных лет на плечи трудового населения и еще больше закабалить их. «Однако,— пишет он,— в мире существует Страна Советов — опора и надежда народов мира, подающая пример борьбы

против эксплуататоров. Силы реакции вынуждены считаться с этой силой. Буржуазия — вечный враг крестьян и рабочих. В борьбе против буржуазии крестьянам следует опираться на Коммунистическую партию и выступать вместе с нею. Игнорирование этого факта есть политическая слепота, что ведет к поражению крестьян»⁶³. Разоблачая политику западных держав, направленную на противопоставление народов азиатских стран, в частности Китая, против народов Советского государства, М. Сералин выражает уверенность в том, что «китайский народ со временем прогонит марионеточное правительство и возьмет власть в свои руки»⁶⁴.

Направленный партией на самый сложный участок идеологической работы, М. Сералин и здесь делал все от него зависящее, чтобы этот печатный орган стал активным проводником идей и планов социалистического преобразования в казахском обществе.

Последние годы жизни М. Сералина

Ряд вопросов из общественной деятельности М. Сералина, относящихся к 20-м г., остается еще недостаточно выясненным. К ним, в частности, относятся: его пребывание в партии, годы работы в советских учреждениях Кустанайской губернии, деятельность в последние два-три года в родном ауле в Чубарской области.

Многие исследователи считают, что членом Коммунистической партии М. Сералин состоял с 1919 г. Об этом же говорится и в Казахской Советской энциклопедии⁶⁵. По мнению Б. Кенжебаева, посвятившего не одну работу М. Сералину, последний вступил в члены партии в 1920 г.⁶⁶ М. Бурабаев считает, что М. Сералин вступил в кандидаты партии в 1919 г., а ее членом стал в 1921 г.⁶⁷

Исторические материалы, разрозненные первоисточ-

---

⁶³ Аул. 1923. 25 октября.

⁶⁴ Там же. 1924. 2 апреля.

⁶⁵ См.: Казахская советская энциклопедия. Т. 10. Алма-Ата, 1977 г. С. 134.

⁶⁶ Кенжебаев Б. Казахские писатели-демократы начала XX века. Алма-Ата, 1958. С. 69.

⁶⁷ Бурабаев М. С. Становление социалистического сознания в Казахстане. Алма-Ата, 1981. С. 288.

ники также противоречивы, не содержат конкретных и цельных сведений, на основании которых можно было бы твердо говорить о времени вступления М. Сералина в партию. В официальных документах, составленных в краевых и губернских учреждениях в начале 20-х г., он значится членом РКП(б) с 1919 г. В одной из анкет, заполненных самим М. Сералиным в 1922 г., сказано, что он является членом партии с 3 января 1919 г.⁶⁸ В списке членов КирЦИКа, составленном в 1922 г. в г. Оренбурге, в графе, отведенной М. Сералину, записано, что ему 54 года, в РКП(б) с 1919 г., киргиз-бедняк, окончил курс русско-киргизского двухклассного училища в Кустанае, член КирЦИК⁶⁹.

Есть и другая группа материалов, отложившихся в тех же архивных фондах, но с другими данными. В Кустанайском областном партийном архиве Б. Кенжебаевым обнаружен документ с указанием на то, что М. Сералин вступил в кандидаты партии в 1919 г., а ее членом является с 1920 г. Сохранилось и удостоверение, в котором имеется следующая запись: «Настоящее выдано члену РКП(б) тов. Сералину Мухамеджану в том, что он действительно состоит членом РКП(б) с 20 года. Партийный билет 22 года запрошен в Центральном Комитете партии, что подписями и приложением печати удостоверяется»⁷⁰.

По нашему запросу Институтом истории партии при ЦК Компартии Казахстана в декабре 1986 г. была получена справка, составленная 16 января 1987 г., которая не только не внесла ясности, но добавила новые вопросы. В ответе указывалось, что, по данным Чубарской волостной партиячейки Федоровского района Челябинской области, М. Сералин значится кандидатом в члены партии с 3 ноября 1919 г., а принят в члены партии на общем собрании членов РКП(б) в этой же волости 22 октября 1921 г. Причем в делах имеется протокол этого собрания. Также сообщалось, что в «списке членов Чубарской волостной партийной ячейки», составленном в конце 1921 г., против фамилии М. Сералина сделана запись о том, что он «оставлен кандидатом как середняк». И тут же указывается, что он является

⁶⁸ См. кн.: Кенжебаев Б. XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті. Алматы. 1976. 72-б.

⁶⁹ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 395. Л. 5.

⁷⁰ Кенжебаев Б. Указ. раб. С. 69.

секретарем партийной ячейки. В отдельных местных документах М. Сералин считался кандидатом в члены партии и в 1922, и в 1923 гг.

По воспоминаниям современников, близко знавших М. Сералина, в частности Акыша Оспанова (1882 г. рождения), осенью 1918 г. в аул М. Сералина прибыл из Троицка некий Газизов, его старый знакомый по участию в революционном движении в 1906—1907 гг. на кустанайщине. Он имел мандат от местных советских органов, выполнял их задания и на митинге одноаульцев рассказал о внутреннем и международном положении страны. По окончании митинга он записывал кандидатов в партию большевиков. В числе первых записались М. Сералин и его племянник Закир (брат Акыша Оспанова).

Имеется еще один любопытный документ. Во время чистки рядов партии, проведенной в 1922 г., на вопрос анкеты: «Считается ли совместимым верить в бога и быть коммунистом и в чем выражается ваша вера, если верите?»— М. Сералин записал: «Верю в существование бога, в вечность бытия, возмездие. Но отрицаю всякую церковность»⁷¹. Комиссия решила исключить его из рядов партии, но ограничилась тем, что оставила его кандидатом «для усвоения марксистского учения». Решение было подтверждено на заседании обкома партии 18 октября 1922 г.

Как видно из сказанного, известные на сегодня сведения относительно времени вступления М. Сералина в партию большевиков неполны и разноречивы. Вполне вероятно, что М. Сералин в конце 1918 г. через уполномоченного местных партийных органов, прибывшего в его аул с агитационной целью, записался в сочувствующие партии большевиков, что в то время широко практиковалось. Кандидатом в члены РКП(б) вступил в 1919 г. (в январе или ноябре), а в 1920 г. в период работы в г. Оренбурге стал ее членом в составе Казахского революционного комитета. Не раз, видимо, попадал в кампанию чистки и необоснованно переводился в «кандидаты» с последующим восстановлением членства в партии.

Одно ясно, что М. Сералин одним из первых среди казахских интеллигентов приветствовал и принял идею

---

⁷¹ Кенжебаев Б. Указ. раб. С. 72.

Октябрьской социалистической революции, вместе с партией большевиков активно включился в процесс советского строительства в Степном крае.

Следует внести определенные уточнения и в послужной список М. Сералина в послеоктябрьский период.

1. В литературе о нем, а также в Казахской Советской энциклопедии принято считать, что М. Сералин в самом начале 1919 г. прибыл в Оренбург, будущую столицу Казахской Автономии и работал в губземотделе. С образованием Казахского революционного комитета вошел в состав редакционной коллегии газеты «Ушкын» — его печатного органа на казахском языке⁷².

В уточнении нуждается время переезда М. Сералина в г. Оренбург. До начала второй половины 1919 г. в г. Оренбурге не было казахского краевого органа или учреждения, специально занимавшегося делами казахского населения. В то время местом разворачивания деятельности казахского отдела Наркомнаца РСФСР и создания прообраза краевого органа была Букеевская область с центром в Урде⁷³. Кустанай и многие волости уезда окончательно были освобождены от белогвардейцев только в августе 1919 г., и выезд М. Сералина в этих условиях был крайне затруднен. Потребовалось и некоторое время Казахскому революционному комитету для решения вопроса о коптации его новыми членами и приглашения новых работников из мест. М. Сералин получил приглашение прибыть в Оренбург весной 1920 г. По его личному признанию, с 1 июля по 20 октября 1920 г. работал в Оренбурге в аппарате Казревкома в должности члена коллегии земотдела. Это согласуется и с архивными документами. Назначение М. Сералина членом редакционной комиссии газеты «с совместительством члена коллегии земотдела» ревкома состоялось на заседании областного комитета РКП(б) казахского края пятого июля 1920 г.⁷⁴. Восьмого июля принимается решение в связи с отъездом в Москву по службе Кулакова, заведующего отделом Казревкома, его заместителем оставить Покровского, создав при нем временную

---

⁷² Кенжебаев Б. Журналист Мухамеджан Сералин. Алма-Ата, 1957. С. 37. // Қазақ Совет энциклопедиясы. Т. 10. Алматы. 1977. 134—135-б.

⁷³ См. кн.: Зиманов С. З., Даулетова С. О., Исмагулов М. Ш. Казахский отдел Наркомнаца РСФСР. Алма-Ата, 1975.

⁷⁴ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

коллегию в составе М. Сералина и Маслова — председателя Оренбургского губернского земотдела⁷⁵.

Кустанайский уезд, входивший в состав Челябинской губернии, с 1 октября 1920 г. перешел в административное подчинение Казахского революционного комитета. Это было накануне созыва учредительного съезда Советов Казахстана и провозглашения на нем образования Казахской Советской Автономной Республики (4 октября 1920 г.). Одним из острых и неотложных вопросов уезда, население которого составляло 260 тыс. русских и 150 тыс. казахов, живущих в абсолютном большинстве в волостях, был вопрос о кадрах для работы среди местного аульного населения. Он приобрел еще большее значение в связи с преобразованием Кустанайского уезда в губернию. Областной комитет РКП(б) и правительство Казахской АССР неоднократно обсуждали этот вопрос⁷⁶. В свою очередь, Кустанайский уездный комитет РКП(б) в 1920—1921 гг. не один раз обращался в центральные органы Казахской Автономной Республики о направлении в уезд подготовленных работников из казахов. С. С. Ужгин, возглавлявший уездный партийный комитет и одновременно ведавший отделом национальных меньшинств, просил возвращения в уезд в первую очередь М. Сералина. В докладе уездного партийного комитета в бюро обкома партии и республики от 7 декабря 1920 г. в обоснование необходимости активизации советской и агитационно-пропагандистской работы в казахских волостях говорилось: до революции здесь «политика русского правительства и капитала была чисто колониальной... Самые отвратительные приемы одурачивания применялись к полудиким киргизам. Правительство смотрело сквозь пальцы на насилия и безобразия, чинимые местной властью, считавшей киргиз скотом»⁷⁷. 2-я Кустанайская губернская партийная конференция, открывшаяся 17 ноября 1921 г., приняла резолюцию «По вопросу о работе партии среди киргиз». В ней, в частности, говорилось: «Просить обком РКП(б) о присылке киргизского шрифта и работ-

⁷⁵ Там же. Л. 18.

⁷⁶ 18 октября 1921 г. Президиум обкома партии и республики второй раз обсудил вопрос «Об укреплении Кустанайской губернии работниками из среды тов. «Киргиз». (Партархив Казахского филиала ЦКЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 13а. Л. 95).

⁷⁷ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.

ников, необходимых для постановки на надлежащую высоту агитпропаганды среди киргиз»⁷⁸.

По решению обкома партии и правительства республики и учитывая желание самого М. Сералина, летом 1921 г. он направляется для работы в Кустанайскую губернию. С назначением его председателем Чубарского волисполкома на него одновременно возлагается задача подготовки и налаживания издания губернской газеты на казахском языке. На этой должности он проработал с 20 августа 1921 г. по 30 апреля 1922 г.⁷⁹ На V уездной партийной конференции (октябрь 1921 г.) М. Сералин избирается членом уездного комитета партии, а также делегатом на первую губернскую партийную конференцию⁸⁰.

Вскоре М. Сералин отзывается в г. Кустанай для ведения общегубернской работы, связанной с советским строительством в казахских аулах и волостях, а также для проведения в них перевыборной кампании в местных органах власти. Он участвовал в работе I, II и III губернских партконференций (1921—1922 гг.), входил в состав комиссии губкома партии по вовлечению казахов в партийную и советскую работу⁸¹. С июля 1922 г. до начала 1923 г. М. Сералин работал заведующим губернским земельным управлением и одновременно заместителем председателя губисполкома, являлся членом его президиума.

В 1922—1923 гг. М. Сералин избирается членом ЦИК Казахской Автономной Республики, делегатом первого и второго Всероссийских съездов Советов. С начала 1923 г. переходит на работу в редакцию газеты «Аул» и отдает ей все силы. Одновременно оставался членом президиума губисполкома, вплоть до V губернского съезда Советов (март 1925 г.).

С середины 1924 г. состояние здоровья М. Сералина заметно ухудшилось. В периоды улучшения здоровья (1926—1928 гг.) М. Сералин снова привлекался к работе в партийных и советских органах губернии: назначался заместителем председателя губисполкома, заведующим агитационно-пропагандистским отделом губкома партии.

⁷⁸ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 253. Д. 29.

⁷⁹ В литературе не точно датируется работа М. Сералина председателем волисполкома в 1920—1921 гг.

⁸⁰ Партархив Казфилиала ИМЛ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 877. Л. 32—33.

⁸¹ Степная заря. 1922. 12 августа.

Однако, прогрессирующая болезнь не давала возможности заниматься партийно-государственными делами в полную силу.

По воспоминаниям Ташбаева, хранящимся в рукописном фонде библиотеки АН КазССР, в 1928 г. областной комитет РКП(б) Казахской АССР решил назначить М. Сералина редактором газеты «Еңбекші қазақ» — органа обкома партии и ЦИК КазАССР, хотя по настоянию врачей находился на лечении дома в ауле. В декабре 1928 г. он был парализован, а весной 1929 г. умер.

Несмотря на трудности и невзгоды послереволюционных лет, он всегда оставался преданным идеалам социалистического обновления казахского общества.

Вся жизнь Мухамеджана Сералина — пример преданности своему народу и идеалам прогресса и социализма.

То, что М. Сералин с первых дней Октябрьской революции становится активным сторонником и проводником идей социалистической революции и советского строительства в казахских аулах, являлось логическим продолжением его дореволюционной общественно-политической деятельности.

М. Сералин занимает достойное место в истории общественной мысли и культуры Казахстана. Однако молодое поколение почти не знает его либо знает очень мало. Причин тому много. Перекосы в социально-политической жизни общества, господство культа личности в течение многих лет, откровенный нигилизм по отношению к истории и историческим личностям народов, нарушение принципа справедливости в оценке их деятельности были причиной того, что незаслуженно были забыты многие передовые деятели Казахстана, в том числе Мухамеджан Сералин. Долг наших ученых восполнить этот пробел в истории и культуре народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (С. З. Зиманов)	3
--------------------------	---

Глава 1

Условия формирования взглядов М. Сералина	29
Социальное и национальное пробуждение казахского общества в начале XX в. (С. З. Зиманов)	—
Юность Мухамеджана Сералина (С. З. Зиманов, К. З. Идрисов)	39
На стыке трех культур (С. З. Зиманов)	50

Глава 2

М. Сералин и журнал «Айкап»	58
Основатель и редактор первого национального журнала в Казахстане (С. З. Зиманов)	—
Идейная направленность журнала (С. З. Зиманов)	71
Авторский круг журнала «Айкап» (К. З. Идрисов)	77

Глава 3

Политические взгляды М. Сералина	86
М. Сералин в годы революционного движения 1905—1907 гг. в России (С. З. Зиманов, К. З. Идрисов)	—
М. Сералин о политике царизма в Казахстане (С. З. Зиманов)	99
Просветительские идеи М. Сералина (С. З. Зиманов)	107

Глава 4

М. Сералин — активный участник социалистического строительства в Казахстане	126
Накануне Октября и в первые годы Советской власти (С. З. Зиманов)	—
М. Сералин — активный участник советского строительства в Казахстане (С. З. Зиманов)	134
М. Сералин о В. И. Ленине (С. З. Зиманов, К. З. Идрисов)	143
М. Сералин — один из организаторов советской казахской газеты в г. Кустанае (К. З. Идрисов)	151
Последние годы жизни (С. З. Зиманов)	158

Научная монография

**Салык Зиманович Зиманов,
Кабдеш Зулович Идрисов**

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
МУХАМЕДЖАНА СЕРАЛИНА**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии и права
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: докт. филос. наук *О. А. Сегизбаев*,
канд. юрид. наук *С. У. Созакбаев*

Редактор *Л. И. Дробжева*
Художественный редактор *В. А. Афуксениди*
Оформление художника *Э. Ф. Ким*
Технический редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *Э. А. Кинасова*

ИБ № 2771

Сдано в набор 11.04.89. Подписано в печать 17.07.89. УГ10097.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 8,93. Уч.-изд. л. 9,59.
Тираж 1000. Заказ 115. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28

НОВЫЕ КНИГИ

Издательства «Наука Казахской ССР»

1990 г.

Философия

Логико-гносеологический анализ науки / Под ред. Ж. М. Абдильдина, А. Н. Нысанбаева. На русском языке. 25 уч.-изд. л. Ориентировочная цена, 5 р. 20 к.

Ж. М. Абдильдин — академик АН КазССР; А. Н. Нысанбаев — член-корреспондент АН КазССР, сотрудник Института философии и права АН КазССР.

В монографии обосновывается диалектико-материалистическая концепция науки как специфической формы духовного производства, анализируются всеобщие условия ее формирования и развития, разрабатывается идея неразрывного единства научного познания и человеческой практики, исследуются ее основные черты, функции, закономерности, перспективы развития, раскрывается взаимосвязь науки с другими формами общественного сознания.

Работа предназначена научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, всем интересующимся современными проблемами развития науки.

Трошихин В. В. Политическое развитие личности. На русском языке. 12,4 уч.-изд. л. Ориентировочная цена 2 р. 70 к.

В. В. Трошихин — канд. филос. наук, зам. директора Института философии и права АН КазССР.

В центре работы — проблемы социально-политического развития личности во взаимосвязи и взаимодействии с интернационализацией, совершенствованием общественных отношений. Объект исследований — современный человек в системе политических, общественных и идеологических институтов, социалистической демократизации и самоуправления народа, ускорения социально-экономического развития страны.

В книге раскрывается содержание и особенности формирования политической культуры личности в условиях многонациональных коллективов, намечаются пути совершенствования практики политического воспитания.

Монография адресована научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам, партийному и идеологическому активу.

П р а в о

Нургалиева Е. Н. **Трудовое право в новых условиях хозяйствования.** На русском языке. 7,3 уч.-изд. л. Ориентировочная цена 2 р. 10 к.

Е. Н. Нургалиева — канд. юридич. наук, доцент КАРГУ.

В монографии исследуются вопросы правового обеспечения хозяйствования в новых условиях ускорения социально-экономического развития. Дается понятие хозяйственного механизма и его отражение в праве, раскрываются значение, роль системы советского права в создании нового экономического механизма, особое внимание уделяется советскому трудовому праву.

В связи с тем, что радикальные изменения в трудовом законодательстве в современных условиях связаны с переводом предприятий, их структурных подразделений на хозяйственный расчет, определенное место в работе отводится правовым вопросам бригадной формы организации и стимулирования труда.

В работе исследовано влияние хозрасчета как главного фактора улучшения общественно-трудовых отношений на такие важные институты трудового права, как трудовой договор, заработная плата, трудоустройство и рациональное использование трудовых ресурсов.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся проблемами экономики и советского трудового права, а также на аспирантов и студентов экономического и юридического факультетов.

Правовые отношения в сфере народного хозяйства / Сулейменов М. К., Покровский Б. В., Жакенов В. А. и др. На русском языке. Ориент. цена 3 р. 30 к.

И. К. Сулейменов — доктор юридич. наук, Б. В. Покровский — канд. юридич. наук, В. А. Жакенов — канд. юридич. наук.

В книге анализируется понятие правовых отношений в сфере народного хозяйства, дается их классификация. Исследуются вопросы субъектов, возникновения, изменения и прекращения правоотношений, а также их отдельные виды: по планированию и финансированию народного хозяйства, отношения собственности, обязательные и трудовые правоотношения. Рассматривается вопрос взаимосвязи материальных и процессуальных правоотношений.

Все эти проблемы анализируются в плане реализации, развития и совершенствования положений Закона о государственном предприятии (объединении), даются конкретные предложения по совершенствованию законодательства в сфере народного хозяйства.

Работа рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических и экономических учебных заведений, работников юридических и экономических служб в народном хозяйстве, а также на всех интересующихся правовыми проблемами перестройки хозяйственного механизма.

Заказы просим направлять по адресу: 480100, Алма-Ата, Пушкина, 111/113, Издательство «Наука» Казахской ССР.

